

4

AA77

H. eccl. 3187 u

No 35
6

ms. #47.

ГРЕКО-БОГАРСКИЙ

ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОСЪ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ

В. ТЕПЛОВА.

ИМПЕРАТОРСКОЮ Академіею Наукъ удостоено Уваровскаго
почетнаго отзыва.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатеринин., кан., № 78.

1889.

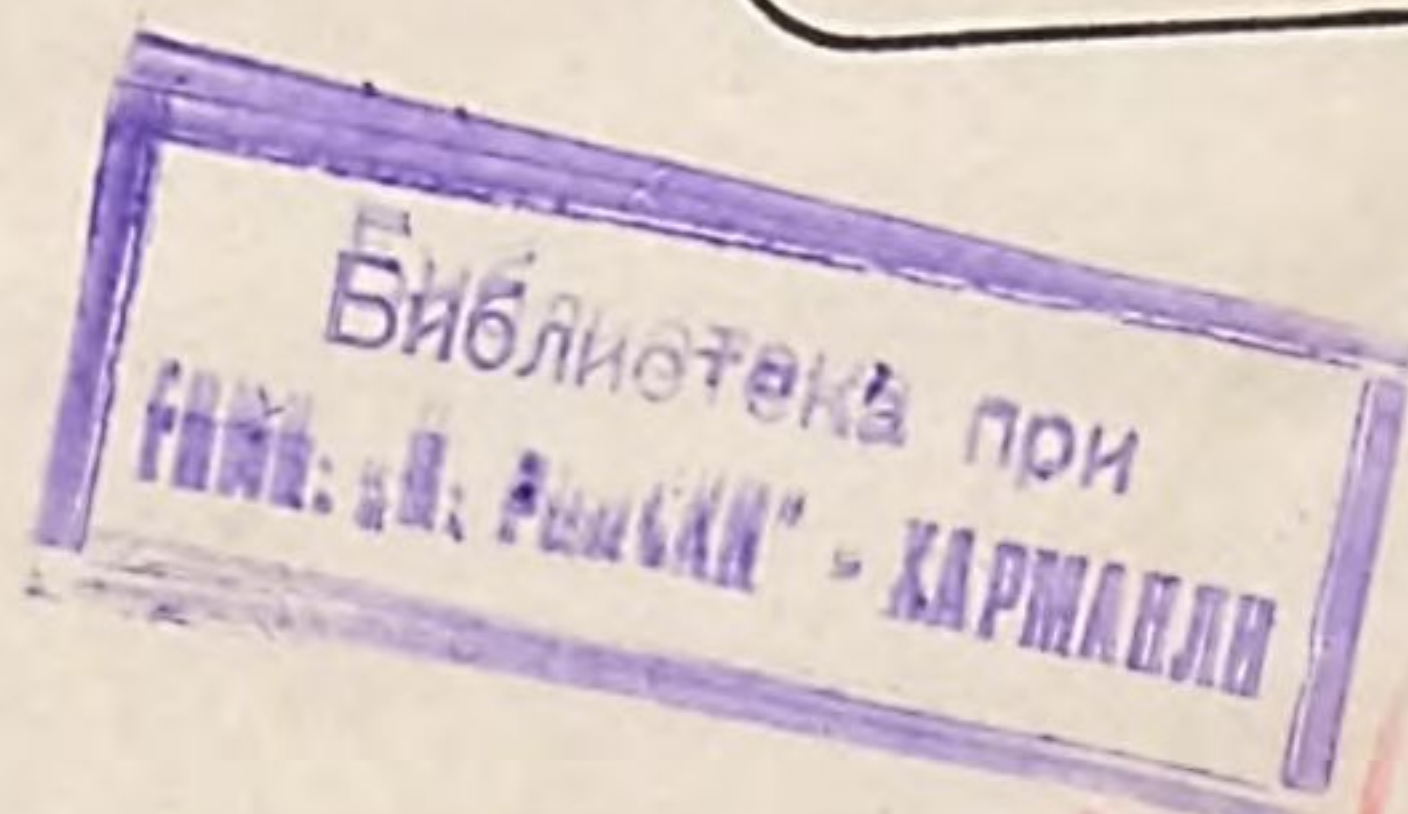
12 VII 1961

Екатерининський кнз., д. 78.
№ 2893.

Терлов

Bayerische
Staatsbibliothek
München

№ 5129

ТгТ/ 80/ 4670

ГРЕКО-БОЛГАРСКІЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОСЪ ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Inter duos litigantes tertius gaudet.

Изученіе историческаго хода и развитія греко-болгарскаго вопроса не можетъ не привести къ заключенію, что присвоенный вопросу этому эпитетъ «церковнаго» не вполне точенъ, такъ какъ можетъ относиться развѣ лишь ко внѣшней сторонѣ идущаго между двумя народностями спора. Въ сущности это вопросъ политическій, выражающій собою стародавнюю вражду Грековъ и Болгаръ изъ за обладанія Балканскимъ полуостровомъ. Вопросы каноническіе служатъ лишь орудіемъ, прикрывающимъ истинныя, открыто не высказываемыя цѣли вожаковъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, съ настойчивостью и упорствомъ продолжающихъ дѣло, которое не смогли остановить ни блестящія побѣды царя Симеона, ни неслыханныя жестокости императора Василія II Болгароистребителя.

Поэтому-то для большаго уясненія внутренняго смысла происходящихъ на глазахъ нашихъ явленій, намъ необходимо обратиться къ исторіи, которая, какъ яркій свѣточъ, освѣтитъ намъ мракъ давно минувшихъ лѣтъ и поможетъ разсмотрѣть тотъ путь, по которому долженъ будетъ направиться разбираемый нами вопросъ въ будущемъ.

Историческій обзоръ Болгаріи и ея древней церкви составилъ я, придерживаясь Доброва («Южное славянство») и Голубинскаго («Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей»). Кромѣ того, я пользовался, какъ источниками, кромѣ необходимыхъ богословскихъ книгъ, еще и слѣдующими сочиненіями: «Сношенія Россіи съ Востокомъ по церковнымъ дѣламъ» Муравьева, 1858, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» Соловьева, «Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распря» Филиппова, «Опредѣленіе Константинопольскаго собора по вопросу о болгарскомъ экзархатѣ» Филиппова, «Греко-болгарскій церковный вопросъ» Тёсовскаго, 1871, «Мнѣніе православныхъ арабовъ о греко-болгарской распрѣ» Муркоса, 1880, «Панславизмъ и Греки» Леонтьева, «Византизмъ и славянство» его-же, «Первый болгарскій экзархъ блаженный Антимъ» Муромцевой, «Греко-россійская церковь въ своихъ отношеніяхъ къ церквамъ Запада» 1880, «Зеленая книга Болгарскаго княжества», «Органическій уставъ Восточной Румеліи», «Офиціальна статистика на источно румелійско-то населеніе» 1880, «Матеріалы для статистики Болгаріи, Θракіи и Македоніи» Теплова, 1877, «Ethnographie de la Macedoine» Philippopoli, 1881, «Carte ethnologique de la Turquie d'Europe et mémoire sur la repartition actuelle des races dans la peninsule Illyrique» par Stanford, Paris, 1877, «Ethnographie des vilayets d'Andrinople, de Monastir et de Salonique» 1878, «Carte ethnographique de la Turquie d'Europe et dénombrement de la population Grecque» par Synvet; кромѣ того, замѣтками, разбросанными въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Но главный и самый богатый матеріалъ доставилъ мнѣ архивъ посольства нашего въ Константинополѣ, которымъ я пользовался съ разрѣшенія нашего посла Е. П. Новикова. Ходъ переговоровъ и различные фазисы, чрезъ которые проходилъ греко-болгарскій церковный вопросъ за время начиная съ Крымской войны, изложены и разобраны мною на основаніи политическихъ депешъ посольства, консульскихъ донесеній, переписки

съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, а также на основаніи мемуаровъ, записокъ и другихъ дипломатическихъ документовъ. Не мало пользы принесли мнѣ воспоминанія принимавшихъ личное участіе въ церковномъ вопросѣ настоятеля посольской церкви архимандрита Смарагда и доктора Каракановскаго, родомъ Болгарина.

Ко всему перечисленному нужно присоединить еще и мои личные воспоминанія, вынесенныя изъ одиннадцатилѣтняго пребыванія моего въ Константинополѣ съ 1870 по 1881 г., причемъ на глазахъ моихъ разыгрались всѣ главныя проявленія остраго періода греко-болгарскаго вопроса.

I.

Съ самага водворенія Болгаръ въ Мизіи, начался рядъ опустошительныхъ войнъ между новыми пришельцами и греческими императорами, причемъ христіанская Византія въ жестокостяхъ, сопровождавшихъ эти войны, не уступала нисколько своимъ языческимъ противникамъ. Мало-по-малу болгарскій народъ собирается въ сильное царство, которое выставляетъ себя уже открытымъ соперникомъ Византіи на владѣніе полуостровомъ.

Официальное введеніе христіанства въ Болгаріи приписываютъ царю Борису (Михаилу) и относятъ событіе это къ 863 г.; но еще раньше религія эта пустила корни, благодаря массамъ плѣнныхъ временъ войнъ царей Крума и Мартогона, такъ что сильно уже расшатанный языческій культъ палъ тихо, почти безъ борьбы.

Отъ императорскаго Рима наслѣдовала Византія принципъ нераздѣльности церкви и государства; при всѣхъ попыткахъ церкви къ обособленію, византійскіе императоры продолжали считаться ея верховными главами. Такимъ образомъ верховная власть надъ церковью стала однимъ изъ существенныхъ преимуществъ свѣтскаго владыки на Востокѣ.

Взглядъ на такое отношеніе церкви къ государству былъ усвоенъ всѣми тѣми народами, которые приняли христіанство отъ Византіи. Всѣ они, при зарожденіи у нихъ сознательно твердаго стремленія къ политической независимости, разрывали церковно-іерархическую связь съ Византіей, устанавливая у себя высшую церковную власть, независимую отъ Константинопольскаго патріарха.

Поэтому неудивительно, что и царь Борисъ хотѣлъ закрѣпить свою независимость учрежденіемъ въ Болгаріи независимой высшей церковной власти. Обращеніе по этому поводу къ патріарху, съ цѣлью добиться назначенія для Болгаріи особаго митрополита, не имѣло успѣха, такъ какъ Греки, въ видахъ господства надъ Болгарами, не хотѣли первоначально имъ дать собственнаго отдѣльнаго архипастыря, а во вторыхъ, есть большее основаніе предполагать, что въ своихъ заботахъ о сохраненіи владычества надъ Болгарами, Греки не хотѣли имъ давать не только митрополитовъ, но даже и епископовъ, предполагая ограничиться назначеніемъ лишь однихъ священниковъ изъ Болгаръ. Нежеланіе состоять въ подобной опасной для самостоятельности государства церковной зависимости, заставило Бориса прервать переговоры съ Греками и обратиться въ 866 г. къ папѣ Римскому.

Но непродолжительно было господство Латинянъ въ Болгаріи, и въ 870 г. они были изгнаны, а патріархъ Константинопольскій Игнатій, видя необходимость сдѣлать Борису уступку, назначилъ Іосифа, Болгарина родомъ, архіепископомъ Болгарскимъ. Собственно говоря, желаніемъ царя Бориса было имѣть въ Болгаріи патріарха, но такъ какъ на просьбу его объ этомъ былъ полученъ рѣшительный отказъ не только отъ Константинопольскаго патріарха, но даже и отъ папы, то Борисъ по необходимости долженъ былъ удовольствоваться архіепископомъ, подчиненнымъ Константинопольскому престолу.

Санъ архіепископа, какъ высшаго лица болгарской духовной іерархіи, не удовлетворялъ честолюбію болгарскихъ царей, и

преемникъ Бориса, Симеонъ, считая, что невозможно быть царству безъ патріаршества, собственною властью возводитъ архіепископа Болгаріи въ достоинство Болгарскаго патріарха, утверждая престолъ его въ Преславѣ. Въ 927 г. сынъ Симеона, Петръ, женился на внучкѣ императора Романа II, и Византія, старавшаяся тогда задобрить въ свою пользу могущественныхъ болгарскихъ царей, признала патріархомъ архіепископа Болгарскаго Даміана, но преемниковъ сего послѣдняго Греки не хотѣли уже признавать патріархами. Архіепископская каѳедра переносилась послѣдовательно изъ Преславы и Доростола въ Софію, Водину, Преспу и Охриду, слѣдуя за столицей Болгарскаго царства, а иногда просто вслѣдствіе необходимости искать безопаснаго мѣста отъ раздиравшихъ тогда Болгарію войнъ. Такъ какъ въ 971 г. Цимисхій завоевалъ Балканскую Болгарію, то преемникъ Даміана, Гавріилъ, завѣдывалъ только македонско-албанскою частью Болгаріи по Софію и Виддинъ включительно, утративъ прибалканскія епархіи, состоявшія изъ *Преславской* съ городомъ Преславою, нынѣшнимъ Эскистамбуломъ, *Доростольской* или *Дристрской* съ городомъ Доростолемъ, нынѣшнею Силистріею, *Проватской* съ городомъ Провада, *Дебельтской* или *Загорской* съ городомъ Дебельтомъ, верстахъ въ 20 къ западу отъ Бургаса, и *Брегальницкой* съ городомъ Брегалница вблизи Велеса и Струмницы. При преемникѣ Гавріила, Филиппѣ, столица царства перешла въ Охриду, почему сюда была перенесена и каѳедра архіепископская.

Границы Болгарской архіепископіи подвергались постоянному измѣненію, сообразуясь съ перемѣнами границъ Болгарскаго царства, то разбрасывавшагося во всѣ стороны, то терявшего одну область за другою.

При царѣ Петрѣ въ составъ Болгарской архіепископіи, кромѣ прибалканскихъ епархій, входили слѣдующія:

1. *Охридская*, съ городами Охрида, Преспа, Кичавъ и Мокръ на западъ отъ Охридскаго озера.

2. *Касторійская*, съ городами Касторія, Курестъ, Горча, Колона (Колонія-Старія), Деаволь, Вооза и Моръ.

3. *Главиницкая*, съ городами Главиница, Неаниски и Канино, близъ Авлоны.

4. *Могленская*, съ городами Могленъ (нынѣ не существующимъ, бывшимъ близъ городка Нотья), Просакъ на Вардарѣ, (нынѣ Демиръ-капу), Мирихова (нынѣ Морихово), Сетена, Островъ, въ 20 верстахъ на востокъ отъ Водены и Заодрія.

5. *Битольская*, съ городами Пелагонія (нынѣ Битоль) Прилѣпъ, Деврета (можетъ быть Деври, между Кичавой и Прилѣпомъ) и Велесъ.

6. *Струмницкая*, съ городами Струмница, Радовичи, Конча (нынѣ деревня на ЮЗ. отъ Радовичи и на СВ. отъ Струмницы).

7. *Моровиздская*, съ городами Козякъ (нынѣ деревня на ВСВ. отъ Прилѣпа). Славище (на Ю. отъ Враньи), Злетова (на СВ. отъ Истиба), Моровизда (недалеко на Ю. отъ Злетова), Луковица (на С. отъ Злетова), Пьяница (на В. отъ Злетова), Малешево (близъ горы Малешъ).

8. *Вельбуждъская*, съ городами Вельбужда (на Ю. или на ЮВ. отъ Софіи, можетъ быть Кюстендиль), Сунтяскъ, Германія (близъ Дубницы), Теримеръ, Стобъ (нынѣ въ развалинахъ и на З. отъ Рыльского монастыря), Ката, Сундеаскъ и Разлогъ.

9. *Триадицкая*, съ городами Софія, Перникъ (крѣпость на Ю. отъ Софіи по дорогѣ въ Филиппополь). Сиковосъ (можетъ быть Самоковъ) и Свенеапосъ.

10. *Нишская*, съ городами Нишъ, Мокръ, Комплосъ, Топлица (на р. Топлицѣ) Сверличъ (на р. Тимокъ къ СВ. отъ Ниша).

11. *Враницкая*, съ городами Враница (вѣроятно Браничево, при впаденіи Млавы въ Дунай), Моровискосъ (при впаденіи Моравы въ Дунай), Свентеромосъ (вѣроятно Семендрія), Гротосъ, Дивисискосъ, Истрагланга, Вродарискосъ.

12. *Бѣлградская*, съ городами Бѣлградъ (нынѣ Бератъ), Градище (въ 30 верстахъ на Ю. отъ Берата), Омцось, Главентинось и Бѣлая Церковь.

13. *Трамская*.

14. *Скопійская*, съ городами Скопѣя, Винетцисъ, Преаморось, Ликова и Принипось.

15. *Приштинская*, съ городами Приштина, Хосность (нынѣ Хвостно, на З. отъ Приштины), Леаскулицось (нынѣ Лѣсковаць), Врантось (можетъ быть Вранья).

16. *Липенійская*, съ городомъ Липеній (вѣроятно Митровица).

17. *Сервійская*, съ городомъ Сервія.

18. *Виддинская*, съ городомъ Виддиномъ.

19. *Орейская*, съ городомъ Орея (близъ Чупріи).

20. *Черникская*, съ городомъ Черникъ (въ средней или сѣверной Албаніи).

21. *Химерская*, съ городомъ Химара (въ южной Албаніи, на берегу Адріатики, немного выше Корфу).

22. *Адріанопольская*, съ городомъ Адріаноподемъ.

23. *Дринопольская*, съ городомъ Дриноподемъ (недалеко отъ Аргирокастро).

24. *Бутротская*, съ городомъ Бутротъ (въ южной Албаніи, на берегу Адріатики).

25. *Козильская*, съ городомъ Козиль (близъ Химары).

26. *Янинская*, съ городомъ Янина.

27. *Петрская*, съ городомъ Петра (между городами Влаш-коливадо и Катерина).

28. *Стаягская* или *Стагонская*, съ городомъ Стагъ (нынѣ Стайкалабакъ, въ средней Ѳессаліи, у горъ Метеорскихъ).

29. *Веррійская*, съ городомъ Веррія.

Затѣмъ, кромѣ этихъ епархій, въ составъ архіепископій входили въ теченіе нѣкотораго времени еще слѣдующія епархіи:

Моравская, съ городомъ Морава (при впаденіи Моравы въ Дунай).

Дебрская, съ городомъ Дибра (нынѣ каѳедра эта въ Кичевѣ).

Малешовская, съ городомъ Малешево (см. выше).

Гревенская, съ городомъ Гревена (на Быстрицѣ, къ СВ. отъ Янины).

Дѣвольская, съ городомъ Дѣволъ (на Ю. отъ Охриды и на СВ. отъ Касторіи).

Расская, съ городомъ Расъ (близъ Новаго Базара).

Между тѣмъ Болгарское царство, едва успѣвъ достигнуть блестящаго положенія, стало клониться къ упадку подъ вліяніемъ кореннаго порока своего государственнаго устройства. Сдѣлавшись государствомъ, Болгары сохранили инстинкты кочевниковъ и, не переставая вести войны съ Византіей, руководились лишь стремленіемъ расширить предѣлы царства временными захватами городовъ и территорій, нисколько не помышляя о прочномъ органическомъ скрѣпленіи ихъ съ государствомъ: страсть къ временнымъ успѣхамъ заставляла Болгаръ разбрасывать и непроизводительно тратить свои силы, препятствуя въ то же время правильному, здоровому росту государственнаго организма. Въ минуту испытанія обнаруживается полное отсутствіе единства въ этомъ обширномъ государствѣ, многоразличные элементы котораго оказываются вовсе чуждыми другъ другу. Благодаря стремленію къ захватамъ, Болгарія, съ одной стороны, потеряла государственную устойчивость, а съ другой, посѣяла сѣмена вражды въ сосѣднихъ славянскихъ племенахъ Сербовъ и Хорватовъ, отголоски которой сохранились и до настоящаго времени въ тѣхъ неправильныхъ отношеніяхъ, основанныхъ на враждѣ и взаимной ненависти, кои замѣтны и нынѣ между славянскими племенами Балканскаго полуострова.

Впрочемъ, нельзя не признать, что существованіе пропасти между этими послѣдними многимъ обязано разъединяющему вліянію византизма, внесшему въ Болгарское царство ничѣмъ неизлечимую деморализацію. Предательство, измѣна, самый мелочной эгоизмъ, отчужденіе народа отъ правящихъ классовъ, охваченныхъ грекоманіей и считавшихъ высшимъ удовлетвореніемъ

своего самолюбія быть называемыми «полу-греками», всѣмъ этимъ Болгары обязаны вліянію Византіи.

Ослабленное внутри, Болгарское царство рушилось въ 1019 г. подъ жестокими ударами императора Василия II Болгароистребителя.

Завоеватель, желая примирить съ собою Болгарскій народъ, оставилъ ему самостоятельную церковь и сначала предоставилъ даже самому народу выбрать себѣ архіепископа Болгарина Іоанна, котораго императоръ лишь утвердилъ въ его санѣ, но затѣмъ, какъ ловкій политикъ, Василій II принялъ мѣры къ уничтоженію внутренняго значенія Охридской архіепископіи, которою народъ не могъ не дорожить какъ послѣднимъ остаткомъ утраченной свободы.

Независимость церкви представляется народу прежде всего въ лицѣ низшаго духовенства, вышедшаго изъ его же среды, а потому Василій II оставилъ Болгарамъ ихъ собственное приходское духовенство, чѣмъ не мало способствовалъ успокоенію завоеваннаго края подъ византійскимъ владычествомъ. Что же касается до высшаго духовенства, то Василій II въ непродолжительномъ времени назначилъ преемникомъ Іоанну епископа Льва, который и былъ первымъ архіепископомъ Охридскимъ изъ Грековъ. Затѣмъ, всѣ высшія мѣста въ духовной іерархіи Болгаріи стали замѣщаться епископами греческаго происхожденія. Такимъ образомъ, съ покоренія царства и до конца XII вѣка Болгарія не имѣла своей народной церкви, такъ какъ церковь ея представляла два враждебные между собою элемента, — первый, народный, состоявшій изъ низшаго приходскаго духовенства, а второй — чуждый, къ которому принадлежали всѣ высшіе церковные сановники, съ архіепископомъ Охридскимъ во главѣ. Всѣ высшія кафедры были заняты Греками или полу-Греками, отчасти по пристрастію архіепископа, отчасти вслѣдствіе трудности, какъ утверждали Греки, пріискать въ то время въ средѣ Болгарскаго народа людей достаточно подготовленныхъ къ обязанностямъ блюстителей церковныхъ порядковъ и охранителей чистоты религіи.

Близкое къ народу, связанное съ его интересами, бѣдное и невѣжественное, отличавшееся отъ него только своею одеждою, приходское болгарское духовенство дѣйствительно не имѣло достаточно умственныхъ силъ, чтобы стать руководителемъ народа въ сферѣ національнаго его развитія. При такомъ составѣ духовенства, въ которомъ одна часть, образованная, набравшаяся изъ Грековъ, враждебно относилась къ славянской національности, а другая — хотя и тѣсно связанная съ народомъ, соборноуважавшая его нужды, но сама невѣжественная, не только не могла направлять національное развитіе народа, но и дать этому развитію толчокъ, — при такомъ духовенствѣ Византіи нечего было опасаться независимой болгарской церкви, и вотъ почему императоръ Василій II не считалъ нужнымъ посягнуть на ея самостоятельность.

Въ то время когда болгарскіе бояре, соревнуя другъ предъ другомъ въ усвоеніи византійскихъ нравовъ, проводили пріятную жизнь въ столицѣ и иныхъ большихъ городахъ имперіи, народъ цѣлыми толпами убѣгалъ въ лѣса и горы, ища отвоевать себѣ національную независимость. И вотъ въ концѣ XII вѣка образуется второе Болгарское царство.

Такъ какъ Охрида оставалась подъ властію Византіи, то основатели царства, Петръ и Асѣнь, озаботившіеся и о церковной самостоятельности, поставили архіепископскую кафедру въ Тырновѣ, около 1185 г., безъ всякаго предварительнаго о томъ соглашенія съ Константинопольскимъ патріархомъ.

Желая быть признаннымъ сосѣдями въ титулѣ короля, царь Калоянъ, будучи въ разрывѣ съ Византіей и ея патріархомъ, обратился къ другому раздавателю титуловъ, папѣ римскому, вошелъ въ сношеніе съ папою Иннокентіемъ III и въ 1204 г., признавъ его главенство, былъ вѣнчанъ королевскимъ вѣнцомъ, а архіепископъ Тырновскій былъ назначенъ примасомъ Болгаріи.

Достигшижелаемаго, Болгары разорвали союзъ съ Римомъ и стали сближаться съ Византіей.

Асѣнь II, соглашаясь на бракъ дочери своей съ сыномъ

императора Іоанна Дуки Ватоцеса, поставилъ непремѣннымъ условіемъ признаніе Византіей Болгарскаго патріарха, что и было приведено въ исполненіе въ 1234 г., когда послѣ торжественнаго собора въ Лампсакѣ, архіепископъ, Тырновскій Іоакимъ былъ признанъ Болгарскимъ патріархомъ, на что, по болгарскимъ источникамъ, было испрошено предварительное согласіе патріарховъ Іерусалимскаго, Антіохійскаго и Александрійскаго.

Возстановленный Болгарскій патріархатъ имѣлъ характеръ вполнѣ народный. Какъ Тырновскій патріархъ, такъ и епископы были поставляемы исключительно изъ Болгаръ.

Наибольшее число епархій Болгарскій патріархатъ имѣлъ при Асѣнѣ II, когда въ составъ его входили: архіепископія Охридская, митрополія Солунская со своими епископіями, всѣ Оракійскія епархіи Константинопольскаго патріархата, начиная съ Серрской и кончая Адрианопольскою и въ нынѣшней Сербіи епархіи Браничевская и Бѣлградская. Что же касается отношеній между іерархіями Болгарскою и Греческою, то они были всегда холодными, натянутыми, а иногда переходили въ прямой разрывъ.

Между тѣмъ, широкимъ потокомъ разливалось по Балканскому полуострову могущество новой военной державы, сокрушившей второе Болгарское царство.

17-го іюля 1393 г., со взятіемъ Тырнова, Турками былъ уничтоженъ Болгарскій патріархатъ и самъ патріархъ Евфимій сосланъ въ заточеніе. Въ данномъ случаѣ Турки измѣнили своей обыкновенной политикѣ оставлять въ томъ видѣ, въ какомъ они что находили, и не вмѣшиваться въ духовную жизнь покоренныхъ народовъ. Поэтому то позволительно предположить, что уничтоженіе болгарской церковной самостоятельности является скорѣе дѣломъ рукъ Константинопольской патріархіи, которая пустила въ ходъ всевозможныя средства и интриги и добилась косвенными путями отъ Турокъ закрытія Тырновской патріаршей кафедры.

Опираясь на посохъ, вышелъ послѣдній патріархъ изъ сто-

лицы Болгарскаго царства. Большая толпа другихъ изгнанниковъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ съ грустью и плачемъ сопровождала его. Многіе рѣшились оставить свой домъ, чтобы раздѣлить судьбу изгнанника. Но по переходѣ черезъ Балканы послѣдовалъ приказъ патріарху отдѣлиться отъ своихъ согражданъ, имѣвшихъ отправиться въ Малую Азію. Разставаніе было трогательное: вмѣстѣ съ этимъ изгнанникомъ улетало послѣднее дыханіе болгарской вольности; удаляющійся патріархъ представлялся имъ въ видѣ уходящей отъ нихъ свободы. Люди его провожавшіе преклонялись у ногъ его, цѣловали его руки, полы его одежды, рвали траву съ того мѣста, на которомъ онъ стоялъ, называли его отцомъ своимъ. Прощаясь, послѣдній Тырновскій патріархъ Евфимій наставлялъ Болгаръ быть твердыми въ христіанской религіи, и долго еще, пока можно было видѣть его, благословлялъ народъ.

Такимъ образомъ Болгары въ 1393 г. утратили свою народную церковь, какъ ни страннымъ покажется это мнѣніе тѣмъ, которые предполагаютъ, что у Болгаръ была своя особая Церковь въ лицѣ автокефальной Охридской архіепископіи, уничтоженной лишь въ 1767 г.

Исторія Охридской архіепископіи представляетъ собою любопытный примѣръ какъ, иногда, права мнимыя оказываются живуче правъ дѣйствительныхъ.

Мы упоминали, что съ паденіемъ перваго Болгарскаго царства архіепископія эта въ недолгій промежутокъ времени превратилась изъ болгарской въ греческую со всѣмъ высшимъ духовенствомъ изъ Грековъ.

Если до возстановленія втораго царства она, если не *de facto*, то *de jure*, представляла церковь бывшаго Болгарскаго царства, то съ этимъ событіемъ она окончательно утратила всякое основаніе. Почему же она продолжала быть автокефальною?

Дѣло въ томъ, что лица, заинтересованныя въ сохраненіи автокефальности Охридской архіепископіи, придумали въ концѣ XII в., что Охрида и есть то селеніе Таврезій, гдѣ родился им-

ператоръ Юстиніанъ и на мѣстѣ котораго онъ построилъ великолѣпный городъ Первую Юстиніану, учредивъ въ то же время автокефальную архіепископію Первой Юстиніаны и даровавъ главѣ этой послѣдней особо важныя права и преимущества, и что слѣдовательно архіепископія Охридская, какъ архіепископія Юстиніаны Первой должна существовать какъ учрежденная однимъ изъ древнихъ императоровъ.

Но сходство границъ Охридской архіепископіи съ архіепископіей Первой Юстиніаны только случайное. По послѣднимъ изысканіямъ, Таврезій былъ на мѣстѣ нынѣшняго Кюстендиля; самый городъ Первая Юстиніана былъ разрушенъ въ VI столѣтіи Аварами, и автокефалія ея уничтожилась само собою, по крайней мѣрѣ въ 691 г. VI вселенскій соборъ, утвердивъ преимущества престоловъ Константинопольскаго, Александрійскаго, Антіохійскаго, Іерусалимскаго и архіепископа Кипрскаго, ни однимъ словомъ не поминаетъ объ архіепископіи Юстиніаны Первой.

Отъ Грековъ Охридская архіепископія переходила, затѣмъ, къ государямъ Болгаріи и Сербіи, но и они, уважая права предполагавшейся Первой Юстиніаны, не дерзали посягать на ея самостоятельность.

Мысль объ уничтоженіи Охридской автокефаліи, впрочемъ, не исчезала. Первыя попытки Константинопольскихъ патріарховъ подчинить себѣ Охридскую архіепископію были неудачны. Пока существовала Византія, ее охраняло благоговѣніе къ памяти Юстиніана. По взятіи Константинополя обаяніе исчезло, но Турки, во первыхъ, любили оставлять дѣла въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ заставали, во вторыхъ, съ архіепископовъ они получали ту же подать, что и съ патріарховъ Константинопольскихъ, а слѣдовательно имъ пріятнѣе было получать двѣ подати вмѣсто одной и, наконецъ, мѣстные турецкіе чиновники, принимая рѣшительное участіе въ выборахъ архіепископа и епископовъ, и имѣли благодаря тому источникъ постояннаго дохода, а потому и были предъ Портой самыми горячими защитниками автоке-

фаліи архієпископії. Лишь въ XVIII столѣтіи, когда греки приобрѣли большое вліяніе въ Портѣ, захвативъ въ свои руки важное въ то время мѣсто перваго драгомана, и когда князей Молдавіи и Валахіи стали назначать исключительно изъ фанаріотовъ, лишь тогда Греки смогли, при извѣстномъ своею ученостію, твердостію характера и дипломатическими и административными способностями патріархъ Самуилъ I, подчинить себѣ, въ 1767 г., архієпископію Охридскую. Архієпископъ Охридскій Арсеній вынужденъ былъ самъ съ подчиненными ему епископами просить о принятіи ввѣренной ему архієпископії подъ власть Константинопольскаго патріарха. 16 января архієпископъ Арсеній подписалъ отреченную грамоту и всѣ подчиненные ему епископы отъ всего своего собора подали Турецкому правительству просьбу, въ которой, указывая на крайне бѣдственное положеніе дѣлъ въ ихъ автокефальной архієпископії, умоляли присоединить её къ церковному округу Константинопольскаго патріарха въ надеждѣ, что подъ управленіемъ вселенскаго первосвященника состояніе ея улучшится.

Итакъ, духовенство Охридской архієпископії, отстаивая права свои на автокефалію, умышленно забывало, что эта архієпископія была, собственно говоря, Преславская, перенесенная въ Охриду при переходѣ въ этотъ городъ столицы Болгарскаго царства и утратившая свои права на существованіе съ учрежденіемъ Тырновскаго патріархата.

Съ другой стороны, совершенно неправы Болгары, утверждая, что въ 1767 г. была уничтожена самостоятельная Болгарская Церковь. Охридская архієпископія съ паденіемъ перваго болгарскаго царства перестала быть народною Болгарскою Церковью, обратившись въ совершенно греческую. Положительно и достовѣрно извѣстно, что, начиная съ 1019 г. по 1767 г., всѣ архієпископы Охридскіе, за исключеніемъ утвержденного Василіемъ II Іоанна и архієпископовъ времени Асѣня II, постоянно были изъ Грековъ, а не изъ Болгаръ. Въ послѣдній періодъ при владычествѣ Турокъ, Охридскій престолъ занимали иногда Бол-

гары или Сербы, но это были единицы, мелькавшія между десятками Грековъ. Къ тому же архіепископы эти, по всей вѣроятности, были изъ Болгаръ огречившихся, такъ какъ при постоянномъ рѣшительномъ преобладаніи на каедрѣхъ діоцеза архіереевъ Грековъ могли добиваться отъ нихъ избранія въ архіепископы только Болгары эллинофилы.

Изъ всего этого, по моему мнѣнію, достаточно ясно вытекаетъ, насколько неосновательны увѣренія Болгаръ, что патріархъ Константинопольскій Самуилъ уничтожилъ собственною властью самостоятельную Болгарскую Церковь, тогда какъ въ дѣйствительности онъ подчинилъ себѣ одну изъ внутреннихъ епархій Константинопольскаго патріархата, долгое время пользовавшуюся автокефаліею, благодаря вымышленнымъ правамъ ея на наслѣдство Архіепископіи Юстиніаны Первой.

Въ этотъ періодъ архіепископія представляла печальное зрѣлище непрерывнаго дѣйствія интригъ и подкуповъ и непрестанной смѣны однихъ искателей престола другими; если добавить, что между послѣдними пятеро ходили въ XVII ст. къ римскому папѣ торговать своею вѣрою, то внутреннее состояніе Охридской архіепископіи будетъ обрисовано достаточно яркими чертами.

II.

Черными чертами изображенъ въ Греческихъ лѣтописяхъ 1453 годъ, когда палъ Константинополь, когда рушилась Византійская имперія, уступивъ мѣсто ордѣ завоевателей, воинственному братству Ислама.

Греки смотрѣли на себя какъ на законныхъ владѣтелей Балканскаго полуострова и Азіятскихъ земель Византійской имперіи. Царьградъ былъ центромъ ихъ могущества, ихъ религіи, ихъ цивилизаціи, ихъ обширнаго владычества. Какъ лучи отъ солнца, распространялись они отъ этого города по Европѣ и Азіи и все, что не было греческимъ, называлось варварскимъ. Взятіе Константинополя произвело общее оцѣпенѣніе. Несчастіе это пора-

жало всѣ древнія области Византійскаго царства. Въ Морѣ, на островахъ Архипелага, все бѣжало, не зная куда направить свои стопы. Море было покрыто судами, увозившими греческія семейства, греческія богатства. Бѣгство это, по словамъ лѣтописцевъ, походило на бѣгство Евреевъ послѣ взятія Іерусалима. Но вскорѣ тотъ самый завоеватель, имя котораго наводило всеобщій ужасъ пригласилъ разсѣянныхъ Грековъ возвратиться въ Царьградъ, обѣщая имъ неприкосновенность ихъ имущества и свободное отправленіе ими ихъ религіи. Онъ пошелъ даже дальше на пути своихъ уступокъ и милостей побѣжденнымъ: онъ созвалъ всѣхъ духовныхъ и мірянъ, какіе только были въ Константинополѣ, для избранія патріарха по древнимъ обычаямъ. Магометъ II лично присутствовалъ при церемоніи, пожаловалъ вновь избранному патріарху пастырскій жезлъ, осыпанный брилліантами, и передалъ ему знаменитый беретъ (грамоту), не только подтверждающій, но даже увеличивающій права и преимущества, которыми онъ пользовался при византійскихъ императорахъ.

Тотъ же беретъ опредѣлилъ условія политическаго существованія Грековъ подъ владычествомъ султановъ.

Они сохранили за собою свои церкви, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, право свободного богослуженія и самоуправленія, образуя изъ себя такимъ образомъ обширную и совершенно отличную отъ завоевателей общину, во главѣ которой находится патріархъ съ своимъ синодомъ. Всѣ дѣла гражданскія и бракоразводныя вѣдались судомъ, составленнымъ изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ, который могъ приговаривать виновныхъ къ тюремному заключенію, къ наказанію палками, къ галерамъ и т. п. Всѣ высшія турецкія власти обязаны были содѣйствовать приведенію въ исполненіе рѣшеній патріарха, равно какъ и епархіальныхъ епископовъ.

Синодъ былъ верховнымъ совѣтомъ Грековъ: онъ управлялъ доходами церкви и народа. Каждый архіерей въ своей епархіи имѣлъ такія же права и, наконецъ, приходскіе священники вѣдали всѣ гражданскія дѣла своихъ прихожанъ.

Кромѣ того, каждая община народа, образованнаго Турками изъ христіанъ подѣ общимъ наименованіемъ *румъ милleti* имѣла свое самоуправленіе, причемъ правящія ею лица, выборныя отъ общины, главною своею обязанностью имѣли раскладку между жителями государственныхъ налоговъ.

Но не одни Греки были подчинены бератомъ Магомета II Константинопольскому патріарху. Не дѣлая никакого различія между народностями, подпавшими ихъ власти, Турки подчиняли духовной и свѣтской власти патріарха всѣхъ исповѣдывавшихъ православную вѣру. Слѣдствіемъ такого порядка было то, что рядомъ съ чисто военною властью султана возникла въ Константинополѣ другая законная власть, обнимавшая всю имперію и которая, кромѣ духовной власти, имѣла еще и судебную.

При такомъ неожиданномъ поворотѣ дѣлъ, воскресли надежды Грековъ и возникла ихъ «великая идея», состоящая въ томъ, чтобъ эленизаціей народовъ Балканскаго полуострова способствовать приливу новыхъ живительныхъ соковъ въ нѣсколько ослабѣвшее духовно племя Грековъ, изгнать затѣмъ изъ Европы Турокъ и на развалинахъ мусульманскаго государства основать сильную Греческую имперію, которая и объединила бы всѣ національности полуострова.

Понятно, что при такой постановкѣ вопроса Греки съ ненавистью должны были относиться ко всякому народу, который могъ бы явиться опаснымъ противникомъ въ осуществленіи заветныхъ ихъ мечтаній.

Болгары, издавна оспаривавшіе у Византіи владычество надъ Балканскимъ полуостровомъ, были именно такимъ противникомъ, а потому очень естественно, что патріархъ, какъ представитель греческой идеи, направилъ всѣ свои усилія къ уничтоженію болгарской народности.

Сознавая свое безсиліе противопоставить матеріальныя средства развитію болгарской народности, Греки избрали религію тѣмъ духовнымъ орудіемъ, при помощи котораго они надѣялись затормозить ходъ національнаго самосознанія народа.

Борьба для патріарховъ Константинопольскихъ тѣмъ была легче, что положеніе ихъ по отношенію къ Туркамъ все болѣе укрѣплялось. Хотя Восточная православная Церковь, сообразуясь съ апостольскими правилами, признаетъ полную церковную независимость каждаго патріархата другъ отъ друга относительно іерархическихъ правъ, тѣмъ не менѣе, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ предъ Турками, вселенскіе патріархи, кромѣ многихъ примѣровъ вмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ патріаршествъ, сумѣли стать къ послѣднимъ въ какія то начальственные отношенія.

Сначала патріархи вселенскіе оправдывали поползновенія свои на прямое вмѣшательство въ дѣла неподвѣдомыхъ имъ церквей законами Византійскихъ императоровъ Льва и Константина, институтами, дигестами и новеллами Юстиніана Великаго, въ которыхъ есть намеки о первенствующемъ значеніи вселенскаго патріарха не только по почету, но и въ дѣлахъ церковныхъ.

Вотъ краткая выборка изъ этихъ постановленій о патріархахъ:

«Константинопольскій престолъ (патріаршій), по важности царскаго пребыванія, синодальными постановленіями признанъ первымъ. Согласно съ симъ и божественные (церковные) законы предписываютъ, чтобы споры (или недоразумѣнія), бывающіе въ другихъ патріаршествахъ относимы были къ его разбирательству и сужденію.

«Управленіе всѣми митрополіями, епископіями, монастырями и церквами и попеченіе о нихъ, равно и судъ, осужденіе или оправданіе, предоставлены ихъ собственному патріарху; Константинопольскому же предсѣдателю позволено и въ епархіяхъ другихъ престоловъ давать ставропигіи тамъ, гдѣ не было прежде освященія храма; равнымъ образомъ разсматривать и исправлять бывающіе у другихъ престоловъ споры (или недоразумѣнія) и оканчивать судъ».

Затѣмъ, когда царь Алексѣй Михайловичъ послалъ въ Константинополь іеродіакона Мелетія съ вопросами какъ поступить съ патріархомъ Никономъ по его беззаконностямъ, вселенскій

патріархъ отвѣчалъ, между прочимъ, что на Никона можетъ быть подана жалоба престолу Константинопольскому и что право верховнаго суда хотя дано лишь римскому папѣ, но такъ какъ послѣдній, по своей гордости и злонамѣренности, отлученъ отъ католической церкви, то означенное право перенесено къ патріарху Константинопольскому, какъ патріарху новаго Рима.

Что же касается Турокъ, то при паденіи Византіи они имѣли очень смутное понятіе о патріархахъ Александрійскомъ, Іерусалимскомъ и Антіохійскомъ. Лишь по завоеваніи Сиріи, Палестины и Египта султаномъ Селимомъ I, турецкое правительство было вынуждено опредѣлить положеніе Антіохійской, Іерусалимской и Александрійской патріархій по отношенію къ новой политической власти. При этомъ, посредникомъ между ними и Портой явился вселенскій патріархъ, успѣвшій заслужить довѣріе турецкаго правительства и ставшій уже твердою ногой на почвѣ главнаго блюстителя интересовъ Восточной церкви, благодаря чему ему и удалось закрѣпить за собой исключительное право, коимъ онъ пользуется и до настоящаго времени, обращаться въ Порту съ представленіями для истребованія султанскихъ бератовъ на признаніе въ своемъ санѣ патріарховъ Антіохійскихъ, Іерусалимскихъ и Александрійскихъ.

Пользуясь такимъ завиднымъ положеніемъ даже по отношенію къ другимъ независимымъ восточнымъ церквамъ, Константинопольскій патріархъ съ тѣмъ бѣльшею легкостью могъ наложить свою руку на Болгарскій народъ. Какъ единственный посредникъ между турецкимъ правительствомъ и подвластными ему христіанскими народами Балканскаго полуострова, онъ имѣлъ полную возможность убѣдить Порту и султана, что попытка возстановленія Тырновскаго патріархата, если таковая и была дѣлана, есть результатъ своеволія руководящей партіи Болгарскаго народа и представляетъ собою стремленіе къ церковному расколу, который при дальнѣйшемъ своемъ существованіи можетъ вызвать непріятныя и для правительства политическія послѣдствія.

Чтобы народъ сознавалъ себя единымъ, живымъ, цѣлымъ, словомъ, народомъ, необходимо, чтобъ онъ имѣлъ для себя одинъ общій центръ, одно общее знамя, его объединяющее. Утративъ вмѣстѣ съ царствомъ и патріаршество, Болгары потеряли свой связующій центръ и не имѣя никакого органа, чрезъ который могли бы быть высказываемы народныя нужды и желанія, они перестали сознавать себя единымъ народомъ подъ своимъ общенароднымъ верховнымъ пастыремъ и совершенно подчинились вліянію греческому. Фанаріотскіе епископы, заручившись поддержкой турецкаго правительства, сдѣлались полновластными хозяевами въ болгарскихъ епархіяхъ: славянское богослуженіе стало мало по малу замѣняться греческимъ, во всѣхъ значительныхъ городахъ были открыты эллинскія училища, преподаваніе болгарскаго языка повсемѣстно преслѣдовалось. Въ то же время тяжело легъ на Болгаръ гнетъ матеріальный. Греческіе епископы пріобрѣтали во вселенскомъ патріархатѣ покупкой ту или другую болгарскую епархію и, разумѣется, возвращали себѣ уплаченныя деньги усиленными поборами со своей же паствы, которая равнымъ образомъ должна была содѣйствовать образованію капитала епископу на черный день, на день смѣщенія съ кафедры—случайность тѣмъ болѣе частая, чѣмъ данная епархіа бывала выгоднѣе.

Фанаріоты стремились стереть болгарскую народность съ лица земли не мечомъ, который перешелъ къ Туркамъ, а путемъ духовнаго порабощенія народа, путемъ его обезличенія, для чего постарались уничтожить всѣ памятники, которые могли бы способствовать пробужденію болгарскаго самосознанія. Въ подтвержденіе этого мнѣнія достаточно привести нѣсколько примѣровъ изъ нынѣшняго столѣтія.

Въ 1823 г. Софійскій митрополитъ Іоакимъ, узнавъ, что въ одной изъ деревень близъ Берковицы хранятся древніе болгарскіе сборники и изображенія святыхъ, приказалъ крестьянамъ сжечь или зарыть въ землю всѣ эти предметы, угрожая, что въ противномъ случаѣ онъ не вступитъ къ нимъ въ де-

ревню. Желаніе его было исполнено, и лишь три рукописи были случайно спасены мѣстнымъ священникомъ, Болгариномъ родомъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Зографской обители на Аѳонѣ масса славянскихъ рукописей была истреблена и брошена въ море; въ Ватопедскомъ монастырѣ ими топили хлѣбныя печи, тоже дѣлали Сересскій монастырь и игумень монастыря св. Наума, Діонисій.

Въ сороковыхъ годахъ, Шуменскій епископъ при освященіи церкви въ Тигѣ приказалъ зарыть въ яму древнія болгарскія рукописи; тоже сдѣлано съ рукописями, найденными въ Эски-Загрѣ.

Въ Тырновѣ митрополитъ Неофитъ велѣлъ сжечь всѣ найденныя имъ болгарскія рукописи до XIV ст. Но такъ какъ нѣкоторыя рукописи спаслись отъ участи, постигшей большую ихъ часть, и то случайно, то новый митрополитъ Иларіонъ, открывъ секретное книгохранилище, гдѣ находились эти остатки болгарской письменности, сжегъ ихъ, тщательно выбравъ предварительно греческія рукописи.

Подъ удручающимъ вліяніемъ фанаріотовъ и Турокъ заглохъ Болгарскій народъ и навсегда, казалось, отрекся отъ мысли о лучшей политической будущности, тѣмъ болѣе, что и всѣ высшіе его слои или были истреблены завоевателями, или же перешли на сторону Грековъ. Но сознаніе о своей народности сохранилось въ темной массѣ Болгаръ, и идея свободы отличалась такою живучестью, что никакія казни не могли подавить ее въ конецъ. Даже 500-лѣтнее турецкое владычество оказалось безсильнымъ въ борьбѣ съ этою идеею, которая при всей подавленности Болгарскаго народа давала о себѣ знать отдѣльными взрывами возстанія.

III.

Обративъ все свое вниманіе, всѣ свои заботы на военное устройство государства, Турки пренебрегли другими сторонами государственной жизни и въ среду разноплеменныхъ подвласт-

ныхъ имъ народовъ не внесли твердаго начала политическаго общежитія; они не сплотили эти народы, не захотѣвъ ломать себѣ головы надъ созданіемъ для нихъ новыхъ формъ, при которыхъ они признавали бы себя гражданами одного и того же государства, связанными между собою общими интересами. Турки поставили въ Европѣ свой военный станъ и были очень довольны, что при посредствѣ его могли поддерживать механическую связь между завоеванными ими народами. Болгары, Греки, Сербы и пр. и послѣ завоеванія ихъ Турками продолжали жить своею особливою народною жизнью и, конечно, должны были предъявить свои требованія на самостоятельность при малѣйшемъ ослабленіи той военной силы, которая держала ихъ въ искусственномъ соединеніи.

Попытки мятежныхъ пашей къ политической автономіи, имѣвшія нерѣдко временный успѣхъ, оказали громадное вліяніе на отношенія христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова къ турецкому владычеству. Онѣ раскрыли предъ христіанами слабость его и расшатанность и въ сознаніи ихъ утвердили мысль о возможности борьбы за независимость; онѣ послужили школой, въ которой христіане пріучились драться съ Турками, такъ какъ инсurreкціонныя отряды пашей набирались не только изъ мусульманъ, но и изъ христіанъ, причемъ на религію обращалось столь мало вниманія, что Али-паша Тепе-ленскій, заключая союзъ съ христіанскими племенами Албаніи, клялся надъ Евангеліемъ, а тѣ надъ Кораномъ.

Первыя христіанскія возстанія имѣли характеръ отдѣльныхъ попытокъ; не доставало общей точно опредѣленной идеи въ средѣ этихъ отдѣльныхъ шаекъ, которыя, преслѣдуя частныя злоупотребленія, вовсе не ставили вопроса о годности системы турецкаго владычества. Внѣшнія событія обобщили ихъ. Эти событія сводятся главнымъ образомъ къ австро-русскимъ отношеніямъ къ Турціи.

Россія и Австрія, стремясь къ турецкимъ морямъ, нашли удобнымъ для себя пользоваться броженіемъ общественныхъ

элементовъ Турціи, замѣтное развитіе котораго началось съ XVIII столѣтія.

Несмотря на свою отдаленность и отрѣзанность отъ Турціи, издавна начались сношенія православной Россіи съ восточными патріархами, ограничивавшіяся сначала просьбами этихъ послѣднихъ о денежной помощи угнетаемымъ христіанамъ; но къ нимъ скоро стали примѣшиваться надежды иного рода, выставлявшія Московскихъ царей какъ государей всѣхъ православныхъ. Подобныя отношенія не могли не нравиться Московскимъ государямъ, такъ какъ увеличивали ихъ значеніе, и потому они принимали очень благосклонно обращенія и просьбы патріарховъ, стараясь помогать имъ деньгами и соболями и явно высказывая свое къ нимъ сочувствіе и увѣренность въ скорой перемѣнѣ ихъ пригнетеннаго положенія.

Въ 1557 г. царь Иванъ Васильевичъ Грозный пишетъ грамоту патріарху Іоасафу съ просьбой о благословеніи его на царское вѣнчаніе и въ концѣ говоритъ: «И мы желательно желаемъ, дабы и Вы отъ Бога получили милость, какъ чашу исполненную растворенія, и избавились во дни сіи отъ томительства богохульныхъ, и мы, о томъ услышавъ, возрадуемся и принесемъ побѣдную пѣснь Богу, во славу и честь Его имени».

Соборная грамота вселенскаго патріарха 1561 года признаетъ царскій титулъ Ивана Васильевича и называетъ его «государемъ нашимъ». Въ другой грамотѣ они называютъ его «царемъ и государемъ православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана, надеждою и упованіемъ всѣхъ родовъ христіанскихъ; мы же воздвигши руки молимъ Всевышняго да возвыситъ онъ руку царя и да избавитъ повсюду всѣ христіанскіе роды отъ скверныхъ варваръ, сыроядцевъ и страшныхъ язычниковъ Агарянъ».

Первое письменное сношеніе Московскихъ царей непосредственно съ Болгаріей, упоминаемое въ лѣтописи, это двѣ проѣзжія грамоты, данныя въ 1558 г. царемъ Иваномъ Грознымъ старцамъ Рыльского монастыря св. Іоанна для сбора милостыни по Россіи.

Съ теченіемъ времени патріархи вселенскіе уже прямо приглашаютъ русскихъ государей ко вмѣшательству въ турецкія дѣла.

Въ 1688 г. патріархъ Константинопольскій пишетъ царямъ Петру и Іоанну Алексѣевичамъ: «всякія государства и власти благочестивыхъ королей и князей православныхъ всѣ вмѣстѣ возстали на антихриста, воюють на него сухимъ путемъ и моремъ, а царство ваше дремлетъ. Всѣ благочестивые святаго вашего царствія ожидаютъ, Сербы и Болгары, Молдоване и Валахи; возстаньте, не дремлите, придите спасти насъ.»

Въ то же время господарь Валахскій Кантакузенъ и патріархъ Сербскій Арсеній говорятъ: «и будетъ путь русскихъ до Царьграда безъ помѣшки.» Государи отвѣчали, что сначала надо съ Крымомъ покончить, а потомъ уже думать о походѣ за Дунай, но что и «они имѣють о всѣхъ православныхъ христіанахъ, живущихъ подъ игомъ поганскимъ, попеченіе неотмѣнное».

Не довольствуясь упрашиваньями, восточные іерархи въ грамотахъ своихъ къ Московскимъ царямъ прибѣгали даже къ насмѣшкамъ, чтобы побудить ихъ на войну съ Турками. Такъ, Іерусалимскій патріархъ Досифей пишетъ въ 1696 г. по тому поводу, что русскіе не сдержали Татаръ: «Турки за то никакой благодарности вамъ не воздаютъ, потому что, думать надобно, доброта ваша отъ неразумія... Теперь такое благополучное время, и вы не радѣете... васъ ни во что ставятъ, смотрите какъ смѣются надъ вами, ко всѣмъ государямъ посланы грамоты, что воцарился новый султанъ, а къ вамъ не пишутъ ничего. Татары—горсть людей и хвалятся, что берутъ у васъ дань, а такъ какъ Татары турецкіе подданные, то выходитъ, что и вы турецкіе подданные. Много разъ вы хвастались, что хотите сдѣлать и то, и другое, и все оканчивалось одними словами, а дѣла не явилось никакого».

Нѣсколько уже окрѣпшая Россія съ XVIII ст. открыто принимаетъ на себя роль защитницы православныхъ христіанъ въ Турціи, безъ различія ихъ народностей, и съ того времени начинается рядъ сильныхъ ударовъ, наносимыхъ одряхлѣвшей имперіи Османлисовъ.

Понятія о различіи національностей Балканскаго полуострова были очень смутны у Московскихъ царей и сливались въ одномъ общемъ имени православныхъ, и это то имя написала Россія на своихъ знаменахъ. Ярко горѣлъ тогда на Балканскомъ полуостровѣ крестъ православія и былъ тѣмъ лучезарнымъ маякомъ, который блескомъ своимъ скрывалъ всѣ племенные различія и на свѣтъ котораго потянулись изъ Россіи ряды защитниковъ.

Начиная въ 1711 г. войну съ Турками, Петръ I, дабы поднять христіанъ Адриатическаго побережья, посылаетъ Милорадовича съ воззваніемъ, въ которомъ приглашаетъ всѣхъ на войну за вѣру и оканчивается: «ибо мы себѣ иной славы не желаемъ, токмо да возможемъ тамошніе христіанскіе народы отъ тиранства поганскаго освободить, православныя церкви тамо украсить и животворящій Крестъ возвыситъ. Итакъ, если будетъ всякій по возможности трудиться и за вѣру воевать, то имя Христова прославится наивяще и поганина Магомета наслѣдники будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество пески и степи арабскіе». Хотя Прутскій походъ и кончился неудачей, тѣмъ не менѣе война имѣла огромное значеніе; благодаря ей, увеличились связи, соединявшія русскихъ съ христіанами Балканскаго полуострова. Они имѣли случай взаимно побрататься оружіемъ, такъ какъ Сербы, Черногорцы, Молдаване и Валахи сотнями вступали въ русскую армію.

Болѣе близкое знакомство съ христіанскими народами Балканскаго полуострова открыло русскимъ глаза на многіе недостатки этихъ послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи любопытны донесенія Вешнякова и гр. Орлова.

Первый изъ нихъ, бывшій нашимъ посланникомъ въ Царьградѣ, пишетъ въ 1735 г., побуждая къ продолженію войны противъ Татаръ: «такъ какъ теперь самое полезное время не только къ сложенію звѣрской гордости, но и къ окончательному ниспроверженію всего этого беззаконнаго сонмища», и затѣмъ: «здѣшніе константинопольскіе Греки большею частью бездѣльники, ни вѣры, ни закона, ни чести не имѣющіе, ихъ главный интересъ—деньги, и ненавидятъ насъ больше самихъ Турокъ, но

Греки областные и еще больше Болгары, Валахи, Молдаване и другіе такъ сильно заботятся объ избавленіи своемъ отъ турецкаго тиранства и такъ сильно преданы Россіи, что при первомъ случаѣ жизни не пожалѣютъ для В. И. В., какъ уповаемой избавительницы».

Графъ же Орловъ, въ 1770 г., во время Морейской экспедиціи, не щадить красокъ для очерненія и областныхъ Грековъ, расхваленныхъ Вешняковымъ: «здѣшніе народы, говоритъ онъ, льстивы, обманчивы, непостоянны, дерзки и трусливы, лакомы къ деньгамъ и добычѣ, такъ что ничто удержать не можетъ ихъ къ сему стремленію. Легковѣріе и вѣтреность, трепетъ отъ имени Турокъ суть не изъ послѣднихъ также качествъ нашихъ единовѣрцевъ. Законъ исповѣдуютъ едиными только устами, не имѣя ни слабаго начертанія въ сердцѣ добродѣтели христіанскія. Привыкнувши жизнь вести въ распутствѣ (т. е. распущенности), ненавидящіе всякаго порядка и не зная какимъ способомъ приступить къ оному, пребываютъ ежеминутно въ смятеніи духа. Рабство и узы правленія турецкаго, на нихъ наложенныя, въ которыхъ они родились и выросли, также и грубое невѣжество обладаетъ ими».

Несмотря на такіе отзывы, сознаніе собственныхъ выгодъ и желаніе защитить православіе побуждали Россію спланировать христіанскіе народы Турціи, слишкомъ слабые, чтобы дѣйствовать самостоятельно, въ одно цѣлое, прикрытое знаменемъ православія. Въ наказѣ Екатерины II графу Орлову при отправленіи въ Морейскую экспедицію говорится: «Да будетъ первымъ верховнымъ вашимъ попеченіемъ приводить всѣ тамошніе народы или большую ихъ часть въ тѣсное между собою единомысліе и согласіе видовъ и привести ихъ къ яснымъ убѣжденіямъ собственно ихъ взаимной пользы и надеждой общаго всѣхъ освобожденія отъ нестерпимаго ига невѣрныхъ, особливо же равною всѣхъ православныхъ христіанъ обязанностью защищать св. церковь и самое благочестіе».

Въ то же время графъ Орловъ долженъ былъ распростра-

нять слѣдующее воззваніе, въ которомъ уже просвѣчиваетъ желаніе Россіи побудить не только Грековъ, но и Славянъ къ возвращенію ихъ былой независимости.

«Божіею милостью мы, Екатерина II и пр., объявляемъ всѣмъ греческимъ и славянскимъ народамъ православнаго исповѣданія какъ на твердой землѣ, такъ и на островахъ Архипелага обитающимъ. Крайняго сожалѣнія достойно состояніе древностью и благочестіемъ знаменитыхъ сихъ народовъ, въ какомъ они нынѣ находятся подъ игомъ Порты Оттоманской. Свойственныя Туркамъ лютость и ненависть ихъ ко христіанству, закономъ магометанскимъ преданная, стремятся совокупно ввергать въ бездну злочленій въ разсужденіи души и тѣла христіанъ, живущихъ не только въ подданствѣ и порабощеніи ихъ, но и въ сосѣдствѣ уже, ибо злочестіе Агарянъ, не зная другаго себѣ обузданія кромѣ страха, не находило по сию пору никакого. Порта Оттоманская, по обыкновенной ей злобѣ къ православной церкви нашей, видя старанія, употребляемыя за вѣру и законъ нашъ, который мы тщились въ Польшѣ привести въ утвержденныя трактатами древнія его преимущества, кои по временамъ у него насильно похищены были, дыша мщеніемъ, презрѣвъ всѣ права народныя и самую истину, за то только одно, по свойственному ей вѣроломству, разруша заключенный съ нашею Имперіею вѣчный миръ, начала несправедливѣйшую и безо всякой законной причины противу насъ войну и тѣмъ убѣдила и насъ нынѣ употребить дарованное намъ отъ Бога оружіе. И сіе есть то самое время, въ которое христіане подъ игомъ ея стелющіе еще большее почувствуютъ угнетеніе. Соображая горестное благочестивыхъ сыновъ церкви Божіей состояніе, пріемлемъ мы нынѣ въ всемилостивѣйшее разсужденіе и желаемъ сколько возможно избавленію ихъ и отрадѣ споспѣшествовать. Остается только, чтобы при производимыхъ нашими арміями военныхъ дѣйствійхъ и они сами содѣйствовать потщились. Увѣщаемъ всѣхъ ихъ вообще и каждаго особенно, полезными для нихъ обстоятельствами настоящей войны воспользоваться къ сверженію ига и къ приве-

денію себя попрежнему въ независимость, ополчаясь, гдѣ и когда будетъ удобно, противъ общаго всего христіанства врага и стараясь возможный вредъ ему причинять и чрезъ то общему благому дѣлу возспособствовать и собственному своему жребію, котораго прочность и на предбудущія времена свято и ненарушимо утвердится при заключеніи съ Портой Оттоманскою мира, когда высококомѣрный непріятель принужденъ будетъ искать онаго отъ насъ. Наше удовольствіе будетъ величайшее видѣть христіанскія области изъ поноснаго порабощенія избавляемыя и народы руководствомъ нашимъ вступающіе въ слѣды своихъ предковъ, къ чему мы и впредь всѣ средства подавать не отречемся, дозволяя имъ наше покровительство и милость для сохраненія всѣхъ тѣхъ выгодностей, которыя они своимъ храбрымъ подвигомъ въ сей нашей войнѣ съ вѣроломнымъ непріателемъ одержать».

Нельзя оспаривать благотворныхъ послѣдствій, какія оказала Россіи постоянная поддержка на Востокѣ православія; благодаря ей вліяніе наше со времени Петра Великаго постоянно возросло. Въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія роль наша была проста, дѣятельность могла проявляться въ формахъ наименѣе сложныхъ. Для христіанина—райи—вся гражданская жизнь со всѣми ея правами и обязанностями обусловливалась его вѣроисповѣданіемъ. Онъ несъ на себѣ всю тягость турецкаго ига за свою вѣру и отъ той же вѣры чаялъ своего освобожденія въ будущемъ. Всѣ интересы христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова: народное образованіе, поддержаніе общиннаго начала, нравственное единство, все сосредоточивалось въ рукахъ духовенства, находившаго опору въ общеніи съ православно-русскою церковью. Вселенскій патріархъ являлся единственнымъ защитникомъ христіанъ Турціи предъ ненавистнымъ имъ правительствомъ и онъ же являлся единственнымъ представителемъ ихъ интересовъ предъ внѣшнимъ міромъ. Идеи о національностяхъ еще почти не существовало. Рѣзко отличались одна отъ другой лишь двѣ народности—побѣдителей и побѣжденных:

къ первой принадлежали всѣ мусульмане, какого бы племени они ни были, ко второй вся масса православнаго христіанскаго населенія. Латинскій элементъ, сравнительно малочисленный и лишенный пока матеріальной поддержки Запада, поневолѣ не отдѣлялъ рѣзко политическія судьбы свои отъ міра православнаго. Западъ переживалъ тяжелыя времена внутреннихъ переворотовъ, династическихъ войнъ, соціальныхъ завоеваній демократическихъ началъ надъ послѣдними остатками феодализма; вниманіе его было отвлечено, ему некогда было заниматься Востокомъ. Тогда намъ не зачѣмъ было близко знакомиться съ національными бытовыми особенностями единовѣрныхъ намъ народовъ. Россія шла напроломъ, высоко неся предъ собою непобѣдимое знамя православія и наносила ударъ за ударомъ когда то столь могущественной имперіи Османовъ.

Притомъ, какъ мы видѣли выше, старая Россія, Россія Петровскихъ преданій, сознавая всю громадную государственную важность сохранить за собою непосредственное и преобладающее вліяніе на христіанскіе народы Балканскаго полуострова, не останавливалась предъ призывомъ балканскихъ христіанъ къ возстанію противъ ихъ властителя султана, смѣло протягивала имъ руку и шла вмѣстѣ съ ними въ бой за общее дѣло. Даже въ критическую минуту собственнаго существованія Россія не забыла возставшихъ въ Шумадіи, создавъ изъ Сербіи, Бухарестскимъ трактатомъ 1812 года, свой первый этапъ за Дунаемъ, точку опоры среди самыхъ славянъ, для совмѣстной дѣятельности на Востокѣ. Правда, въ политикѣ этой былъ нѣкоторый перерывъ, когда послѣ Вѣнскаго конгресса и подъ вліяніемъ Священнаго Союза, внѣшняя политика Россіи сдѣлалась достояніемъ иностранцевъ и когда возможны были такія явленія, какъ отказъ Россіи принимать въ войну 1828 года въ ряды своей арміи Болгаръ изъ-за того, что они были для нея лишь мятежными подданными султана. Но перерывъ этотъ былъ непродолжителенъ, и вскорѣ Россія снова вернулась къ своей освященной преданіями политикѣ.

Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, когда Россія въ своемъ качествѣ защитницы православія, почти никѣмъ не стѣсняемая, такъ дѣятельно вмѣшивалась въ дѣла Балканскаго полуострова. Разсчитавшись съ прошедшимъ, выработавъ изъ его остатковъ нынѣшній политическій свой строй, Европа обратила свое вниманіе на Востокъ, ужаснулась нашимъ успѣхамъ, и результатомъ явилась Крымская война, отнявшая у Россіи право исключительнаго покровительства надъ православными Турціи. Въ независимомъ Греческомъ королевствѣ и въ полунезависимыхъ Египтѣ и Румыніи укрѣпились и стали развиваться различныя враждебныя намъ западныя вліянія, проникающія и въ христіанское населеніе собственно Турціи, посредствомъ усилившихся религіозныхъ пропагандъ, обаятельной силы европейскаго образованія, промышленности, торговли и фальшиваго либерализма. Принципы національности получили права гражданства и разгруппировали по своему то, что прежде обуславливалось исключительно вѣроисповѣданіемъ.

При такихъ измѣнившихся обстоятельствахъ на Востокѣ и Россія должна была измѣнить программу своей политической дѣятельности по отношенію къ христіанскому населенію Балканскаго полуострова. Исключительное поддержаніе принципа православія уже оказывалось недостаточнымъ, и мы не могли болѣе оставаться чуждыми повсюду громко пробуждающемуся чувству народности, и вотъ Россія, силой историческаго хода вещей и подъ опасеніемъ утратить или по крайней мѣрѣ ослабить свое вліяніе на турецкихъ христіанъ, должна была неминуемо явиться первою пособницей ихъ народнаго развитія и сообщницей въ дѣлѣ достиженія ими національной независимости.

IV.

Выше мы имѣли уже случай видѣть какую тяжелую руку наложило на Болгаръ фанаріотское духовенство и какъ постепенно уничтожалось самое воспоминаніе о болгарской національ-

ности. Человѣкъ, переставшій сознать себя живою частью собственнаго исчезнувшаго цѣлаго, подверженъ тому же физическому закону, по которому мелкія тѣла притягиваются крупными и вслѣдствіе коего онъ неизбѣжно стремится пристать къ народу болѣе его крѣпкому. Такъ и у Болгаръ: все, что переходило изъ низшаго сословія въ высшее, чуждалось своего славянскаго происхожденія и считало особенною честью поступать въ народность греческую. Сознаніе же своей національности сохранилось лишь въ сельскомъ людѣ, во второй уже разъ явившемся носителемъ идеи о Болгаріи, какъ самостоятельномъ государствѣ.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія совершается переворотъ въ жизни поработеннаго, загнаннаго Болгарскаго народа. Сначала едва слышались и едва доходили до него голоса славянскихъ писателей, призывавшіе къ жизни разрозненныя славянскія народности, но голоса эти съ каждымъ годомъ дѣлаются смѣлѣе, многочисленнѣе. Труды нѣкоторыхъ чешскихъ и русскихъ писателей, а въ особенности Юрія Венелина, Угро-русина—воспитанника Московскаго Университета, гдѣ онъ и сошелся съ Болгарами, по исторіи Болгарскаго народа, способствовали первые къ пробужденію чувства народности и сознанія своихъ народныхъ правъ сначала въ самомъ ограниченномъ кружкѣ Болгаръ, но мало-по-малу воздѣйствіе этого кружка стало ощущаться въ народныхъ массахъ. Благодаря усиліямъ этихъ историковъ, которые, развернувъ предъ Болгарами картины блестящаго прошлаго, вдохнули въ нихъ вѣру въ самихъ себя и надежду на повтореніе временъ Симеона и Калояна, благодаря всему этому, народъ стряхнулъ съ себя пятивѣковой сонъ, вспомнилъ, что и онъ способенъ къ самостоятельной жизни и что и онъ имѣетъ право на свое мѣсто подъ солнцемъ.

Въ свою очередь болгарская эмиграція, съ тридцатыхъ годовъ утвердившаяся преимущественно въ Румыніи, частью путемъ печати, частью чрезъ посредство своихъ агентовъ, во первыхъ, вызвала нѣкоторое сочувствіе общественнаго мнѣнія Европы

къ Болгарамъ, заставила заговорить о нихъ въ печати и тѣмъ самымъ развила въ нихъ извѣстную степень самоувѣренности и надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ турецкимъ владычествомъ и, во-вторыхъ, обобщило самую идею этой борьбы, поддерживая и распространяя эту идею указаніемъ на внѣшнюю помощь.

Въ то же время были открыты болгарскія училища и тѣмъ положено дѣйствительное основаніе возрожденію болгарской народности.

Одна изъ самыхъ главныхъ и существенныхъ потребностей народа, сознавшаго наконецъ свое единство и свою національность, это имѣть своихъ пастырей и богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ. Такимъ образомъ вопросъ о преобразованіи церковнаго устройства по необходимости явился первымъ проявленіемъ пробудившейся болгарской народности, а такъ какъ разрѣшеніе его зависѣло отъ Константинопольскаго патріарха и тормазилось высшимъ греческимъ духовенствомъ, то отсюда неминуемо должно было произойти столкновеніе противоположныхъ политическихъ интересовъ, но прикрытыхъ духовною маской, и вотъ происхожденіе греко-болгарской церковной распри.

Возвращавшіеся изъ Россіи и изъ за границы Болгары начали первые возбуждать своихъ согражданъ къ сверженію нравственнаго и матеріальнаго ига, наложеннаго на ихъ народность Греками. Греческое духовенство было чуждо своей паствѣ и смотрѣло на нее лишь какъ на стадо овецъ, годныхъ исключительно къ стрижкѣ, которая и производилась постоянно, причемъ подати взыскивались нерѣдко съ явными насиліями и жестокостями.

«Народъ нашъ», говорятъ Болгары въ одной брошюрѣ 1860 года, «не только не усматриваетъ въ греческихъ архіереяхъ руководителей къ вѣчному спасенію, но и видитъ ежедневно съ ихъ стороны примѣры глубокаго развращенія и гнуснаго презрѣнія къ религіи, ведущіе въ вѣчную погибель». Злоупотребленія высшаго духовенства возстановили противъ себя поработенный народъ и содѣйствовали успѣхамъ проповѣди различныхъ

коноводовъ болгарскаго движенія. Въ то же время враги православія, со свойственною имъ предусмотрительностью, постигли всѣ выгоды, какія могутъ они извлечь изъ этихъ только что пробуждавшихся народныхъ стремленій Болгаръ и ихъ ненависти къ греческому духовенству и во имя возрожденія болгарской народности и освобожденія ея изъ подъ греческаго ига стали призывать Болгаръ къ отторженію отъ православія, обѣщая содѣйствіе папы—къ установленію національной іерархіи—и западныхъ державъ—для возвращенія народу его прежней независимости. Такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ возрастало броженіе умовъ между Болгарами, но броженіе это, будучи неопредѣленнымъ и безпорядочнымъ, могло бросить ихъ въ самыя преувеличенныя крайности и угрожало имъ несомнѣнными опасностями. Въ виду этихъ обстоятельствъ, между Болгарами образовалась партія, которая, понимая опасность положенія, признавала однако же, что стремленіе къ достиженію полноправности болгарской народности осуществимо лишь подъ условіемъ неразрывности съ міромъ восточнымъ и преданности православію. Уставъ надзирательства болгарской церкви въ Константинополѣ, оправдывая необходимость борьбы съ греческимъ вліяніемъ, прибавляетъ: «при несчастномъ стремленіи греческаго духовенства и греческихъ общинъ подавить славянскія начала въ пользу гражданскаго единства, съ ихъ собственной точки зрѣнія, мы вынуждены выбрать сказанный тяжелый путь, чтобы къ тому времени, когда великая церковь сброситъ съ себя насильственные путы эллинскаго этеризма, сохранить для обновленныхъ ея силъ неиспорченный и нашъ народъ, не мало, къ сожалѣнію, подстрекаемый иновѣрною и враждебною пропагандой».

Нерѣдко слышались голоса, обвинявшіе Россію въ созданіи Греко-болгарскаго вопроса въ видахъ политическихъ, но мы видѣли выше причины его возникновенія, указывающія, что развитіе его совершалось непосредственно и помимо участія въ немъ нашего правительства. Слѣдуетъ постоянно помнить, что середина текущаго столѣтія отмѣчена развитіемъ идеи національ-

ностей, стремящихся группировать соплеменные народцы и отдѣльныя владѣнія въ крупныя политическія единицы. Это вѣяніе не могло не отозваться и на Болгарахъ. Напротивъ, нѣкоторыя высокопоставленныя лица у насъ, близко стоящія къ дѣлу, считали Болгаръ даже въ 1867 году политически незрѣлыми, не готовыми къ самостоятельной жизни: они находили, что не слѣдовало во что бы то ни стало создавать блѣдную народность, исключительно болгарскую, а нужно стремиться къ соединенію ея съ уже окрѣпшею и рѣзко очерченною народностью сербскою, подъ общимъ именемъ народности южно-славянской, такъ какъ деморализованные турецкимъ игомъ Болгары, предоставленные сами себѣ, навсегда-де останутся послушными орудіями Турокъ. Они признавали существованіе въ болгарской народности вліятельной партіи, которая желала бы составить особое политическое тѣло, отдѣленное и отъ Сербовъ и отъ Грековъ. Сознавая вполнѣ, что они пока не имѣютъ ни связующаго центра, ни способныхъ личностей, люди этой болгарской партіи твердо вѣрили въ успѣхъ своихъ стараній, рассчитывая во всемъ на время, подъ условіемъ продолженія существованія Турціи до того момента, когда болгарская народность усилится и сможетъ явиться соперницей Сербіи. Къ этой цѣли направлены всѣ ихъ усилія, причемъ всѣ средства кажутся имъ годными. Въ то время полагали, что тотъ, кто захотѣлъ бы создать изъ Болгаріи независимое государство, напрасно сталъ бы искать въ странѣ необходимыхъ для того элементовъ и даже не могъ бы быть увѣренъ, что народъ отнесется къ его стараніямъ съ признательностью. Одно, въ чемъ невозможно было сомнѣваться, это то, что старанія эти неминуемо вызвали бы недовѣріе и опасенія Сербовъ и Грековъ.

Въ виду такихъ мнѣній, высказанныхъ компетентными лицами въ 1867 г., невозможно допустить и мысли о подстрекательствѣ Болгаръ со стороны Россіи и возбужденіи ихъ требованій. Требования эти обнаружались гораздо ранѣе и къ поддержкѣ ихъ Россія, какъ то объяснено въ предыдущей главѣ,

была увлечена уже затѣмъ историческимъ ходомъ вещей и заботливостью о собственныхъ, правильно понимаемыхъ государственныхъ интересахъ.

Впервые желанія Болгаръ выражены въ прошеніи, поданномъ ими въ 1853 г. чрезвычайному нашему послу князю Меншикову, и въ которомъ они требуютъ богослуженія на своемъ родномъ языкѣ и огражденія отъ притѣсненій ихъ греческими епископами. Болгары не шли далѣе этихъ скромныхъ требованій и не задавались никакими политическими цѣлями. Не такъ отнеслись къ этимъ требованіямъ патріархъ и въ особенности фанарскій народный совѣтъ, которые усмотрѣли въ нихъ пробужденіе болгарской народности, весьма вредное для осуществленія греческой великой идеи и, считая Болгаръ слишкомъ грубыми, чтобы додуматься самимъ до подобныхъ мыслей, приписали ихъ подстрекательству сѣвернаго колосса. Въ свою очередь Болгары, видя такое желаніе Грековъ заглушить ихъ требованія и всякое проявленіе народности, стали оказывать, по закону сопротивленія, все большее и большее упорство и мало по малу увеличивать свои требованія. Такимъ образомъ, главнымъ виновникомъ быстраго развитія греко-болгарскаго вопроса является вселенскій патріархатъ, не умѣвшій малыми уступками, сдѣланными во время, предотвратить важныя послѣдствія, отъ того происшедшія.

Гатти-гумаюнъ 1856 г. обѣщалъ, что архіереямъ, вмѣсто всѣхъ ими собираемыхъ налоговъ и податей, будетъ положено опредѣленное жалованье. Виддинскіе Болгары, пользуясь этимъ, просили Порту и патріархатъ: 1) о назначеніи жалованья своимъ архіереямъ съ цѣлью избавиться отъ непомѣрныхъ поборовъ греческаго духовенства и 2) о назначеніи священниковъ и епископовъ изъ природныхъ Болгаръ. Несмотря на убѣжденія нашего посланника въ Константинополѣ, патріархатъ не рѣшился сдѣлать требуемыхъ уступокъ, и подавшія прошеніе лица были посажены въ тюрьму. Тогда Болгары вспомнили примѣры изъ своей исторіи и, не получаяжелаемаго отъ вселенскаго пат-

ріарха, стали стращать его переходомъ своимъ въ католичество, которое удовлетворить всѣ ихъ требованія. Къ этому времени относится переходъ въ унію города Кукуша, который дѣйстви-тельно вынудилъ патріарха на уступку болгарскимъ требованіямъ, выразившуюся назначеніемъ въ октябрѣ 1859 г. Полянинскимъ епископомъ, въ епархіи коего находится этотъ городъ, Пароенія,—родомъ Болгарина и воспитанника Московской Духовной Академіи,—благодаря чему Кукушъ возвратился въ православіе.

Преосвященный Пароеній, Болгаринъ изъ Калофера, постри-женный въ монахи на Аѳонѣ, былъ, по возвращеніи изъ Рос-сіи, профессоромъ славянскаго языка въ Халкинской семинаріи и постоянно отличался горячимъ патріотизмомъ и преданностью Россіи.

Несмотря на услуги, оказанныя епископомъ Пароеніемъ православію при уничтоженіи Кукушской уніи, Греки преслѣдо-вали его неотступно. Въ концѣ 1861 года, за свои старанія о пробужденіи и поддержаніи въ Болгарахъ своей епархіи народ-наго болгарскаго духа, преосвященный Пароеній отданъ былъ Солунскимъ митрополитомъ подъ судъ, заключенъ въ митропо-личью тюрьму и, наконецъ, оправданъ посланнымъ вселенскою патріархіей для слѣдствія епископомъ Аноимомъ, будущимъ эк-зархомъ болгарскимъ.

Турецкое правительство, съ своей стороны, поняло всѣ вы-годы усиленія распри между двумя подвластными ему христіан-скими народностями, съ цѣлью взаимнаго ихъ ослабленія, и въ 1857 году консулъ нашъ въ Адріанополѣ едва успѣлъ воспре-пятствовать подписанію просьбы о совершенномъ отдѣленіи Бол-гарской церкви отъ вселенскаго престола, причемъ мысль объ этомъ прошеніи была внушена самимъ великимъ визиремъ.

Примѣръ благоразумныхъ уступокъ былъ данъ патріархомъ Іерусалимскимъ, который разрѣшилъ въ подвѣдомственной ему церкви Іерусалимскаго подворья въ Адріанополѣ смѣшанное бо-гослуженіе на греческомъ и славянскомъ языкахъ, но вскорѣ мѣстные Греки рѣшились искоренить это вредное, по ихъ мнѣ-

нію, нововведеніе. Съ этою цѣлью они стали собираться въ церкви подворья и криками, угрозами и неприличными тѣлодвиженіями старались помѣшать произнесенію молитвъ на ненавистномъ имъ славянскомъ языкѣ. Вскорѣ дѣло дошло до драки; обѣ стороны обратились съ жалобами къ патріарху, причемъ Греки просили, чтобы славянское богослуженіе было вовсе запрещено, а Болгары—чтобъ оно было разрѣшено по возможности въ большемъ числѣ церквей и вмѣстѣ съ тѣмъ заявили, что если рѣшено будетъ лишить ихъ возможности молиться на понятномъ для нихъ языкѣ, то они предпочтутъ слышать богослуженіе на языкѣ равно чуждомъ обѣимъ сторонамъ, т. е. на турецкомъ.

Послѣдствіемъ этихъ прошеній было синодальное постановленіе, которымъ предписывалось употребленіе славянскаго языка на лѣвыхъ клиросахъ, но и тутъ намѣренное или нечаянное упущеніе указаній о томъ, слѣдуетъ ли Евангеліе и Апостолъ читать и по славянски, подало поводъ къ самымъ печальнымъ сценамъ въ церквахъ, нерѣдко доходившимъ до кровавыхъ побоищъ.

Начиная съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1858 года, борьба между Греками и Болгарами принимаетъ характеръ все болѣе національный, причемъ у обѣихъ сторонъ голосъ разсудка заглушается страстями, увлекающими несогласныхъ къ самымъ печальнымъ крайностямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, яснѣе очерчивается политическая сторона вопроса, такъ какъ Болгары рядомъ съ требованіями чисто церковнаго свойства начинаютъ заявлять требованія объ отдѣленіи не только ихъ церкви отъ Константинопольскаго патріархата, съ дарованіемъ ей полной автономіи, но и политической самостоятельности Болгаріи.

Желанія Болгаръ имѣть свое особое церковное управленіе съ отдѣльною болгарскою патріархіей или, при условіи главенства вселенскаго патріарха, имѣть на болгарскихъ кафедрахъ архіереевъ изъ природныхъ Болгаръ и участвовать въ завѣдываніи общецерковныхъ дѣлъ на правахъ совершеннаго равен-

ства съ Греками, были, по приказанію правительства, разсмотрѣны народнымъ соборомъ, созваннымъ въ 1858 г. изъ представителей всѣхъ областей Турецкой имперіи, коимъ, совместно съ нѣсколькими архіереями, предоставлялось пересмотрѣть вопросъ о правахъ и преимуществахъ патріархіи и выработать новый уставъ церковно-народнаго управленія православными христіанами. Засѣданія собора тянулись два года и окончились 16 февраля 1860 года заключительною рѣчью Каратеодори, презрительно отвергавшею всѣ требованія Болгаръ, причемъ ораторъ прибавилъ, что Болгары слишкомъ наивны, если воображаютъ, что въ собраніи представителей греческихъ когда нибудь могутъ быть выслушиваемы рѣчи о правахъ націи болгарской.

Пораженіе, понесенное Болгарами въ народномъ соборѣ, чрезвычайно способствовало успѣхамъ католической пропаганды, которая съумѣла имъ воспользоваться въ собственныхъ видахъ, и къ этому времени относятся блистательнѣйшіе успѣхи уніи въ Константинополѣ и Адрианополѣ. Многіе переходили въ унію подъ впечатлѣніемъ умышленно внушенной имъ надежды, что подобныя обращенія вынудятъ патріархатъ на уступки, которыхъ иначе достигнуть невозможно.

Въ то же время стали появляться брошюры по церковному вопросу, которымъ занялись и многочисленные начавшіе тогда выходить журналы: въ Смирнѣ началъ издаваться ежемѣсячный журналъ *Любословіе*, въ Лейпцигѣ газета *Болгарскій Орелъ*, въ Вѣнѣ ежемѣсячный журналъ *Міровоззрѣніе*, въ Константинополѣ газеты: *Болгарія*, *Турція*, *Македонія*, *Совѣтникъ*, *Зарница*, *Время*, *Право* и пр. и періодическое изданіе *Болгарскія книжицы*, выходившее съ 1858 по 1861 годъ. Греческіе журналы съ своей стороны не оставались въ долгу, и такимъ образомъ вопросъ былъ перенесенъ на почву публичнаго обсужденія и литературной полемики, которая способна была лишь усугубить взаимную ненависть враждующихъ сторонъ.

Одно частное обстоятельство содѣйствовало окончательному разрыву Болгаръ съ патріархіей; оно заключалось въ отказѣ

этой послѣдней назначить на вакантную Охридскую кафедру одного изъ трехъ духовныхъ лицъ, признанныхъ епархіей достойными занимать это мѣсто. Патріархъ же нашелъ болѣе удобнымъ, не обращая вниманія на ходатайство Охридянъ, назначить митрополитомъ Охридскимъ Мелетія Велесскаго, ненавидимаго за свою жадность и жестокость. Въ виду этого Охридяне выгнали Мелетія изъ города и отказались поминать имя патріарха на литургіи.

Примѣръ оказался заразительнымъ.

Болгарская община въ Константинополѣ была въ то время раздираема внутренними раздорами; въ средѣ ея образовалось двѣ партіи: одна перешедшихъ въ унію Болгаръ, другая—православныхъ, группировавшаяся вокругъ Авксентія, бывшаго митрополита Велесскаго, и Иларіона Макаріупольскаго, извѣстнаго по своимъ качествамъ съ наилучшей стороны самой патріархіи, но въ то же время горячаго болгарскаго патріота.

Преосвященный Авксентій, Болгаринъ изъ Самакова, былъ самоучка. Постриженный въ Хилендарскомъ монастырѣ, онъ былъ затѣмъ рукоположенъ въ епископы Велесскіе, что не помѣшало ему смѣло выступить противъ вселенской патріархіи.

Иларіонъ Макаріупольскій, отличавшійся твердостью своего характера и пользовавшійся большимъ вліяніемъ между своими соотчичами, былъ Болгаринъ изъ Елены, Тырновскаго округа, воспитывался въ Аѳинскомъ университетѣ. Постриженный на Аѳонѣ, преосвященный Иларіонъ долгое время былъ представителемъ въ Константинополѣ аѳонскихъ монастырей и затѣмъ рукоположенъ въ епископы для константинопольской болгарской церкви. Умный и рѣшительный, епископъ Иларіонъ не питалъ, однако, симпатіи къ Россіи и относился къ ней съ недовѣріемъ; быть можетъ въ этомъ отражалось вліяніе университетскаго образованія въ Аѳинахъ, во время котораго онъ такъ много долженъ былъ слышать кругомъ себя о завоевательныхъ замыслахъ Россіи на Востокъ.

Въ виду возраставшаго негодованія Болгаръ, усиленнаго

охридскимъ происшествіемъ, и съ цѣлью удовлетворить сколько нибудь одушевлявшему ихъ чувству ненависти къ греческому духовенству и въ то же время, чтобъ удержать Болгаръ отъ перехода въ унію, Иларіонъ и Авксентій сочли себя вынужденными прибѣгнуть къ мѣрѣ крайней. Въ день Свѣтлаго Воскресенія, 3-го апрѣля 1860 г., когда Иларіонъ совершалъ торжественное богослуженіе, онъ уступилъ шумнымъ крикамъ во множествѣ собравшагося въ церковь народа и отмѣнилъ поминаніе на литургіи патріаршаго имени, вмѣсто котораго сталъ поминать «всякое епископство православныхъ». Лишь только вѣсть объ этомъ распространилась по Болгаріи, тридцать три города и мѣстечка прислали Иларіону благодарственные адреса и присоединились къ принятой имъ мѣрѣ; константинопольскіе уніаты толпами стали возвращаться въ православіе.

Событія эти устрашили новаго вселенскаго патріарха Іоакима, хитраго и умнаго, и убѣдили его въ необходимости уступокъ. Въ апрѣлѣ 1860 г., съ согласія многихъ членовъ синода, Іоакимъ объявилъ, что не будетъ препятствовать отдѣленію Болгарской церкви отъ Вселенской патріархіи и поставленію ея подъ власть самостоятельнаго болгарскаго епископа и вызвался даже самъ хлопотать объ этомъ предъ Портой, въ полной увѣренности, что Турецкое правительство не допуститъ перваго шага къ возстановленію болгарской народности дарованіемъ ей церковной независимости.

Непреклонный нравъ патріарха постоянно увлекалъ его къ мѣрамъ крутымъ и рѣзкимъ. Считая виновниками всего случившагося Авксентія и Иларіона, патріархъ обратился въ Порту съ просьбой объ ихъ наказаніи, на что великій визирь отвѣчалъ ему, что Турецкое правительство не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться во внутренніе распоряжки православной церкви и что, поѣтому, его святѣйшество самъ можетъ въ случаѣ надобности наложить церковное наказаніе на провинившагося епископа. Вслѣдствіе чего оба болгарскіе епископа въ концѣ 1860 года были патріархомъ осуждены и лишены архіерейства и

священства. Въ этотъ же промежутокъ времени Иларіонъ, уступая всеобщему требованію народному, долженъ былъ отслужить обѣдню безъ благословенія патріарха, причемъ ему стоило большихъ усилій отклонить настойчивыя приглашенія многихъ Болгаръ, чтобъ онъ объявилъ себя патріархомъ Болгарскимъ. Этотъ поступокъ Иларіона еще болѣе раздражилъ патріарха, который объявилъ, что онъ не приступитъ ни къ какимъ переговорамъ и соглашеніямъ до тѣхъ поръ пока Иларіонъ не изъявитъ покорности и раскаянія и не явится къ нему съ повинною головой.

Пользуясь смущеніемъ умовъ въ средѣ Болгарскаго народа, католическая пропаганда собирала богатые плоды. Служа обычнымъ способомъ для выраженія протеста Болгаръ противъ патріархата, унія своими успѣхами много обязана ясно очертившейся тогда дѣятельности редактора газеты *Боларія* Драгана Цанкова, пріобрѣвшаго себѣ тогда печальную извѣстность своими стараніями совратить въ латинство своихъ соотечественниковъ. Уроженецъ города Систова и будущій глава либераловъ Болгарскаго княжества, Цанковъ воспитывался въ школѣ іезуитовъ въ Константинополѣ и затѣмъ отправился въ Россію, гдѣ окончилъ курсъ въ Кіевской Духовной Академіи. По возвращеніи изъ Россіи, Цанковъ былъ учителемъ въ Галацѣ, потомъ добровольцемъ въ Болгарской дружинѣ 1853 года, снова ученикомъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній Вѣны и, наконецъ, послѣ Крымской войны поселился въ Константинополѣ, гдѣ сталъ издавать свою газету. Впослѣдствіи руцукскій генераль-губернаторъ Митхадъ-паша поручилъ Цанкову завѣдывать болгарскими школами вилайета и редактировать офиціальную газету *Дунай* и назначилъ его, затѣмъ, виддинскимъ вице-губернаторомъ.

Недовольные арестомъ одного варненскаго священника, который въ церковной проповѣди осмѣивалъ недостатки патріарха и приглашалъ народъ не признавать его власти, болгарскіе предводители уговорили народное собраніе обратиться къ покровительству папы, и тутъ же, подъ впечатлѣніемъ пламенной рѣчи

Цанкова, былъ составленъ и подписанъ всѣми присутствующими актъ о переходѣ ихъ въ унію. Немедленно было составлено и подано папскому нунцію прошеніе, въ коемъ заявлено желаніе константинопольской болгарской общины подчиниться власти папы и готовность ея склонить къ тому же и остальныхъ Болгаръ. Отступничество свое община закрѣпила, по приглашенію армяно-католическаго епископа Хассуна, торжественнымъ благодарственнымъ молебствіемъ, отслуженнымъ въ церкви католической архі-епископіи.

Къ чести патріарха слѣдуетъ сказать, что къ поступку константинопольской общины онъ отнесся довольно хладнокровно и послѣдующія событія показали, что онъ былъ правъ, не особенно огорчаясь переходомъ въ латинство нѣсколькихъ худыхъ православныхъ. Унія не имѣла почвы подъ ногами и въ массѣ простаго сельскаго народа успѣхи ея были ничтожны, несмотря даже на то, что католическіе миссіонеры рѣшились прибѣгнуть для этого къ денежнымъ средствамъ. При этомъ нельзя умолчать объ одномъ эпизодѣ довольно характерномъ.

Предположенные миссіонерами подкупы требовали значительныхъ денежныхъ средствъ, а кассы уніи давно были истощены. Въ этой крайности они рѣшились обратиться къ содѣйствію французскаго посланника въ Константинополѣ, который отказалъ имъ наотрѣзъ, объявивъ, что не считаетъ себя обязаннымъ поддерживать происки католицизма и содѣйствовать его успѣхамъ. Такимъ образомъ маркизъ Лавалеттъ, представитель католическаго государства, оказалъ здѣсь услугу православію.

Отношеніе епископовъ Авксентія и Иларіона къ совершившимся событіямъ было вполне правильнымъ, они громко выразили свое осужденіе и разослали по всей Болгаріи посланіе, въ которомъ приглашали народъ остерегаться происковъ пропаганды, твердо держаться православной вѣры и неуклонно стремиться къ одной цѣли — отдѣленію болгарской церкви и упроченію ея самостоятельности.

Одновременно съ этимъ и правительство наше, вѣрное сво-

ему призванію оберегать истинные интересы нашихъ единовѣрцевъ въ Турціи, предписало консуламъ внушать Болгарамъ, какъ имъ слѣдовало быть осторожными, чтобы не подпасть вліянію миссіонеровъ, старающихся помощью разныхъ обмановъ заставить покинуть вѣру ихъ отцовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, агентамъ нашимъ поручалось ободрить Болгаръ увѣреніемъ, что правительство наше принимаетъ дѣятельное участіе къ удовлетворенію справедливыхъ требованій Славянъ.

По желанію патріарха, Болгары письменно представили свои требованія: 1) Болгарскій народъ признаетъ и почитаетъ святѣйшаго патріарха Константинопольскаго какъ имѣющаго преимущества чести въ православной церкви, 2) Болгары, будучи особымъ народомъ, желаютъ имѣть себѣ іерархію, которая бы находилась подъ властію архіепископа болгарскаго, имѣющаго пребываніе въ Константинополѣ, 3) этотъ архіепископъ будетъ избираемъ Болгарами и утверждаемъ патріархомъ, 4) всѣ епископы болгарскіе будутъ избираемы туземнымъ клиромъ, при участіи народныхъ представителей и съ согласія вышеназваннаго архіепископа или его уполномоченныхъ, 5) Болгары исключительно самимъ себѣ оставляютъ право устроить все то, что касается ихъ церковной администраціи, 6) Болгары, почитая Константинопольскій патріаршій престолъ, съ полной охотой соглашаются ежегодно давать патріарху значительную сумму денегъ, 7) равнымъ образомъ Болгары нисколько не отказываются вмѣстѣ съ народомъ греческимъ позаботиться о погашеніи долговъ Константинопольской церкви.

Ознакомившись съ требованіями Болгаръ, патріархъ объявилъ, что онъ не намѣренъ входить въ какія либо соглашенія съ этими послѣдними до тѣхъ поръ пока епископъ Иларіонъ не явится съ изъявленіемъ покорности и раскаянія и присовокупилъ, что онъ не считаетъ возможнымъ допустить отдѣльной болгарской церкви иначе какъ ограничивъ ея предѣлы Балканами.

Этимъ условіемъ ярко очерчивается истинная причина трудности соглашенія между Греками и Болгарами, это та именно

политическая сторона вопроса, хранимая въ глубинѣ мыслей обѣихъ враждующихъ сторонъ. На первый планъ выступаютъ интересы народные, въ чемъ открыто сознавался тогдашній греческій посланникъ въ Константинополѣ. По выраженію г. Деліани, греческіе интересы требовали заключенія самостоятельной болгарской народности въ такихъ границахъ, которыя, представляя естественныя, трудно переходимыя преграды, служили бы надежнымъ средствомъ для окончательнаго разъединенія Грековъ съ Болгарами, необходимаго для того чтобъ избавиться отъ вмѣшательства этихъ послѣднихъ въ тѣ великія событія, которыя имѣютъ совершиться на Балканскомъ полуостровѣ и въ которыхъ Греки предоставляли себѣ дѣятельную и преобладающую роль.

25-го февраля 1861 г. патріархъ разослалъ окружное посланіе, въ которомъ, осуждая унію и принявшихъ ее, отозвался въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ объ епископахъ Иларіонѣ и Авксентіи, обвиняя ихъ въ произведеніи всѣхъ безпорядковъ, возмущавшихъ спокойствіе церкви и нарушавшихъ ея достоинство и безопасность. Въ томъ же посланіи патріархъ оправдывается въ обвиненіяхъ на него взводимыхъ относительно гоненій на болгарскую народность и въ 15 пунктахъ излагаетъ предоставляемыя ей права. Главнѣйшіе изъ этихъ пунктовъ: 1) достойныя лица изъ болгарскаго клира будутъ отнынѣ назначаемы на чисто-болгарскія епархіи, 2) въ случаѣ вдовства какой нибудь изъ чисто болгарскихъ епархій, патріархія съ благосклонностью будетъ принимать достойныхъ кандидатовъ рекомендуемыхъ самою епархіей; 3) въ одной изъ епархій Болгарамъ дозволяется открыть для себя богословское училище; 4) во всѣхъ болгарскихъ училищахъ имѣетъ первенствовать болгарскій языкъ; 5) одинъ или два болгарскихъ архіерея будутъ, какъ и прежде, присутствовать въ синодѣ, состоящемъ при патріархіи; 6) въ церквахъ чисто болгарскихъ епархій богослуженіе будетъ совершаемо на славянскомъ языкѣ.

Неопредѣленные и условныя уступки патріарха, оставляющія полный просторъ личному его произволу, не могли удовлетворить

Болгаръ и они обратились къ Портѣ, представивъ ей такъ называемыя восемь точекъ (пунктовъ), перечисляющія ихъ требованія; вотъ ихъ сущность: 1) въ избраніи патріарха Болгары имѣютъ право участвовать наравнѣ съ Греками; 2) члены патріаршаго синода состоятъ на половину изъ Грековъ, на половину изъ Болгаръ; 3) болгарскіе архіереи (6) составляютъ съ шестью мірянами болгарскій народный совѣтъ вѣдающій всѣ дѣла Болгарскаго народа, не касающіяся религіи; 4) достойнѣйшій изъ архіереевъ съ выборнымъ міряниномъ пребываютъ въ Константинополѣ и представляютъ предъ правительствомъ Болгарскій народъ; 5) смѣна этихъ двухъ лицъ не зависитъ отъ патріарха, а въ случаѣ обвиненія ихъ народнымъ собраніемъ она дѣлается Портой; 6) для замѣщенія каѳедръ выбираются епархіей два кандидата: одинъ изъ нихъ избирается болгарскимъ народнымъ совѣтомъ и рукополагается патріархомъ; 7) въ смѣшанныхъ епархіяхъ, архіерей выбирается изъ того народа, который многочисленнѣе, но онъ долженъ основательно знать оба языка, греческій и болгарскій, и строго блюсти чтобы никакого препятствія не было селянамъ употреблять въ церквахъ и училищахъ свой природный языкъ и 8) архіереямъ назначается жалованье.

Оскорбясь весьма рѣзкимъ отвѣтомъ Болгаръ на окружное посланіе, патріархъ созвалъ соборъ изъ всѣхъ патріарховъ, проживавшихъ въ то время Константинополѣ и находившихся тамъ митрополитовъ и епископовъ, для осужденія епископовъ Иларіона и Авксентія. Несмотря на троекратныя приглашенія, обвиняемые въ самовольномъ служеніи обѣдни, въ усиленіи раздора въ церкви и въ составленіи дерзкаго возраженія на патріаршее посланіе, епископы на соборъ не явились и были имъ осуждены съ лишеніемъ священства и архіерейства. Одновременно съ болгарскими епископами былъ осужденъ и митрополитъ Филиппопольскій Паисій, родомъ Грекъ изъ Янины, но глубоко преданный интересамъ Болгарскаго народа и который тоже отмѣнилъ въ своей епархіи поминавленіе при богослуженіи имени вселенскаго патріарха.

Преосвященный Паисій, бывшій сначала Смирскимъ митрополитомъ, воспитанникъ Аѳинскаго университета, много содѣйствовалъ образованію Болгарскаго экзархата, на служеніе которому онъ принесъ отличавшіе его глубокій умъ, искренность и доброту.

Немедленно за постановленіемъ собора, патріархъ сталъ требовать у Порты изгнанія осужденныхъ епископовъ изъ Константинополя, но встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны Аалипаши несмотря даже на опасенія, выраженные этому послѣднему патріархомъ, что дальнѣйшее ихъ пребываніе въ Царьградѣ вызоветъ безпорядки и столкновенія. Греки, въ особенности Іонійцы, подозрѣвая, что причина уклончивыхъ дѣйствій Порты заключается въ наставленіяхъ англійскаго посла, предложили патріарху вооруженную свою помощь для изгнанія осужденныхъ епископовъ и хотѣли даже напасть на домъ англійскаго посольства.

Испугавшись такого настроенія народныхъ массъ, Порта распорядилась арестованіемъ и отправленіемъ епископовъ въ ссылку въ Малую Азію. Когда Иларіонъ находился уже на пароходѣ, къ нему пріѣхалъ Цанковъ и уговаривалъ его принять унію, обѣщая ему освобожденіе отъ заточенія и возвращеніе сана, но Иларіонъ отказалъ наотрѣзъ. Нѣкоторые предполагаютъ, что не привязанность къ православію послужила причиною этого отказа. Основываясь на многихъ данныхъ, доказывающихъ положительно отсутствіе въ Иларіонѣ твердыхъ убѣжденій, лица эти объясняютъ настоящій его поступокъ тѣмъ, что онъ считалъ для себя выгоднѣе остаться православнымъ и выжидать случая сдѣлаться патріархомъ православныхъ Болгаръ, нежели занять второстепенное мѣсто въ Уніатской церкви, во главѣ которой только что былъ поставленъ папою архіепископъ Болгарскій Іосифъ Сокольскій.

Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ объ Іосифѣ Сокольскомъ,—интригою іезуитовъ выдвинутомъ впередъ и поставленномъ на первое мѣсто, — во главу болгарскихъ уніатовъ, но также быстро павшемъ, не взирая на всѣ усилія враговъ пра-

вославія, направленныя къ охраненію Сокольскаго въ болѣе громкомъ, чѣмъ славномъ званіи латинскаго архіепископа Болгаръ.

Выше было пояснено, какимъ образомъ подъ вліяніемъ внутреннихъ раздоровъ и борьбы съ патріархіею стало увеличиваться число отщепенцевъ отъ православія, переходившихъ въ унію. Но, несмотря на усилившуюся численность уніатовъ, они продолжали быть слабыми по отношенію къ мѣстной власти и къ другимъ исповѣданіямъ. Не имѣя во главѣ своей духовнаго сановника, признаннаго Турецкимъ правительствомъ за духовнаго начальника всѣхъ болгарскихъ уніатовъ, — эти уніаты не представляли изъ себя, съ точки зрѣнія мѣстныхъ законовъ, отдѣльной юридической личности, — общины или, какъ принято называть въ Турціи, *миллета*, т. е. народа. Такой порядокъ вещей лишалъ болгарскихъ уніатовъ возможности имѣть за себя особаго офіціального представителя предъ Портою, какими являются главы всѣхъ остальныхъ признанныхъ Оттоманскимъ правительствомъ вѣроисповѣданій. Необходимость же постоянно прибѣгать къ помощи Французскаго и Австрійскаго посольствъ — офіціозныхъ защитниковъ католичества въ Турціи, вызывая поневолѣ неудовольствіе Порты на вмѣшательство Европейскихъ представителей въ ея внутреннія дѣла, могло имѣть лишь непріятныя для уніатовъ практическія послѣдствія.

Легко представить себѣ восторгъ недруговъ православія, когда имъ, наконецъ, удалось добиться отъ Турокъ признанія отдѣльнаго архіепископа для Болгаръ-уніатовъ, благодаря чему могла быть образована правильная, съ точки зрѣнія Турокъ, болгаро-латинская община съ одинаковыми правами, какъ и прочіе миллеты.

Лицомъ, которому выпала незавидная честь отпасть отъ православія и воплотить въ себѣ стремленія, враждебныя по отношенію къ прежней его религіи — былъ Іосифъ Сокольскій. Ранѣе постриженія своего въ монахи, Сокольскій, уроженецъ города Габрова, въ продолженіи десяти лѣтъ занимался гайдучествомъ; въ 50-хъ годахъ онъ отказался отъ своего ремесла

и на заработанные имъ деньги, сначала, исправилъ полуразрушенный монастырь св. Николая, а, затѣмъ, сдѣлался его игуменомъ, не умѣя вовсе писать, а лишь читать. Въ 1860 г., когда онъ пріѣхалъ въ Константинополь съ цѣлью жаловаться въ патріархіи на притѣсненія Тырновскаго греческаго митрополита, Цанкову удалось склонить Сокольскаго перейти въ унію. Съ согласія Французскаго посольства и при помощи іезуитовъ Цанковъ свезъ Сокольскаго въ Римъ, гдѣ самимъ папою онъ былъ посвященъ въ архіепископа всѣхъ Болгаръ.

Достигнувъ своей цѣли, іезуиты охраняли вернушагося въ Царьградъ Сокольскаго съ особымъ тщаніемъ и берегли его какъ зеницу ока, точно предчувствуя неустойчивость убѣжденій новаго болгарскаго прелата. Сердце ихъ оказалось вѣщунотъ: прошло не болѣе пяти мѣсяцевъ послѣ возвращенія Сокольскаго въ Константинополь, какъ снѣдаемый угрызеніями совѣсти за вѣроотступничество и мучимый сознаніемъ, что онъ сдѣлался орудіемъ созданія общины, которая отнынѣ, благодаря своему новому юридическому положенію, имѣетъ всѣ средства, чтобы вести ожесточенную борьбу съ православіемъ,—Сокольскій внялъ совѣтамъ извѣстнаго болгарскаго патріота Славейкова и, не взирая на приставленную къ нему почетную стражу, бѣжалъ изъ своего дома; на простомъ, трехпарномъ каикѣ прибылъ онъ въ Буюкдере—лѣтнее мѣстопробываніе Русскаго посольства.

Когда нашему тогдашнему посланнику, князю Лобанову-Ростовскому, доложили, что его желаетъ видѣть болгарскій архіепископъ и онъ вышелъ къ нему въ пріемную, Сокольскій прямо упалъ на колѣна и, изъявляя горькое свое раскаяніе во всемъ прошломъ, умолялъ князя спасти его отъ іезуитовъ. Видя, что Сокольскій былъ одѣтъ какъ католическій прелатъ, въ фіолетовомъ одѣянніи и такихъ же чулкахъ, кн. Лобановъ потребовалъ прежде всего, чтобы онъ снялъ съ себя эту одежду—не подобающую бывшему православному духовному,—такъ какъ ранѣе того онъ не признаетъ возможнымъ входить съ нимъ въ какіе либо переговоры. Сокольскій подчинился этому требованію и,

такъ какъ немыслимо было для него покинуть посольскій домъ или же, пославъ въ Константинополь за другимъ платьемъ, обнаружить свое мѣстопробываніе, то прибѣгли къ помощи діакона посольской церкви Акакія, который, будучи одного роста съ Сокольскимъ, снабдилъ его своимъ платьемъ. Вторично принятый, послѣ того, нашимъ посланникомъ, Сокольскій снова умолялъ принять въ немъ участіе и спасти его изъ когтей католическаго духовенства. Кн. Лобановъ отвѣтилъ ему: «сегодня почтовый день и черезъ часъ придетъ сюда русскій пароходъ, отправляющійся въ Одессу: если раскаяніе ваше искренне, то ничто не мѣшаетъ вамъ сѣсть на этотъ пароходъ и тотчасъ же отправиться въ Россію». Озадаченный столь быстрымъ поворотомъ дѣла, Сокольскій тѣмъ не менѣе, послѣ минутнаго размышленія, рѣшилъ послѣдовать совѣту кн. Лобанова и въ тотъ же день выѣхалъ въ Одессу. Все это было сдѣлано такъ быстро и такъ ловко, что лишь чрезъ 3 дня, безуспѣшно искавшіе Сокольскаго повсюду, іезуиты узнали всю непріятную для нихъ правду. Но было уже поздно, дѣло было непоправимо: Сокольскій былъ уже въ Одессѣ, откуда, съ Высочайшаго соизволенія, былъ переведенъ въ Кіево-Печерскую Лавру, гдѣ провелъ на покой около двухъ лѣтъ вплоть до своей кончины. Долго не могли утѣшиться католики въ понесенномъ ими пораженіи, весьма важномъ по своимъ послѣдствіямъ, въ особенности въ виду тогдашнихъ обстоятельствъ. Наградой же кн. Лобанова былъ весьма лестный отзывъ объ его образѣ дѣйствій въ этомъ случаѣ со стороны покойнаго Императора Александра II и звѣзда св. Анны, присланная ему съ первою же послѣ рассказаннаго происшествія почтою, пришедшею въ Константинополь изъ Россіи.

Новыя попытки непосредственнаго соглашенія сторонъ не имѣли успѣха. Патріархъ стоялъ на прежде поставленныхъ имъ условіяхъ и объявилъ, что готовъ скорѣе допустить переходъ всѣхъ Болгаръ въ католицизмъ, нежели уступить что либо изъ преданій великой церкви.

Между тѣмъ Болгары просили у правительства скорѣйшаго

разрѣшенія распри, такъ какъ народъ не принималъ къ себѣ греческаго духовенства, отчего во многихъ мѣстностяхъ дѣти оставались некрещеными, свадьбы вѣнчались безъ священниковъ, такимъ же образомъ погребались умершіе.

Австрійское правительство, съ своей стороны, видя раздраженіе Болгаръ, стало хлопотать о присоединеніи Болгаръ къ Карловицкому патріархату.

Порта, въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ и желая также положить конецъ исканіямъ западныхъ державъ, стремившихся водворить свое вліяніе въ странѣ путемъ удовлетворенія духовныхъ требованій Болгаръ, учредила смѣшанную греко-болгарскую комиссію для разсмотрѣнія способовъ примиренія сторонъ на основаніи восьми точекъ Болгаръ. Занятія комиссіи, продолжавшіяся полтора года, оказались совершенно безплодными; достигнуто было лишь общее соглашеніе по 1-му пункту объ избраніи патріарха, причемъ изъ числа 70 избирательныхъ голосовъ Болгарамъ предоставлялось отъ 25 до 30 голосовъ. По остальнымъ же пунктамъ пренія не привели ни къ чему: члены комиссіи не могли согласиться между собою и она должна была закрыть свои засѣданія.

Аали-паша, желая облегчить задачу комиссіи, предложилъ два проекта разрѣшенія вопроса. Первый предполагалъ раздѣленіе всѣхъ существующихъ епархій на три категоріи: чисто греческія, чисто славянскія и смѣшанныя; отъ каждой группы посылаются для засѣданія въ синодъ по четыре епископа, а отъ смѣшанныхъ по два отъ каждой народности. Второй проектъ предлагалъ устроить избирательные округа на каждыя 50 тысячъ жителей, съ тѣмъ чтобы каждый изъ округовъ имѣлъ своего представителя въ синодѣ.

Проекты эти были безусловно отвергнуты патріархомъ, упорство котораго и крутой нравъ вывели наконецъ изъ терпѣнія самихъ Грековъ и привели къ его низложенію и замѣнѣ его Амассійскимъ епископомъ Софроніемъ, человѣкомъ умнымъ, мягкимъ, одушевленнымъ самымъ примирительнымъ духомъ, но ко-

торый, благодаря своей безхарактерности, сдѣлался вскорѣ игрушкой различныхъ партій, толпившихся около вселенскаго престола.

Новый патріархъ собралъ большой совѣтъ изъ 70 членовъ, на половину духовныхъ и мірянъ, который выработалъ слѣдующія уступки Болгарамъ: 1) при избраніи патріарха Болгарамъ предоставляется 59 голосовъ; 2) для достиженія большей правильности при назначеніи епископовъ патріархъ обязывается завести книгу, въ которую будутъ вписываться имена лицъ наиболѣе достойныхъ избранія, а также кандидаты рекомендованные болгарскими епархіями: въ случаѣ вдовства кафедры, на нее назначается ближайшій по списку кандидатъ изъ числа предложенныхъ тою епархіей, гдѣ открылась вакансія 3) область вселенской патріархіи раздѣляется на шесть округовъ: Азія, острова, Эпиръ-Θессалія, Θракія, Македонія и Болгарія-Боснія; каждый округъ посылаетъ по два епископа въ составъ Константинопольскаго синода; 4) члены синода назначаются на одинъ годъ; 5) требованіе о смѣшанномъ церковномъ совѣтѣ отвергнуто на томъ основаніи, что Болгары такимъ образомъ получили бы больше правъ, чѣмъ сама вселенская церковь, совѣтъ коей состоитъ изъ представителей одного Константинополя, а не провинцій, какъ того требуютъ для себя Болгары.

Съ точки зрѣнія Болгаръ предложенныя уступки главнѣйшимъ образомъ были недостаточны въ слѣдующихъ отношеніяхъ: избраніе епископовъ по списку, составленному патріархіей, не представляло никакихъ гарантій для Болгаръ, которымъ приходилось бы довѣряться добросовѣстности патріаршихъ чиновниковъ, неоднократно и не безъ причины ими заподозрѣнной, затѣмъ, при крайней неравномѣрности областей, при которой острова составляли округъ, имѣющій такія же права какъ и вся Болгарія и Боснія вмѣстѣ, очевидно было, что греческій элементъ будетъ всегда имѣть значительный перевѣсъ въ синодѣ.

На основаніи этихъ то соображеній Болгары не удовлетворились предложенными уступками и раздоръ получилъ новую пищу вслѣдствіе возвращенія Портой въ Константинополь сослан-

ныхъ епископовъ Иларіона и Авксентія. Болгары собирались было устроить имъ торжественный пріемъ, но онъ не имѣлъ мѣста вслѣдствіе заблаговременно принятыхъ Аали-пашой мѣръ.

Патріархъ пробовалъ мириться съ возвратившимися епископами и предлагалъ даже имъ епархіи, лишь бы они просили прощенія, но тѣ отказались и поселились въ деревнѣ Ортакей, на Европейскомъ берегу Босфора, которая отнынѣ становится мѣстопробываніемъ высшаго болгарскаго духовенства.

Среди Болгаръ все болѣе и болѣе усиливается стремленіе къ обособленію своей народности, и одинъ изъ выдающихся ихъ дѣятелей, Геровъ, въ своей запискѣ 1864 года ставитъ слѣдующія условія примиренія съ патріархіей: Болгары желаютъ: 1) отдѣлиться отъ Грековъ и составить особенный народъ, хотя бы и подъ главенствомъ вселенскаго патріарха; 2) избирать имъ самимъ своихъ архіереевъ для того, чтобы патріархія не могла и впредь посылать къ нимъ, какъ до сихъ поръ, недостойныхъ пастырей и 3) устранить неблагопріятное вліяніе патріархіи на управленіе болгарскими епархіями.

Впервые послѣ паденія Болгарскаго царства, съ амвона болгарской церкви въ Шумлѣ раздалась рѣчь митрополита Виддинскаго Анѳима, будущаго экзарха Болгаріи, въ которой онъ осмѣлился говорить народу явно и громко о его славномъ прошломъ. Владыка говорилъ, что Шумла есть старая Преслава, древняя, великая столица Болгарскаго народа; она для Болгаръ тоже что Сіонъ для Израиля. Вспомнилъ онъ и Крума, и Симеона, и другихъ, предъ которыми когда то трепетала Византія. «Если бы камни и деревья имѣли языкъ и голосъ, они повѣдали бы намъ объ этихъ славныхъ временахъ», говорилъ онъ, «но теперь все пало, все исчезло, и нѣтъ слѣдовъ этой славы, этого могущества»...

Взаимная ненависть дошла до того, что умирающій Авксентій, завѣщавшій предъ смертью все свое состояніе въ пользу болгарскихъ училищъ, отказался принять разрѣшеніе наложенной на него клятвы, посланное ему патріархомъ вслѣдствіе на-

стояній нашего посла, указывавшаго на необходимость воспользоваться подобнымъ случаемъ, чтобы доказать готовность патріарха примириться съ Болгарами.

Патріархъ Софроній дѣйствительно понималъ необходимость скорѣйшаго разрѣшенія церковной распри. Патріархія была въ очень затруднительномъ денежномъ положеніи вслѣдствіе отказа славянскихъ епархій платить обычныя подати. Съ другой стороны, тульчинскіе жители, не желая обращаться для поставленія священниковъ къ греческому митрополиту, рѣшили собрать соборъ священниковъ и поручить имъ произвести посвященіе. Тогда же, подъ вліяніемъ графа Игнатьева, Софроній приступилъ къ очищенію болгарскихъ кафедръ, отзывая постепенно или переводя въ другія епархіи епископовъ не болгарскаго происхожденія.

Но ни миролюбивое настроеніе умѣренной партіи Болгаръ, ни искреннія старанія патріарха Софронія добиться мира, ни, наконецъ, дѣятельное вмѣшательство посла нашего въ Константинополь, успѣвшаго достигнуть соглашенія по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, не привели къ желаемой цѣли. Обѣ стороны убѣдились въ необходимости покончить споръ, но были не въ силахъ ограничить и видоизмѣнить свои требованія настолько, чтобы придти къ возможности соглашенія. Съ одной стороны, сильное, хотя не всегда высказываемое прямо стремленіе Болгаръ къ достиженію самостоятельности своей церкви, а съ другой — упорная рѣшимость Грековъ удержать свое первенство создаютъ тысячи затрудненій, которыя, при неуступчивости обѣихъ сторонъ, обращаются въ неодолимые препятствія. Напрасно всевозможныя коммисіи и много- и малочисленные стараются надъ разсмотрѣніемъ всевозможныхъ проектовъ, всѣ усилія разбиваются объ упорство спорящихъ, доводятъ лишь обѣ стороны до крайняго раздраженія и вызываютъ взаимную вражду, которая, ослѣпляя спорящихъ, препятствуетъ имъ прислушаться къ голосу разума. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ новыхъ и неудачныхъ попытокъ соглашенія, обѣ стороны приходятъ къ убѣжде-

нію, что онѣ не въ состояніи рѣшить своего спора собственными силами, и Болгары обращаются къ Портѣ съ просьбой допустить отдѣленіе Болгарской церкви отъ вселенской и устройство ея по образцу Сербской; филиппопольскіе же Болгары изъявляютъ желаніе мириться на условіяхъ, которыя будутъ предложены Россіей.

Въ концѣ 1866 г. на кафедрѣ Константинопольской произошла перемѣна: патріархъ Софроній былъ низведенъ, а на его мѣсто, 10-го февраля 1867 г., избранъ одинъ изъ прежде бывшихъ Константинопольскихъ патріарховъ Григорій VI; онъ показалъ искреннее желаніе примириться съ Болгарами и подалъ правительству слѣдующій проектъ, оставившій такіе глубокіе слѣды въ исторіи греко-болгарскаго вопроса: 1) епархіи, которыя будутъ признаны болгарскими, не могутъ быть отдѣлены отъ вселенскаго престола, но составятъ отдѣльный округъ подъ названіемъ Болгарскаго. 2) Первенствующій митрополитъ этого округа получитъ званіе экзарха Болгаріи и будетъ призванъ намѣстникомъ патріарха въ Болгарскомъ округѣ. 3) Экзархъ и подчиненные ему епископы будутъ поминать имя вселенскаго патріарха. 4) Всѣ митрополиты округа составляютъ подъ предсѣдательствомъ экзарха синодъ. Обязанности этого синода заключаются въ охраненіи чистоты православной вѣры и въ веденіи духовныхъ дѣлъ округа. Рѣшенія его будутъ имѣть полную силу въ предѣлахъ Болгарскаго экзархата и подлежатъ пересмотру только по аппеляціи вселенскому патріарху. 5) Синодъ будетъ вести списокъ лицъ признанныхъ, по подлежащемъ испытаніи, достойными назначенія во епископы и копію этого списка сообщать ежегодно вселенской церкви. 6) Назначеніе епископовъ будетъ производиться согласно этому списку. Патріарху предоставляется право утвержденія избраннаго. Хиротонія назначаемаго производится на основаніи патріаршаго разрѣшенія. 7) Архіепископскіе бераты испрашиваются у Порты патріархомъ и пересылаются имъ синоду для передачи по принадлежности. 8) Синодъ округа обращается къ патріарху для

полученія св. мѣра и пр. 9) Синодъ озаботится устройствомъ на счетъ Болгарскаго округа высшаго богословскаго училища и духовныхъ школъ для приготовленія низшаго духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Болгарамъ не возбраняется доступъ въ богословское училище на островѣ Халки. 10) Регламентъ для управленія Болгарскимъ экзархатомъ будетъ составленъ по соглашенію патріарха съ духовенствомъ и представителями Болгарскаго народа. Измѣненія въ этомъ регламентѣ могутъ быть производимы не иначе какъ съ согласія патріарха и его синода. 11) Уставъ ставропигіальныхъ монастырей вселенскаго патріархата остается безъ измѣненій. 12) Если въ какой либо церкви Болгарскаго округа богослуженіе производится въ настоящее время по гречески или по славянски, то этотъ порядокъ будетъ сохраненъ до тѣхъ поръ, пока по общему согласію прихожанъ и по благословенію митрополита не подвергнется измѣненію. 13) Низшее духовенство Болгарскаго округа находится въ полной канонической зависимости отъ своихъ епископовъ и поминаетъ ихъ имена на литургіи. 14) Митрополиты Болгарскаго округа имѣютъ тѣ же права, какъ и всѣ прочіе митрополиты, участвовать въ избраніи патріарха въ качествѣ избирателей или избираемыхъ. 15) Они обязаны въ бытность свою въ Константинополѣ по своимъ дѣламъ соблюдать тѣ же каноническія правила, какъ прочіе іерархи великой церкви. 16) Болгарскіе митрополиты, временно проживающіе въ Константинополѣ, будутъ получать почетныя приглашенія на сослуженіе въ церквахъ съ греческими іерархами и на присутствіе въ синодѣ. 17) Если бы въ Константинополѣ оказались законно-признанные свѣтскіе представители Болгарскаго церковнаго округа, то они будутъ приглашаемы на общія собранія патріархата. 18) Великая церковь даруетъ торжественнымъ актомъ прощеніе болгарскимъ епископамъ, низложеннымъ за отказъ помянуть имя патріарха, лишь только они изъявляютъ раскаяніе и обѣщаютъ подчиниться всѣмъ вышеизложеннымъ постановленіямъ.

Проектъ этотъ хотя и не вполне удовлетворялъ Болгаръ,

но дѣлалъ имъ такія значительныя и такія дѣйствительныя, а не мнимыя, уступки, что имъ съ радостью слѣдовало принять его, какъ представляющій всѣ ручательства для достиженія ихъ стремленій, тѣмъ болѣе, что гораздо легче расширить имѣемыя права, чѣмъ пріобрѣсти или требовать ихъ въ полномъ ихъ объемѣ.

Патріархъ разумѣлъ предлагаемыя имъ преобразованія, какъ имѣющія чрезвычайную важность. Вотъ подлинныя его слова нашему послу въ Константинополѣ генераль-адъютанту Игнатьеву: «*Je bâtis de mes mains un pont à l'indépendance politique des Bulgares*».

Но Болгары не захотѣли довольствоваться уступками проекта Григорія VI, тѣмъ болѣе, что онъ не разрѣшалъ главной стороны вопроса, а именно о разграниченіи смѣшанныхъ епархій, укрываясь за эластическимъ выраженіемъ: «епархіи, которыя будутъ признаны болгарскими». Идеи народности стали находить среди Болгаръ все болѣшую пищу, и Порта захватываетъ въ это же время печатный адресъ на имя султана, въ которомъ доказывается необходимость создать автономную провинцію изъ нынѣшней Болгаріи подъ именемъ намѣстничества Болгарскаго, связаннаго съ прочими областями Оттоманской имперіи на основаніяхъ фѣдеративныхъ и имѣющаго въ столицѣ имперіи свое отдѣльное народное представительство. Адресъ былъ подписанъ такъ называемымъ центральнымъ болгарскимъ комитетомъ. Въ то же время враждебность Болгаръ по отношенію къ Грекамъ нашла себѣ выраженіе въ адресѣ, которымъ Болгары осуждаютъ возстаніе Критянъ. Подачу этого документа, наглядно показывающаго рознь между христіанскими народами Балканскаго полуострова, Чомаковъ, одинъ изъ передовыхъ болгарскихъ бойцовъ, объяснялъ тѣмъ, что Болгарамъ выгоднѣе, чтобы Турція просуществовала еще лѣтъ 50 или 60, въ теченіи коихъ они окрѣпнутъ, иначе же они могутъ сдѣлаться добычей Грековъ или Русскихъ.

Не удовлетворивъ Болгаръ, проектъ Григорія VI вызвалъ

опасенія и Грековъ; при разборѣ, въ совѣтѣ, проекта и составленнаго патріархомъ списка мѣстностей, которыя должны были входить въ составъ предположеннаго округа, особенное сопротивленіе было оказано мірянами, которые никакъ не хотѣли согласиться на расширеніе предѣловъ Болгарскаго экзархата за Балканы и громко обвиняли патріарха въ измѣнѣ греческому дѣлу. Твердость патріарха была поколеблена, и онъ сталъ придумывать различныя отступленія отъ своего проекта, дабы тѣмъ успокоить бурю, поднявшуюся въ совѣтѣ по поводу его предложеній. Такъ, опираясь на то, что Филиппополь даже во время самостоятельности Охридскаго патріархата составлялъ принадлежность вселенской церкви,—Григорій VI объявилъ, что этотъ городъ и теперь не можетъ быть присоединенъ къ будущему Болгарскому экзархату. Кромѣ того, онъ объявилъ, что епископскія каѳедры въ Болгаріи будутъ замѣщаемы Болгарами лишь по смерти епископовъ, въ настоящее время ихъ занимающихъ.

Вообще Греки были увѣрены, что тогдашній моментъ имѣлъ рѣшающее значеніе въ исторіи развитія новой Греціи. Греческій посланникъ въ Константинополѣ Деліани въ разговорѣ съ генераль-адъютантомъ Игнатьевымъ повторилъ, что, во избѣжаніе всевозможныхъ недоразумѣній, необходимо ограничить Болгарію линіей Балканъ. По его словамъ, вся политическая будущность Греціи зависитъ отъ разрѣшенія этого вопроса: борьба отнынѣ идетъ между славянствомъ и эллинствомъ; борьба эта уже началась, и Греціи слѣдуетъ показать въ ней всю свою силу и непоколебимость.

Проектъ патріарха встрѣтилъ еще враговъ въ лицѣ турецкихъ министровъ, совѣтъ которыхъ высказался противъ созданія новой національности, — болгарской — называя идею эту русскою. Они опасались, чтобы вопросъ, касающійся духовнаго управленія, не породилъ новаго политическаго тѣла, съ которымъ Турціи придется считаться впослѣдствіи. Порта боялась самаго имени Болгаріи и не желала давать этой области политическихъ границъ, дабы созданіемъ экзархата съ ясно очерченными пре-

дѣлами не внушить Болгарамъ мысли требовать автономіи политической. Въ виду такихъ соображеній, Турки рѣшились, съ одной стороны, всячески мѣшать соглашенію между спорящими, выставляя каждому изъ нихъ недостаточность дѣлаемыхъ уступокъ и возможность добиться лучшихъ, а съ другой, способствовать успѣхамъ уніи. Еще въ 1861 году Аали-паша въ отвѣтъ на сообщенія о недовольствѣ Болгаръ уступками патріарха сказалъ: «такъ пусть идутъ въ унію». Теперь же Порта стала особенно интересоваться этимъ вопросомъ по двумъ причинамъ: встревоженная движеніемъ умовъ въ Болгаріи, она, во-первыхъ, желала бы сдержать ихъ порывъ, давъ ему другое направленіе и, во вторыхъ, надѣялась, что, по совращеніи Болгаръ въ латинство, сочувствіе къ нимъ Россіи неминуемо должно будетъ охладиться.

Какъ дополненіе къ своему проекту, патріархъ Григорій представилъ проектъ рѣшенія финансовой стороны вопроса въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: 1) Болгарскій экзархатъ принимаетъ на себя уплату части долга патріархата пропорціально своему пространству или числу жителей. 2) Епископы болгарскихъ епархій высылаютъ ежегодно на расходы по содержанію патріархата извѣстную небольшую сумму, размѣръ которой будетъ опредѣленъ особеннымъ регламентомъ. Остальные же всѣ доходы они употребляютъ по своему усмотрѣнію.

Какъ уже сказано выше, Болгары не удовлетворились проектомъ Григорія VI какъ потому, что епархіи во Θракіи и Македоніи оставались въ прежнемъ положеніи, такъ и потому, что патріархъ предоставлялъ себѣ большой просторъ вмѣшательству въ дѣла новоопредѣленнаго имъ Болгарскаго церковнаго округа. Они стали настаивать на совершенномъ отдѣленіи отъ вселенскаго престола, съ возстановленіемъ Охридской архіепископіи, съ тѣмъ, чтобы къ ней были присоединены всѣ тѣ изъ болгарскихъ епархій, которыя въ прежнее время хотя къ ней и не принадлежали, но какимъ либо образомъ изъявляли желаніе соединить свою участь съ участью прочихъ своихъ соотечествен-

никовъ, а равнымъ образомъ и тѣ, которыя входили въ предѣлы Тырновскаго патріархата, тоже незаконно уничтоженнаго патріархіей вселенскою. При такой лишь постановкѣ вопроса Болгары, говорили они, могутъ сказать, что они пользуются правами, проистекающими изъ признаннаго въ государствѣ и начертаннаго въ гатти-гумаюнѣ начала свободы совѣсти.

Старанія турецкихъ министровъ усилить раздоръ между Греками и Болгарами нашли себѣ дѣятельнаго помощника въ одномъ изъ самыхъ ярыхъ предводителей Болгаръ,—Чомаковѣ, депутатѣ города Филиппополя, который, не считая возможнымъ согласиться на предложенія патріарха, исключаяція представляемый имъ городъ изъ состава предполагаемаго экзархата, подалъ Портѣ записку, прося о возстановленіи Охридскаго патріархата, основывая свое ходатайство на каноническомъ правѣ, на исторіи и на принципѣ свободы совѣсти, причемъ въ заключеніи благодарилъ турецкое правительство за соблюдаемую имъ роль зрителя и просилъ сохранить ее до конца и не препятствовать Болгарамъ самимъ устроить свои церковныя дѣла.

Въ концѣ 1867 года въ Петербургъ пріѣзжали два болгарскіе представители, Георгіевъ и Шоповъ, съ просьбой о помощи и покровительствѣ Болгарамъ, которые рѣшились посвятить всѣ силы и средства на освобожденіе свое отъ турецкаго ига. Депутаты эти выразили, что они знаютъ, что эта борьба сопряжена съ великими опасностями и страшными пожертвованіями, но не могутъ откладывать своего дѣла на неопредѣленное время, подчиняясь для составленія плана и опредѣленія времени указаніямъ Сербіи, которая, съ своей стороны, обязалась помочь имъ деньгами, оружіемъ и снарядами.

Правительство наше, въ отвѣтъ на это обращеніе, отзывалось, что по причинѣ важныхъ внутреннихъ преобразованій, Россія желаетъ устраниваться отъ войны, а, потому, не только не можетъ возбуждать своихъ единовѣрцевъ къ вооруженному возстанію, но и увѣщеваетъ ихъ отложить рѣшительную борьбу до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, такъ какъ она не можетъ

объщать поддержать военной силой ихъ стремленія. До тѣхъ же поръ необходимо не покидать надлежащей осмотрительности и особенно озаботиться устраненіемъ раздоровъ и недоразумѣній между разными христіанскими народностями, попытки которыхъ къ освобожденію оказывались неудачными отъ недостатка въ искреннемъ единствѣ дѣйствій. Въ то же время вниманіе Георгіева и Шопова было обращено на то, какъ гибельна для общаго дѣла продолжающаяся распря между Болгарами и патріархатомъ, что распря эта поддерживается чрезмѣрными стремленіями передовыхъ дѣятелей, что всѣ обращенія къ Портѣ по этому дѣлу совершенно бесполезны, какъ уже доказалъ опытъ, и только вредятъ православной церкви, къ радости враговъ ея, и, наконецъ, что Болгарамъ необходимо войти въ прямыя сношенія съ патріархомъ, принять предлагаемыя имъ уступки и, прекративъ этотъ раздоръ, въ виду дорогихъ имъ надеждъ, предоставить времени достиженіе остальныхъ законныхъ ихъ требованій.

Впрочемъ, обращеніе Георгіева и Шопова къ совѣтамъ митрополита Московскаго Филарета для изысканія средствъ къ примиренію осталось безъ послѣдствій, такъ какъ маститый іерархъ объявилъ, что онъ считаетъ офиціальное вмѣшательство Россійскаго св. Синода невозможнымъ.

Ограниченія, возвѣщенные патріархомъ касательно епархій Филиппопольской и Охридской, вызвали цѣлую бурю въ средѣ болгарской общины и раздѣлили ее на двѣ партіи: одна отказывалась принять проектъ Григорія VI въ виду того что главною цѣлью своею онъ ставитъ разъединеніе славянскихъ земель какою то фиктивною линіей, что, въ свою очередь, окажетъ вредное вліяніе въ политическомъ отношеніи, когда придетъ возможность возстановить ихъ національную независимость; другая же партія, болѣе умѣренная, желала, чтобы епархія Филиппопольская и Охридская, продолжая оставаться подъ непосредственною властью патріарха, пріобрѣли тѣмъ не менѣе право свободнаго выбора своихъ епископовъ, которые, затѣмъ, будутъ лишь утверждаться

въ своемъ санѣ патріархомъ. Кромѣ того, они желали учрежденія при вселенскомъ патріархатѣ Болгарскаго совѣта изъ мірянъ, который бы завѣдывалъ школами и благотворительными заведеніями.

Подъ вліяніемъ совѣтовъ нашего посла, Григорій VI началъ было склоняться въ пользу программы умѣренной болгарской партіи, во главѣ которой сталъ митрополитъ Паисій.

Турецкое правительство, узнавъ о непосредственныхъ переговорахъ болгарской общины съ патріархатомъ и предвидя возможность соглашенія между ними, тѣмъ болѣе для него непріятнаго, что это время совпало съ Критскимъ возстаніемъ, употребило всѣ усилія, чтобы помѣшать примиренію и составило собственный проектъ, долженствовавшій служить яблокомъ раздора между спорящими, давъ Болгарамъ понять, что оно готово признать ихъ отдѣльною національностью, *миллетомъ*. Болгары сочли эту уступку чрезвычайно важною, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, въ ней заключался зародышъ будущей автономіи, къ которой направлены были всѣ ихъ помысленія.

Проектъ Порты давалъ Болгарамъ совершенно самостоятельную Церковь, потому что хотя и ставилъ ее изъ приличія подъ верховную зависимость вселенскаго патріарха, но не упоминалъ, въ чемъ именно эта зависимость должна выражаться. Особенно много раздоровъ обѣщалъ второй пунктъ, который говорилъ: «церкви, построенныя Греками и освященныя ихъ епископомъ, будутъ признаны исключительною собственностью греческихъ общинъ; такія же права предоставляются Болгарамъ относительно храмовъ, воздвигнутыхъ ими; вмѣстѣ съ тѣмъ, Болгарамъ разрѣшается, въ случаѣ если бы они признали это нужнымъ, приступить къ построенію новыхъ храмовъ исключительно для себя». При невозможности съ точностью опредѣлить на чьи именно деньги выстроена та или другая церковь, постановленіе это вызвало бы нескончаемые споры и даже серьезныя столкновенія обѣихъ народностей.

Не излишне замѣтить, что въ то же время султанъ прислалъ

болгарской церкви Св. Стефана въ Балатѣ Евангеліе со своею тугрою (именемъ). Болгары были этимъ поставлены въ немалое затрудненіе и, подѣ конецъ, рѣшили выразить султану благодарность, объявивъ, что приняли Евангеліе на храненіе, но что употреблять его въ церкви не будутъ. По слухамъ, 2000 такихъ же Евангелій съ султанскою тугрою приготовлены были Портой къ отправленію въ провинціи.

Между тѣмъ болгарскіе представители избрали исполнительную комиссію изъ восьми членовъ, которой ввѣрили веденіе переговоровъ по церковному дѣлу. Въ основаніе ея инструкцій положено обязательство сохранить догматическое и духовное единеніе съ великою церковью. Здѣсь кстати будетъ сказать, что другое обстоятельство, въ которомъ Болгары показали, что желаютъ остаться въ тѣсномъ единеніи съ православною церковью—это отказъ ихъ принять приглашеніе папы на такъ называемый вселенскій соборъ, созванный тогда въ Римѣ.

Исполнительная комиссія рѣшила, что если патріархъ откажется принять проектъ разрѣшенія вопроса, составленный бывшимъ митрополитомъ Филиппопольскимъ Паисіемъ, то она обратится съ просьбой о разрѣшеніи несогласія къ синодамъ російскому и прочихъ автокефальныхъ церквей.

Проектъ митрополита Паисія есть не что иное, какъ проектъ Григорія VI съ нѣсколькими измѣненіями и дополненіями, заключающимися въ слѣдующемъ: второй пунктъ выраженъ такъ: «Болгарскій церковный округъ состоитъ изъ епархій чисто болгарскихъ и *смѣшанныхъ*, которыя будутъ указаны». Затѣмъ: «въ смѣшанныхъ епархіяхъ избраніе епископа предоставляется большинству, а меньшинству дозволяется просить у соплеменнаго духовнаго начальника *хоръ-епископа*, поминающаго вселенскаго патріарха и пославшее его начальство». 6-й пунктъ измѣненъ предоставленіемъ патріарху разъ навсегда уполномочить синодъ экзархата посвящать избранныхъ епископовъ, а 8-й пунктъ дополненъ возложеніемъ на патріарха представительства по дѣламъ экзархата у Порты. Пункты 12-й и 18-й отмѣ-

нены, но за то прибавленъ одинъ пунктъ о томъ, что болгарскіе митрополиты и епископы будутъ уплачивать на содержаніе вселенскаго патріархата выпадающую на ихъ долю сумму денегъ.

Затрудненіе для патріарха принять проектъ Паисія заключалось, во-первыхъ, въ условіи присоединенія къ экзархату всѣхъ смѣшанныхъ епархій, а во-вторыхъ, предложенное имъ нововведеніе хоръ-епископовъ представлялось канонически незаконнымъ и оскорбительнымъ для Грековъ, такъ какъ обнаруживало заботливость Болгаръ отрѣшиться отъ всякаго общенія съ ними. Поэтому, Греки приняли враждебно проектъ Паисія, обвиняли даже патріарха Григорія въ излишней мягкости и въ измѣнѣ греческому дѣлу, вслѣдствіе которыхъ вопросъ доведенъ до такого развитія, и заставили его святѣйшество поклясться, что онъ никогда не допуститъ расширенія предѣловъ Болгарскаго экзархата за Балканы, чѣмъ болѣе и болѣе выясняли истинныя причины упорства, съ которымъ Греки, въ видахъ народныхъ, отказывались сдѣлать Болгарамъ просимыя уступки.

Видя взаимное раздраженіе сторонъ, графъ Игнатьевъ обратился къ россійскому Св. Синоду за указаніями, дабы Императорское посольство могло сообразно съ ними руководить двѣ спорящія стороны.

Св. Синодъ не нашелъ въ 1868 году возможнымъ дать просимыя указанія, такъ какъ хотя онъ, по его выраженію, «и слѣдитъ съ напряженнымъ вниманіемъ за развитіемъ прискорбной Греко-Болгарской распри, тѣмъ не менѣе не можетъ въ настоящее время принять въ ней какое либо участіе, признавая ее внутреннимъ вопросомъ самостоятельной Константинопольской церкви, въ дѣла коей не почитаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться, не получивъ на то приглашенія вселенскаго патріарха».

3-го октября 1868 года Порты, вынужденная появленіемъ близъ Дуная болгарскихъ четъ къ уступчивости, прислала патріарху два проекта рѣшенія вопроса при особомъ *тезкере*, въ которомъ указываетъ на невозможность продолженія распри,

на необходимость обезпечить Болгарамъ дарованныя всѣмъ подданнымъ султана права свободы совѣсти и, наконецъ, на то, что составленные проекты не касаются вовсе религіи, въ вопросы которой Порты, по принципу, никогда не вмѣшивается.

Первый проектъ заключался въ слѣдующемъ: 1) во всѣхъ мѣстностяхъ Оттоманской имперіи, гдѣ проживаютъ православныя Болгары, имъ предоставляется выбирать себѣ священниковъ, знающихъ ихъ языкъ, 2) въ митрополіяхъ, гдѣ большинство населенія составляютъ Болгары, митрополитъ будетъ Болгаринъ; такое же право предоставляется Грекамъ. Если же въ епархіи, гдѣ митрополитъ Болгаринъ, большинство жителей Греки, епископомъ назначается Грекъ, подчиняющійся митрополиту Болгарину, и обратно, 3) въ Константинополѣ будетъ засѣдать башъ-митрополитъ, который, вмѣстѣ съ своимъ синодомъ, будетъ имѣть попеченіе о духовныхъ нуждахъ Болгаръ, 4) митрополиты и епископы болгарскіе, избранные церковнымъ собраніемъ, назначаются султанскимъ бератомъ, 5) митрополиты и епископы болгарскіе избираются болгарскимъ синодомъ, но утверждаются патріархомъ, имя котораго они обязаны поминать на богослуженіи, 6) въ городахъ, гдѣ учреждены митрополіи и епископскія каѳедры, будутъ засѣдать тѣ, которые назначены духовными начальниками этихъ епархій. Болгары сохраняютъ право на всѣ церкви, гдѣ они теперь исключительно производятъ богослуженіе, а тѣ, гдѣ оно производится смѣшанно, переходятъ въ собственность Грековъ, Болгарамъ же предоставляется право строить новыя церкви, 7) синодъ обязанъ составить духовный регламентъ, который, по утвержденіи Портой, получить полную законную силу.

Второй проектъ разнится отъ перваго въ слѣдующемъ: 1) Болгарамъ предоставляется имѣть въ каждомъ вилайетѣ митрополита и въ каждомъ санджакѣ епископа, 2) такъ какъ все остается по прежнему и греческіе митрополиты и епископы сохраняютъ свои мѣста, то болгарскіе должны избрать себѣ города для пребыванія тамъ, гдѣ нѣтъ греческихъ епископовъ и

митрополитовъ, 3) Греки остаются подъ начальствомъ своихъ духовныхъ пастырей, которымъ и Болгары могутъ, если пожелаютъ, подчиниться; для назначенія въ санджакъ болгарскаго епископа требуется согласіе большинства жителей, 4) греческія митрополичьи и епископскія кафедръ остаются за ними.

Существенный и коренной недостатокъ обоихъ проектовъ Порты состоитъ въ томъ, что ими устанавливается совмѣстное и параллельное существованіе въ предѣлахъ одной и той же церковной области двухъ единовѣрныхъ, но взаимно другъ отъ друга независимыхъ церковныхъ властей. Вторымъ недостаткомъ проектовъ, это неопредѣленіе точнымъ образомъ границъ Болгарскаго экзархата. По канонамъ, никакая церковь и никакое церковное управленіе не существовало и не могутъ существовать безъ точно опредѣленныхъ границъ, точно также какъ немыслимо существованіе гражданской администраціи безъ предѣловъ географическихъ. Такимъ образомъ и предположенная Болгарская церковь неминуемо должна имѣть свои границы, а не можетъ распространять свою юрисдикцію на всѣхъ Болгаръ, разбросанныхъ по всей Оттоманской имперіи. Никогда ни одинъ патріархъ или епископъ не имѣлъ и не имѣетъ претензій на юрисдикцію по отношенію къ вѣрующимъ, хотя и соплеменнымъ и единовѣрнымъ, но обитающимъ внѣ его церковнаго округа. Слѣдовательно, точно также какъ Іерусалимскій патріархъ или митрополитъ Эфесскій или Кесарійскій не могутъ распространять своей юрисдикціи на вѣрующихъ ихъ епархій, живущихъ въ Константинополѣ, ни русскіе митрополиты на русскихъ, обитающихъ въ томъ же городѣ, или наконецъ Эллинскій синодъ на царьградскихъ Грековъ, точно такимъ же образомъ духовный глава Болгарской церкви не можетъ имѣть притязаній на подчиненіе его власти всѣхъ Болгаръ, въ какомъ бы уголкѣ Турціи они ни находились.

Опираясь на поддержку Турецкаго правительства, Болгары выпросили у него дозволеніе напечатать въ мѣстныхъ газетахъ какъ тезkere Порты, такъ и составленные ею проекты.

Выходка эта глубоко оскорбила патріарха, который, потерявъ прежнюю энергію и напуганный неистовыми воплями мірянъ, вознамѣрился созвать общее собраніе, въ которомъ, конечно, должны были восторжествовать крайнія мнѣнія нѣкоторыхъ лицъ, желавшихъ вынудить патріарха прибѣгнуть къ церковнымъ карамъ и произнести анаѹему на Болгаръ, нарушающихъ священные каноны. Это были первые признаки бури, разразившейся на Константинопольскомъ соборѣ 1872 г.

Находя въ проектахъ Порты отголосокъ требованій, на необходимости которыхъ посольство наше въ Константинополь не переставало настаивать предъ патріархатомъ, Греки приписали послѣднія мѣры Турецкаго правительства русскому вліянію, русскимъ внушеніямъ. Дѣйствительно, вполонинѣ октября 1868 года, графъ Игнатъевъ высказалъ мысль, въ послѣдствіи осуществившуюся, о неизбѣжности вмѣшательства гражданской власти, тѣмъ болѣе, что посольство наше въ Царьградѣ, лишенное указаній Св. Синода и предоставленное собственнымъ своимъ средствамъ, готово уже было тогда сознаться въ невозможности склонить спорящія стороны ко взаимнымъ, въ духѣ христіанскаго братолобія, уступкамъ. Впрочемъ, какъ послѣднее средство къ достиженію соглашенія, нашъ посоль напомнилъ патріарху совѣтъ, данный имъ еще въ 1866 г., чрезъ посредство Дерконскаго митрополита, а именно войти въ сношеніе съ единовѣрными церквами, дабы посредствомъ взаимнаго обмѣна мыслей сдѣлать возможнымъ созваніе вселенскаго собора.

Патріархъ съ радостью ухватился за эту мысль, являвшуюся единственною доскою спасенія, и созвалъ чрезвычайное собраніе высшаго духовенства и докторовъ богословія, поручивъ въ то же время своему синоду написать опроверженіе проектовъ Порты. Патріархія находила ихъ противорѣчащими не только канонамъ, но и самому существу христіанскаго вѣроисповѣданія, то есть догмату вѣры, и наносящими ему смертельную рану.

Болгарскіе архіереи не оставили мнѣнія вселенской патріархіи безъ возраженія: они доказывали, что стремленіе отдѣлиться

отъ Константинопольской церкви не нарушаетъ каноновъ, такъ какъ 28 правило IV вселенскаго собора признаетъ за патріархомъ Константинопольскимъ право назначенія и юрисдикціи лишь на однихъ архимитрополитовъ Азіи, Понта и Θракіи, предоставивъ назначеніе епископовъ на каѳедры, находящіяся въ епархіяхъ подчиненныхъ этимъ архимитрополитамъ, самимъ архимитрополитамъ съ ихъ синодомъ, составленнымъ изъ подвластныхъ имъ епархіальныхъ епископовъ. Что же касается до утвержденія каждаго изъ сказанныхъ архимитрополитовъ, то правило прибавляетъ, что оно будетъ производиться архіепископомъ Константинопольскимъ послѣ того, какъ выборъ этого лица будетъ сдѣланъ и сообщенъ сему послѣднему, сообразно съ церковными канонами и обычаями. На этомъ то правилѣ основаны церкви Сербская и Молдовалахская съ ихъ полунезависимыми архимитрополитами.

Затѣмъ, болгарскіе архіереи доказывали, что начало народности нисколько не противорѣчитъ церковнымъ правиламъ, такъ какъ съ глубокой древности были уже отдѣльныя церкви Эѳіоплянъ, Готовъ, Армянъ, Грузинъ, Скиѳовъ, Хазаръ, Русскихъ, Эллиновъ и пр., причемъ священники и епископы избирались по большинству голосовъ духовенствомъ и мірянами, какъ то говоритъ 6-ое правило I вселенскаго собора и 19-ое правило Антиохійскаго собора и, наконецъ, 34-ое апостольское правило выражается по этому случаю: «епископы каждаго народа должны имѣть начальникомъ перваго между ними».

Кромѣ того, Болгарскіе архіереи доказывали, что въ ихъ домогательствахъ нѣтъ ничего противодогматическаго, такъ какъ нѣтъ и рѣчи объ измѣненіи догматовъ или же даже просто церковныхъ обрядовъ; догматъ же единства церкви не заключается въ признаніи одной и единственной Константинопольской церкви, отъ которой они хотятъ отдѣлиться, но въ вѣрѣ во святую, вселенскую и апостольскую Церковь, глава которой самъ Іисусъ Христосъ.

Что же касается обращенія ихъ къ свѣтской власти, то ар-

хієреи объясняли его тѣмъ, что греко-болгарскій вопросъ не только духовный, но и политическій, такъ какъ епископамъ, кромѣ духовной власти, принадлежитъ еще власть судебная и административная.

Въ заключеніе болгарскіе архієреи утверждали, что образованіе отдѣльной самостоятельной Болгарской церкви можетъ быть даровано собственною властью вселенскаго патріарха, безъ вселенскаго собора, какъ то было при установленіи церковей Русской и Эллинской. Въ опроверженіи болгарскихъ архієреевъ замѣчательно то обстоятельство, что они не настаиваютъ на фактѣ уничтоженія въ 1767 году самостоятельной Болгарской церкви и тѣмъ доказываютъ, что они сами прекрасно знали, что церковь эта была лишь фиктивно болгарскою, а въ сущности чисто греческою.

Святѣйшій Григорій VI, рѣшивъ обмѣняться мыслями съ прочими самостоятельными церквами, обратился къ нимъ съ окружнымъ посланіемъ, гдѣ, излагая ходъ церковной распри и причины, препятствующія ему удовлетворить домогательства Болгаръ, нынѣ открыто поддерживаемыхъ Турецкимъ правительствомъ, указалъ на необходимость созванія вселенскаго собора.

Мысль о вселенскомъ соборѣ, какъ о крайнемъ средствѣ, какъ сказано уже выше, внушена была генераль-адъютантомъ Игнатьевымъ, который, со времени назначенія своего въ Константинополь, постоянно стремился установить близкія, частыя и, по возможности, непосредственныя сношенія между вселенскимъ патріархомъ, прочими іерархами Восточной Церкви и нашимъ Св. Синодомъ. Старанія его были не безуспѣшны, и мало по малу вошло въ обычай между восточными іерархами относиться къ Св. Синоду и спрашивать его совѣта и братскаго духовнаго пособія въ дѣлахъ, касающихся церкви. Такимъ образомъ, вселенскій патріархъ въ распрѣ своей съ молдовалахскою церковью обратился къ нашему Синоду и отвѣтъ имъ полученный окончательно убѣдилъ греческое духовенство въ пользу, которую Восточная церковь можетъ извлечь изъ тѣсныхъ сношеній и об-

мѣна мыслей съ Русскою. Точно также обратился къ нашему Синоду Григорій VI, когда послѣдовало приглашеніе отъ папы на римскій соборъ. Но самымъ рѣшительнымъ шагомъ патріарха было посланіе его по греко-болгарскому вопросу, въ которомъ онъ не только спрашиваетъ мнѣнія русской церкви по этому предмету, но и предлагаетъ собрать вселенскій соборъ всѣхъ православныхъ церквей, подчиняясь заранѣе рѣшеніямъ его.

Отвѣтъ нашего Синода, вынужденнаго, несмотря на все свое нежеланіе, категорически высказаться по поводу церковной распри, не удовлетворилъ ни Болгаръ, ни Грековъ. Напротивъ, онъ возбудилъ ожесточенную полемику въ обоихъ лагеряхъ и способствовалъ сильнѣйшему раздраженію сторонъ и къ увеличенію недовольства греческаго духовенства противъ насъ, тѣмъ болѣе, что и вообще характеръ отношеній восточныхъ іерарховъ къ намъ измѣнился. Проявленіе народныхъ стремленій, воскресившихъ заглохшія было въ лонѣ православной церкви различныя народности, заступничество наше въ пользу Болгаръ въ Болгаріи, Македоніи и Ѡракіи, Арабовъ въ Сиріи и Палестинѣ, Сербовъ въ Старой Сербіи и Босніи и разныя другія обстоятельства поселили въ Грекахъ недовѣріе къ намъ, замѣнившее прежнюю безусловную въ насъ вѣру. Подозрѣнія, возбужденныя предполагаемымъ въ насъ желаніемъ дать первенство на Балканскомъ полуостровѣ единокровному элементу надъ греческимъ, усердно и безпрестанно раздувались агентами запада, Турками и эллинскою печатью. Не надо забывать, что бѣольшая часть іерарховъ, получая свое образованіе въ Греціи и въ греческихъ школахъ, легко поддается вліянію греческой журналистики, а, потому, съ ужасомъ помышляетъ объ уничтоженіи греческаго элемента въ пользу славянскаго. Поэтому и неудивительно, что въ то время, какъ Болгары обвиняли Россійскій св. Синодъ въ пристрастіи къ фанаріотскимъ воззрѣніямъ, за то что онъ не одобряетъ самовольное отторженіе Болгаръ отъ патріархіи, въ то же время греческое духовенство смотрѣло на отвѣтъ св. Синода съ недо- вѣріемъ, какъ на слишкомъ благопріятный Болгарамъ, видя въ

немъ положительное намѣреніе содѣйствовать панславистскимъ замысламъ въ ущербъ греческимъ интересамъ на Балканскомъ полуостровѣ, и было недовольно мнѣніемъ св. Синода, что вселенскій патріархъ имѣетъ право собственною властью признать независимость Болгарской церкви.

Кромѣ того, Греки обвиняли насъ въ томъ, что мы желаемъ ввести въ церковь принципъ національностей, нападали на то, что мы ободряемъ вмѣшательство Порты въ церковныя дѣла, допуская обсужденіе фирмана, который наша церковь должна была-бы оставлять незамѣченнымъ.

Грамота св. Синода дѣйствительно благопріятна Болгарамъ. Признавая за вселенскимъ патріархомъ полное право дѣлать по своей доброй волѣ уступки Болгарамъ и даже признать независимость ихъ церкви «какъ призналъ нѣкогда независимость церкви Русской и Греческой», Синодъ прибавляетъ: «нѣкоторыя, если не всѣ, желанія Болгаръ, заявленныя предъ вселенскимъ патріархомъ, суть, конечно, желанія самыя естественныя, основательныя, законныя, и его святѣйшество призывается самымъ своимъ пастырскимъ долгомъ удовлетворять по возможности этимъ желаніямъ».

Вообще же, Россійскій св. Синодъ высказывается противъ вселенскаго собора, дабы не вызвать раскола, могущаго произойти, въ случаѣ если Болгары не подчинятся соборному постановленію.

Отвѣтное посланіе Сербскаго митрополита было кратко и отличалось простотой и спокойствіемъ. Митрополитъ Михаилъ высказываетъ вселенскому патріарху сожалѣніе, что въ дѣло Божеское замѣшались людскія страсти, и церковный вопросъ перешелъ на почву политическую. Что же касается до церковнаго управленія, то онъ полагаетъ, что оно можетъ видоизмѣняться согласно требованіямъ необходимости. Видя возможность утишить эту прискорбную распрю только путемъ прямого соглашенія сторонъ, митрополитъ высказывается за удовлетвореніе требованій Болгарскаго народа, желающаго имѣть пастырей «рожденныхъ среди его».

Не таковы были отвѣты восточныхъ патріарховъ, высказывающіе явное нерасположеніе къ Болгарамъ. Іерусалимскій патріархъ приписываетъ волненіе Болгаръ «соблазнамъ и обманамъ орудій сатаны и вѣрныхъ служителей мрака» и обѣщаетъ «сдѣлаться единокрушнымъ способникомъ къ устраненію изъ среды церкви недавно подползшей ехидны племенныхъ различій».

«Мы не потерпимъ», говоритъ, въ свою очередь, Антіохійскій патріархъ, «чтобы были устраняемы права и издревле переданныя намъ преимущества церкви». Въ томъ же духѣ составленъ былъ отвѣтъ Кипрскаго митрополита.

Аѳинскій синодъ въ своемъ посланіи считаетъ требованія Болгаръ не только противными церковнымъ законоположеніямъ, но и лишенными всякаго практическаго смысла. Отвѣтственность за всѣ раздоры, возникшіе въ великой церкви, Эллинскій синодъ возлагаетъ на преувеличенныя требованія Болгаръ. Признавая справедливымъ для Болгаръ употреблять въ церковныхъ службахъ славянскій языкъ, онъ сожалеетъ объ отвращеніи ихъ къ языку греческому, «царственному языку», которому они обязаны первоначальнымъ своимъ духовнымъ образованіемъ и на которомъ говорили и писали первые отцы церкви.

Россійскій св. Синодъ хотѣлъ было предварительно согласиться съ Эллинскимъ синодомъ, дабы отвѣты обоихъ на посланіе патріарха были по возможности тождественны, но когда объ этомъ было написано въ Аѳины нашему тамъ посланнику Новикову, то было поздно, такъ какъ отвѣтъ Аѳинскаго синода былъ уже отправленъ въ Константинополь.

Всѣ восточныя церкви высказались за собраніе вселенскаго собора, и такимъ образомъ ярко выступило разногласіе между греческими и славянскими церквами изъ за вопросовъ чисто народныхъ.

Легко представить себѣ впечатлѣніе, произведенное этими отвѣтами на Болгаръ; имъ не трудно было предвидѣть, въ какомъ смыслѣ рѣшилась бы ихъ распря на вселенскомъ соборѣ, созванномъ при такомъ настроеніи.

Порта, съ своей стороны, не желая собранія въ Константинополѣ вселенскаго собора, не переставала поддерживать домогательства Болгарь и внушала имъ подъ рукой, что она не прочь дать имъ фирманъ для учрежденія ихъ собственной церкви, лишь только епископы болгарскіе соберутся въ Константинополѣ и согласятся между собою насчетъ основъ будущаго церковнаго устройства.

Вслѣдствіе подобныхъ внушеній, крайняя болгарская партія вызываетъ въ Константинополѣ епископовъ, которые немедленно повинуются этому приглашенію. Простой народъ въ Болгаріи относится съ восторгомъ къ путешествію епископовъ, считая его предзнаменованіемъ скорого разрѣшенія вопроса, дѣлаетъ, между прочимъ, Софійскому митрополиту овацію при проѣздѣ его чрезъ Рушукъ и служитъ молебны за султана, какъ благодѣтеля болгарскаго народа.

Патріархъ вселенскій былъ глубоко опечаленъ самовольнымъ пріѣздомъ болгарскихъ епископовъ изъ своихъ епархій въ Царьградъ и считалъ его нарушеніемъ каноновъ и безпримѣрнымъ ослушаніемъ; онъ жалуется Портѣ и составляетъ окружное посланіе, читаемое по всѣмъ церквамъ Константинополя и объясняющее положеніе вопроса.

Болгарскіе епископы, прибывъ въ Константинополѣ, подали патріарху записку, въ которой объясняютъ, что положеніе дѣлъ въ Болгаріи невыносимо, что народъ давно уже не хочетъ признавать греческихъ епископовъ, посылаемыхъ вселенскимъ патріархатомъ и что, вслѣдствіе того, церкви лишены священниковъ, прихожане — таинствъ. Не ставя никакихъ новыхъ условій примиренія, епископы считаютъ раздѣленіе церквей фактомъ отнынѣ уже совершившимся и заявляютъ о невозможности для Болгарь помышлять о какомъ либо любовномъ соглашеніи со вселенскимъ престоломъ. Указавъ на бесполезность вселенскаго собора для рѣшенія распри, епископы въ заключеніе своей записки говорятъ, что они удаляются отъ служенія Константинопольскому престолу и возвращаются въ древнюю церковь Болгарскую, пра-

вославленную, каноническую и автокефальную, которую признаетъ весь болгарскій народъ и клиръ и которая была, есть и вѣчно будетъ въ духовномъ единеніи съ великою церковью.

Патріархъ возвратилъ прошеніе епископамъ съ выговоромъ и потребовалъ ихъ отъѣзда въ епархіи; въ то же время, хотя и крайне раздраженный Григорій VI, уступая совѣтамъ графа Игнатьева, грозилъ прибѣгнуть къ церковнымъ карамъ лишь въ послѣдней крайности.

Епископы не повиновались, однако, приказанію патріарха и, оставшись въ Константинополѣ, образовали изъ себя соборъ. Эти епископы были: Панаретъ Филиппопольскій, Паисій Пловдивскій, Анѳимъ Виддинскій, Дорофей Софійскій, Илларіонъ Ловчанскій и Илларіонъ Макаріупольскій.

Съ личностями Паисія Филиппопольскаго и Илларіона Макаріупольскаго мы уже знакомы. Обратимся теперь къ прочимъ духовнымъ сановникамъ, составившимъ изъ себя первый Болгарскій соборъ.

Преосвященный Панаретъ, родомъ изъ Битоли, кончилъ курсъ филологическихъ наукъ въ Аѳинскомъ университетѣ. Поставленный епископомъ, онъ, благодаря своему искусному притворству, считался Греками однимъ изъ преданнѣйшихъ вселенской патріархіи лицъ.

Преосвященный Дорофей — Болгаринъ изъ Копривщицы, самоучка, постриженный на Аѳонѣ, былъ за деньги рукоположенъ греческимъ Тырновскимъ митрополитомъ во Врачанскіе епископы и въ 1861 году ознаменовалъ себя ссорой съ своею паствой; въ началѣ 1863 года принялъ унію, но потомъ скоро раскаялся и возвратился въ православіе. Епископъ Дорофей считался преданнымъ Туркамъ и потому былъ очень нелюбимъ Болгарами; умеръ онъ затѣмъ въ Константинополѣ въ крайней бѣдности.

Илларіонъ, епископъ Ловчанскій, родомъ изъ Елены, былъ протосингеломъ Тырновскаго греческаго митрополита Мелетія и, по настоянію жителей города Ловчи, былъ за большія деньги поставленъ епископомъ этого города. Преосвященный Илларіонъ

былъ первымъ Болгарскимъ епископомъ, попавшимъ на Болгарскую епархію.

Наконецъ, будущій Болгарскій экзархъ Анѳимъ Виддинскій былъ уроженецъ города Кыркъ-клиссе (Лозенъ-града) и воспитывался сначала въ греческихъ училищахъ, затѣмъ уѣхалъ въ Россію, поступилъ въ Харьковскую семинарію, а потомъ въ Московскую Духовную Академію, гдѣ и кончилъ курсъ магистромъ. Въ 1857 году, вернувшись въ Константинополь, преосв. Анѳимъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ былъ іеромонахомъ при російскомъ посольствѣ, а затѣмъ профессоромъ церковной исторіи и русскаго языка въ Халкинской семинаріи. Поставленный въ 1860 году епископомъ Преславскимъ, преосв. Анѳимъ, посланный на ревизію Визійской епархіи, возвращаетъ въ 1862 году изъ уніи села Малый Тырновъ и Малый Самоковъ, гдѣ изъ 500 семействъ уніатовъ не возвратилось въ православіе только 35 или 40 семействъ. При этомъ преосв. Анѳимъ случайно избавился отъ убійства уніатами.

Затѣмъ, преосвященнаго послали на новую ревизію въ Кукушъ, гдѣ ему удалось оправдать Пароенія Полянинскаго, и въ 1865 году назначили ректоромъ Халкинской семинаріи, которую онъ и привелъ въ блестящее состояніе. Снова посланный на слѣдствіе въ Кесарійскую епархію, преосв. Анѳимъ, по возвращеніи своемъ, поставленъ былъ въ 1868 году въ митрополиты Виддинскіе; въ Виддинѣ онъ былъ принятъ очень холодно паствою, считавшею его другомъ патріархіи и измѣнникомъ народному дѣлу. Убѣдившись въ невозможности противиться народному движенію, преосв. Анѳимъ, по приглашенію главарей болгарской партіи, осенью 1868 года рѣшился открыто принять сторону народа и 6-го декабря 1868 года совершилъ литургію, не упомянувъ имени вселенскаго патріарха. Блаженный Анѳимъ обладалъ даромъ обаятельнаго краснорѣчія. Проповѣди его въ Константинополѣ производили потрясающее впечатлѣніе, и греческіе журналы того времени приравнивали его къ знаменитостямъ древняго міра и называли его новымъ Іоанномъ Златоустомъ.

Выше, впрочемъ, мы имѣли уже случай привести его Шумленскую рѣчь.

Положеніе дѣлъ становилось все болѣе натянутымъ.

Всю надежду свою Болгары полагали на Порту, которая, чтобы разжечь споръ, отдаетъ имъ документы, касающіеся уничтоженія Охридской и Ипекской каедръ.

Въ свою пользу Болгары выставляли главнымъ образомъ тотъ аргументъ, что, если султанъ Мустафа съ вѣдома и по просьбѣ патріарха Самуила имѣлъ въ 1767 году право измѣнить церковное устройство, установленное императоромъ Юстиніаномъ, то и султанъ Абдуль-Азизъ имѣетъ нынѣ такое же право возстановить прежній порядокъ вещей, не прибѣгая къ созванію вселенскаго собора, тѣмъ болѣе, что въ сущности греко-болгарская распря въ настоящее время вовсе не церковный вопросъ, а чисто народное дѣло, благопріятнымъ рѣшеніемъ котораго Болгары желаютъ стать въ уровень съ другими народностями предъ правительствомъ султана.

Оставивъ даже въ сторонѣ извѣстный уже намъ составъ іерархіи Охридской архіепископіи, не имѣвшей въ себѣ ничего болгарскаго, нельзя не замѣтить, что Болгары напрасно основываются на примѣрѣ султана Мустафы. Тогда, въ 1767 году, какъ самъ архіепископъ Охридскій, такъ и подчиненные ему епископы, сами просили о присоединеніи ихъ къ вселенской патріархіи. Болгары, правда, увѣряютъ, что эта просьба была вынужденною, но и это все таки не измѣняетъ сущности дѣла. Султанъ Мустафа, основываясь на письменномъ прошеніи архіепископа Арсенія, далъ лишь, въ своемъ качествѣ представителя гражданской власти, санкцію соглашенію, состоявшемуся непосредственно между Константинопольскою патріархіею и Охридскою архіепископіею. Между тѣмъ какъ въ настоящемъ случаѣ Болгары, не добившись никакого соглашенія съ вселенскимъ престоломъ, обращаются противъ воли сего послѣдняго къ свѣтской власти и требуютъ отъ султана Абдуль-Азиза, мусульманскаго государя, дарованія имъ національной церкви.

Болгары сами сознавали слабость своихъ доводовъ съ точки зрѣнія церковной, а потому-то и рѣшились откровенно высказать, что распря ихъ съ Греками имѣетъ характеръ исключительно народный, направленный къ воссозданію Болгаріи какъ отдѣльной національности. Въ виду такого оборота дѣлъ и усилившагося волненія между Болгарами, турецкое правительство, находившее одно время выгоднымъ для себя поддерживать и разжигать распрю, начало понимать опасность для себя такого образа дѣйствій и рѣшило подвергнуть вопросъ новому обсужденію въ смѣшанной комиссіи, составленной изъ свѣтскихъ трехъ Болгаръ и трехъ Грековъ, которой было поручено добиться какого либо соглашенія.

Работы комиссіи шли медленно; патріархъ отвергалъ ея значеніе какъ составленной не изъ духовенства и настаивалъ, чтобы болгарскіе епископы отправились, прежде всего, въ свои епархіи. Крайняя же болгарская партія настаивала не только на томъ, чтобъ епископы не удалялись изъ Константинополя, но чтобъ они совершили торжественное служеніе въ церкви, дабы тѣмъ ознаменовать свое отдѣленіе отъ вселенской патріархіи.

Недовольные ходомъ работъ комиссіи, болгарскіе представители, не ограничиваясь жалобой на нее въ Порту, стали просить иностраннаго содѣйствія и обратились къ великобританскому послу; они не продолжали дѣйствовать въ томъ же смыслѣ въ другихъ посольствахъ лишь потому, что это обращеніе весьма не понравилось Турецкому правительству.

Новое обстоятельство совершенно неожиданно усложнило вопросъ. Сербское регентство нашло нужнымъ поручить своему агенту въ Константинополѣ заявить права Сербіи на Ипекскій и Охридскій престолы, какъ принадлежавшіе нѣкогда Старой Сербіи, и настаивать на томъ, что, въ случаѣ отдѣленія ихъ отъ вселенскаго патріархата, право назначать епископовъ должно перейти къ сербскому митрополиту. Графу Игнатьеву стоило не мало труда убѣдить сербское правительство въ несвоевременности такихъ заявленій, которыя возбудили бы недовѣріе

Порты и повели бы, съ другой стороны, къ разрыву съ Болгарами.

Сознавая всю опасность направленія, принимаемаго распрей, посолъ нашъ употребилъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать окончательному разрыву. Предъ Болгарами онъ настаивалъ на необходимости, прежде всего, установить каноническое основаніе для церковнаго болгарскаго устройства. Это была необходимость первенствующая, вопросъ же о числѣ и пространствѣ епархій, которыя войдутъ въ составъ экзархата, имѣлъ уже второстепенную важность, такъ какъ онъ могъ измѣняться подъ вліяніемъ событій. Прочныя учрежденія основываются лишь постепенно, желать же достигнуть всего разомъ, значило бы дѣйствовать противно урокамъ исторіи. Что касается огреченія и католической пропаганды, то графъ Игнатъевъ старался разсѣять опасенія Болгаръ въ томъ, что оставшіяся въ рукахъ Грековъ болгарскія земли утратятъ свою народность; если до сихъ поръ Болгары могли противостоятъ вліяніямъ, которыхъ нынѣ такъ они опасаются, то нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ ихъ стойкости теперь, когда предъ ними будетъ новый свѣтъ надежды, который будетъ освѣщать ихъ путь и укрѣплять ихъ мужество.

Великому визирю посолъ нашъ поставлялъ на видъ крайнюю потребность достигнуть соглашенія сторонъ, такъ какъ, въ случаѣ разрыва, Портѣ грозило бы волненіе въ Болгаріи или необходимость созвать вселенскій соборъ.

Понимая справедливость этихъ доводовъ, Аали-паша принялъ личное предсѣдательство надъ смѣшанною комиссіей, и послѣ нѣсколькихъ засѣданій удалось наконецъ прійти къ соглашенію, первому послѣ многолѣтнихъ раздоровъ.

Выработаннымъ комиссіею проектомъ устанавливалось отдѣльное церковное управленіе; во главѣ его находится Болгарскій экзархъ — предсѣдатель Болгарскаго синода; онъ назначается бератомъ и поминаетъ при служеніи патріарха, который устраняется отъ всякаго вмѣшательства въ церковное управленіе. За

вселенскимъ патріархатомъ остается въ Варненской епархіи Варна, Месемврія, Анхіаль, Созополь, во Ѡракіи южная ея часть съ Адріанополемъ, въ Македоніи Солунь. Болгарамъ предоставляются Кукушъ, епархіи Водены, Моглены, Струмници и сѣверная часть епархіи Мельника. Городъ Битолія будетъ принадлежать патріархіи, окружающія его деревни съ городомъ Прилѣпомъ составятъ Болгарскую епархію. Велесъ, Скопія, Приштина, Самоковъ и Неврокопъ войдутъ въ предѣлы экзархата, точно также какъ и городъ Охрида. Фермы же Преспанской епархіи, окружающія Преспу, деревни, населенныя Куцовлахами, Сересъ и Драма будутъ продолжать оставаться подъ властью Константинопольскаго престола. Мѣстомъ засѣданій синода будетъ Тырново или Охрида.

Несмотря, однако, на всѣ старанія какъ нашего посла, такъ и греческаго посланника и членовъ комиссіи, патріархъ не согласился принять выработанный ею проектъ и представилъ свои возраженія, требуя нѣкоторыхъ измѣненій этого послѣдняго; протестуя противъ предположеннаго разграниченія, патріархъ, хотя и предоставляетъ Болгарамъ право свободнаго выбора, сообразно съ канонами, экзарха и митрополитовъ, но настаиваетъ на своемъ правѣ утверждать ихъ въ этомъ санѣ особою утвердительною грамотой. Берать для экзарха долженъ испрашиваться патріархомъ и немедленно сообщаться имъ экзарху, который, равно какъ и подчиненные ему митрополиты, поминаютъ на богослуженіи имя патріарха. Въ денежномъ отношеніи патріархъ тоже не сошелся съ заключеніями комиссіи: онъ желалъ получать съ Болгаръ 100,000 піастровъ ежегодной дани, а они предлагали лишь 30,000.

Что касается до возраженія патріарха противъ разграниченія, Аали-паша находилъ, что противодѣйствіе ему исходитъ не столько отъ самого патріарха, сколько отъ Грековъ мірянъ, которые боятся, чтобы граница, проведенная нынѣ между двумя церковными областями, не повліяла на политическія судьбы эллинизма, предполагая, что въ тотъ день когда настанетъ время

дѣлить наслѣдство имперіи Османа, Славяне воспользуются, чтобы захватить себѣ львиную долю.

Приверженцы идеи эллинизма, видящіе въ уступкахъ Болгарамъ измѣну будущему великому дѣлу Греціи, фанаріотское духовенство и католическая пропаганда удвоили свои происки, чтобы помѣшать патріарху войти въ какое нибудь соглашеніе съ Болгарами.

Французское же правительство уже тогда начало поддерживать стремленія эллинизма, дабы возстановить свое вліяніе на греческую народность и содѣйствовать въ то же время успѣхамъ уніи.

Послѣ бурнаго засѣданія, нѣкоторые изъ членовъ патріаршаго совѣта подали въ отставку подъ тѣмъ предлогомъ, что его святѣйшество сдѣлаетъ, по слабости своей, противоканоническія уступки Болгарамъ.

Утомленный борьбой и не видя себѣ поддержки въ окружающихъ его лицахъ, Григорій VI рѣшился самъ подать въ отставку, и лишь благодаря усиленнымъ стараніямъ Аали-паши и графа Игнатьева, опасавшихся, что при преемникѣ его церковное дѣло приметъ еще худшее направленіе, удалось уговорить его святѣйшество взять свою просьбу назадъ.

Разрѣшеніе вопроса не подвигалось, однако, нисколько; послѣ всѣхъ разнообразныхъ и одинаково неудачныхъ попытокъ достигнуть соглашенія сторонъ, оставалось еще одно средство, давно уже предвидѣнное нашимъ посломъ въ Константинополѣ, а именно—вмѣшательство Турецкаго правительства, но не какъ посредника, а съ цѣлью постановить свое рѣшеніе, равно обязательное для обѣихъ сторонъ. За невозможностью развязать узелъ, оставалось только разсѣчь его.

Порта тѣмъ болѣе склонялась къ такому образу дѣйствій, что, давая Болгарамъ фирманъ, она рѣшилась строго ограничить вытекающія изъ него преимущества исключительно церковною стороною дѣла, сохранивъ за собою все, что касается юрисдикціи гражданской и административной. Турецкое правительство пред-

полагало достигнуть этимъ нѣсколькихъ результатовъ разомъ: добиться централизаціи власти, отмѣны патріаршихъ преимуществъ и ослабленія вообще церковной власти и, въ то же время, дать удовлетвореніе, хотя и кажущееся, домогательствамъ Болгаръ. Но появленію фирмана, окончательная редакція котораго была готова уже въ сентябрѣ 1869 г., препятствовали происки греческаго духовенства и существовавшія еще опасенія турецкаго правительства, которому пришлось бы такимъ образомъ признать болгарскую народность. Сознавая все значеніе послѣдняго обстоятельства, великій визирь рѣшился, однако, покончить съ тягостнымъ греко-болгарскимъ вопросомъ и утвердить торжественнымъ актомъ постановленія комиссіи.

Посолъ нашъ находилъ въ то время, что хотя, конечно, прямое соглашеніе сторонъ было бы лучше, но такъ какъ этого соглашенія не предвидѣлось и во всякомъ случаѣ нельзя было бы обойтись безъ утвержденія правительства, то онъ и счелъ нужнымъ не только поддерживать Аали-пашу въ его намѣреніи, но и настаивать на возможно скоромъ обнародованіи фирмана. Многочисленные прошенія изъ Болгаріи, усиленно настаивающія на рѣшеніи вопроса, были тогда же поданы Аали-пашѣ, который, наконецъ, 28 февраля 1870 года вручаетъ фирманъ болгарскимъ выборнымъ.

V.

Фирманъ 1870 г., составляющій эпоху въ церковной греко-болгарской распрѣ, состоитъ изъ 11 пунктовъ.

1. Образуется особый церковный округъ подъ официальнымъ названіемъ Болгарскаго экзархата, въ составъ коего, вмѣстѣ съ нижепоименованными митрополіями и епископіями, входятъ нѣкоторыя другія мѣстности. Управление духовно-религіозными дѣлами этого округа будетъ вполнѣ представлено саму экзархату.

2. Старшій по сану изъ митрополитовъ этого округа будетъ

носить титулъ экзарха. Ему принадлежитъ право кононическаго предсѣдательства въ Болгарскомъ синодѣ.

3. Внутреннее духовное управленіе экзархатомъ будетъ определено, согласно съ основными канонами и религіозными постановленіями православной церкви, уставомъ, который будетъ представленъ на одобреніе и утвержденіе султанскаго правительства. Уставъ этотъ будетъ составленъ такъ, чтобы патріархъ не могъ ни прямо, ни косвенно вмѣшиваться въ духовныя дѣла и, въ особенности, въ избраніе епископовъ и экзарха. По избраніи экзарха, Болгарскій синодъ даетъ знать объ этомъ патріарху, который немедленно же даетъ требуемую утвердительную грамоту.

4. Экзархъ, назначаемый султанскимъ бератомъ, обязанъ будетъ, сообразно съ церковными правилами, поминать имя Константинопольскаго патріарха. Но прежде чѣмъ состоится избраніе экзарха, султанскому правительству должно быть представляемо то лицо, которое признано будетъ достойнымъ быть возведеннымъ въ этотъ санъ.

5. Экзархъ имѣетъ право по дѣламъ, касающимся подчиненныхъ его духовному управленію мѣстностей, сноситься непосредственно съ мѣстными властями и, въ случаѣ нужды, съ Портой. Особливо же бераты, даваемые духовнымъ лицамъ, принадлежащимъ его вѣденію, будутъ даваемы лишь съ его извѣщенія.

6. По дѣламъ, касающимся православнаго вѣроисповѣданія, требующимъ совмѣстнаго совѣщанія, Болгарскій синодъ относится ко вселенскому патріарху и его синоду; эти же послѣдніе должны давать ему просимую помощь и отвѣчать безъ замедленія на запросы, которые имъ будутъ предъявлены.

7. Св. муро Болгарскій синодъ будетъ брать отъ Константинопольскаго патріарха.

8. Епископы, архіепископы и митрополиты, подчиненные вселенскому патріарху, могутъ безпрепятственно проѣзжать чрезъ епархіи Болгарскаго экзархата, точно также какъ и болгарскіе епископы, архіепископы и митрополиты могутъ проѣзжать чрезъ епархіи Константинопольскаго патріархата; имъ дозволяется пре-

бывать въ главныхъ городахъ вилайетовъ и въ другихъ административныхъ центрахъ, но они не могутъ, внѣ своего духовнаго округа, созывать синодъ, ни вмѣшиваться въ дѣла христіанъ не принадлежащихъ ихъ духовному вѣденію, ни священнодѣйствовать безъ разрѣшенія епископа той мѣстности, гдѣ они находятся.

9. Подобно тому какъ Іерусалимское подворье, находящееся въ Фанарѣ, зависитъ отъ патріарха Іерусалимскаго, точно также Болгарское подворье и церковь, находящаяся въ той же мѣстности, будутъ зависѣть отъ экзарха Болгарскаго. Каждый разъ когда экзарху необходимо будетъ пріѣзжать въ Константинополь, ему дозволяется жить въ своемъ подворьѣ. Что же касается священнодѣйствій, которыя экзархъ можетъ совершать во время пребыванія своего въ столицѣ, то онъ подчиняется тѣмъ же самымъ церковнымъ правиламъ, которымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ подчиняются патріархи Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій.

10. Въ составъ Болгарскаго экзархата входятъ епархіи Руссукская, Силистрійская, Шумленская, Тырновская, Софійская, Врацкая, Тульчинская, Виддинская, Нишская, Шаркѣйская, Кюстендильская, Самаковская, Велесская, Филиппопольская, Сливенскій округъ и уѣздъ Созопольскій, за исключеніемъ около двадцати селъ Черноморскаго побережья, между Варной и Кюстендже, населенныхъ не Болгарами, за исключеніемъ городовъ Варны, Анхіалія, Месемвріи, Филиппополя и Станимаха съ деревнями Куклена, Водена, Арнауткѣй, Панагія, Ново-село, Лесково, Ахліянъ, Бачково, Бѣлаштица и монастырей Бачковскаго, Свв. Безсребренниковъ, Св. Параскевы и Св. Георгія. Приходъ Св. Богородицы, внутри Филиппополя, войдетъ въ составъ экзархата, но жителямъ этого прихода предоставляется не подчиняться, если того пожелаютъ, экзархату. Подробности касательно этого пункта будутъ опредѣлены по соглашенію между патріархіей и экзархатомъ и сообразно съ церковными и религіозными постановленіями. Сверхъ перечисленныхъ и поименован-

ныхъ выше мѣстностей, если жители другихъ мѣстъ, исповѣдующіе православную вѣру, пожелаютъ всѣ единогласно, или по крайней мѣрѣ двѣ трети обитателей, подчиниться Болгарскому экзархату и если, послѣ разслѣдованія, будетъ доказано, что это справедливо, просьба ихъ должна быть уважена. И такъ какъ подобное заявленіе должно быть сдѣлано всѣми обывателями или по крайней мѣрѣ двумя третями ихъ, то тѣ, которые будутъ пытаться посѣвать между жителями раздоръ, будутъ ответственны предъ закономъ.

11. Порядокъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ экзархата и по вѣроисповѣднымъ законамъ зависящихъ отъ патріарха, остается тотъ же самый и будетъ соблюдаться и впредь.

По содержанію своему фирманъ согласенъ съ измѣненнымъ патріархомъ постановленіемъ комиссіи и разнится отъ него слѣдующими положеніями: церковь св. Богородицы въ Филиппополѣ предоставляется экзархату, бераты выдаются прямо экзарху, помимо патріарха, имя патріарха поминается лишь экзархомъ, а не всѣми епископами а, наконецъ, самое главное, число епархій можетъ увеличиваться подачею голосовъ населенія.

Посолъ нашъ, способствовавшій изданію фирмана, видѣлъ въ немъ зародышъ будущей независимости Болгаръ, народность которыхъ впервые была признана оффиціально Портой и получила право отдѣльнаго существованія. Графъ Игнатевъ былъ убѣжденъ, что фирманъ принесъ огромную пользу въ практическомъ отношеніи, устранивъ нѣкоторыя затрудненія, казавшіяся безъисходными. Въ нашемъ посольствѣ радовались, что Турецкое правительство озаботилось прекращеніемъ раздора авторитетомъ свѣтской власти, принявъ на себя все бремя неблагоприятнаго труда и избавивъ насъ отъ нареканій и усиленія подозрительности западныхъ державъ, неминуемыхъ въ томъ случаѣ, если бы такое рѣшеніе состоялось нашими стараніями.

При всемъ томъ, мы никакъ не могли смотрѣть на изданіе фирмана какъ на окончательное и законное разрѣшеніе существующихъ между Греками и Болгарами церковныхъ несогла-

сій, тѣмъ болѣе что, съ одной стороны, сама Порта признавала за фирманомъ законную и обязательную силу лишь потому, что, по ея мнѣнію, онъ основывается на проектѣ самого патріарха, а съ другой, уважая независимость патріаршаго престола въ его дѣлахъ, мы не могли признать законности вмѣшательства мусульманской власти, не рискуя въ то же время своимъ собственнымъ достоинствомъ и вліяніемъ. Окончательное рѣшеніе вопроса могло быть достигнуто лишь примиреніемъ Грековъ съ Болгарами и каноническимъ установленіемъ будущихъ отношеній между вселенскою патріархіей и Болгарскимъ экзархатомъ.

Не такъ смотрѣли на вопросъ Болгары; они считали его уже разрѣшеннымъ окончательно, несмотря на явную несообразность существованія отдѣльной православной церкви, краеугольнымъ камнемъ которой служитъ распоряженіе свѣтской и, въ добавокъ, мусульманской власти, всегда могущей отобрать завтра то, что она даетъ сегодня. Напрасно русскій посолъ говорилъ имъ, что на фирманъ, обнародованный вопреки волѣ патріарха, нужно смотрѣть лишь какъ на одинъ изъ эпизодовъ борьбы, или какъ на точку отправленія новаго примирительнаго настроенія, долженствующаго соединить въ одно общее цѣлое всѣ христіанскія народности Оттоманской имперіи. Они не захотѣли обратить вниманія на слова, сказанныя маститымъ Московскимъ іерархомъ Филаретомъ, незадолго до своей кончины: «Болгары имѣютъ лишь упрямое желаніе, а понятія не пріобрѣли. Учредить новую независимую іерахію можно только съ благословенія законносуществующей іерархіи». Болгары стояли на своемъ, твердо вѣруя въ заключительныя слова дарованнаго имъ фирмана: «Les articles ci-dessus seront regardés dorénavant comme une règle de conduite qui ne sera pas enfreinte.» Послѣдующія событія не разъ показали, что Турецкое правительство мало обращало вниманія на это условіе и нѣсколько разъ собиралось измѣнить фирманъ, который Болгары считали непреложнымъ.

Вдобавокъ, предоставляя Болгарамъ права и преимущества, фирманъ обусловливалъ ихъ соблюденіемъ извѣстныхъ обязанностей, вытекающихъ изъ церковной зависимости экзархата отъ Константинопольской патріархіи, обязательствъ, опредѣленныхъ статьями 3, 4, 6, 7 и 9, исполнить которыя безъ соглашенія съ патріархіей является дѣломъ немислимымъ.

По моему мнѣнію, въ ту минуту когда Порта давала фирманъ, она далека была отъ мысли искренно примирить обѣ враждующія народности: напротивъ, давая Болгарамъ видимое удовлетвореніе 10-ю статьею фирмана, она сдѣлала изъ нея именно Пароянскую стрѣлу. Дѣйствительно, включая въ эту статью условіе о подачѣ голосовъ по крайней мѣрѣ двумя третями обитателей и зная всю трудность провѣрки и практическаго примѣненія этой мѣры, Порта широко открыла двери для раздора между Болгарами и Греками и посѣяла между ними сѣмяна всяческихъ несогласій, которыя скоро взошли и разрослись такимъ пышнымъ цвѣтомъ, оправдавъ коварные расчеты Турецкаго правительства.

Между тѣмъ Греки не теряли времени: составивъ особый комитетъ, дабы доставить своимъ дѣйствіямъ болѣе единства, они отправили выборныхъ къ иностраннымъ представителямъ съ цѣлью показать имъ пагубныя послѣдствія фирмана, плодами которыхъ воспользуется лишь одна Россія. Но, за исключеніемъ англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, весь дипломатическій корпусъ принялъ эти откровенія очень холодно и продолжалъ благопріятно относиться къ Болгарамъ. Въ то же время греческая печать усиливаетъ свои крики, развивая мысли, проповѣдуемая, впрочемъ, съ 1868 года, что не слѣдуетъ болѣе разсчитывать на Россію и что лишь искренній союзъ съ Турціей можетъ обезпечить будущность эллинской народности.

Умѣренная партія въ Фанарѣ была заглушена, и наскоро составленное патріархомъ собраніе отправляетъ въ Порту протестъ противъ фирмана, какъ нарушающаго преимущества вселенскаго престола, и указываетъ на попираемые фирманомъ

права православной церкви и на противозаконное вмешательство государства въ область вѣры. Ссылаясь затѣмъ на свои церковныя обязанности, Григорій VI отказывается принять на свою отвѣтственность постановленное Портой рѣшеніе вопроса и требуетъ созванія вселенскаго собора.

Великій визирь въ своемъ отвѣтѣ на это посланіе указалъ на то, что фирманъ основанъ на уступкахъ, на которыя согласился самъ патріархъ, что Порта нисколько не желаетъ вмешиваться въ дѣла церкви и оставалась постоянно внѣ религіозныхъ препирательствъ, но что первый долгъ каждаго правительства охранять спокойствіе и безопасность управляемыхъ имъ народностей и стараться устранять обстоятельства, могущія смущать народныя массы. Потому-то Порта не можетъ оставаться пассивною и безучастною зрительницей нынѣшняго положенія дѣлъ, угрожающаго правамъ и спокойствію большаго числа ея подданныхъ. Статья же 10-я была вызвана постоянными жалобами, получаемыми правительствомъ касательно притѣсненій Болгаръ греческимъ духовенствомъ.

Въ заключеніе Аали-паша прибавляетъ, что Турецкое правительство не считаетъ возможнымъ согласиться на созваніе вселенскаго собора, но готово на нѣкоторыя измѣненія въ фирманѣ, особенно въ 10-й статьѣ, которую Аали-паша признаетъ главнымъ камнемъ преткновенія.

Это послѣднее обстоятельство говоритъ само за себя; оно показываетъ непрочность акта, принятаго Болгарами за основное правительственное постановленіе, и указываетъ имъ на необходимость достигнуть во что бы то ни стало освященія этого акта согласіемъ патріарха, безъ чего вопросъ не можетъ считаться оконченнымъ. Графъ Игнатъевъ не оставилъ призвать на это обстоятельство серьезное вниманіе болгарскихъ епископовъ, доказавъ необходимость для новой церкви канонической санкціи вселенскаго престола.

Греческій посланникъ въ Константинополѣ дѣйствовалъ съ своей стороны на Грековъ умѣряющимъ образомъ; но его стали

обвинять въ слѣпомъ послушаніи русскому посольству, и вліяніе крайней партіи въ Фанарѣ все болѣе усиливается, несмотря на то, что большинство синода желало бы примиренія. Крайніе всѣ свои надежды полагали на происходившія тогда попытки сближенія между православною и англиканскою церквами, для чего въ Англію былъ посланъ Ликургъ, архіепископъ Сирскій, во всеуслышаніе объявлявшій, что въ союзѣ съ англиканскою церковью онъ видитъ лучшій оплотъ противъ панславизма. Константинопольскіе Греки предполагали даже, что англійскій посолъ Элліотъ возьметъ на себя защиту поруганныхъ правъ Великой церкви.

Григорій VI, все болѣе и болѣе подпадающій вліянію крайней партіи славянофобовъ, при свиданіи своемъ съ графомъ Игнатьевымъ нападаетъ на Порту, горько сожалеетъ о своихъ уступкахъ 1867 года, на которыхъ Порта основала свой фирманъ, и единственнымъ средствомъ разрѣшенія вопроса считаетъ вселенскій соборъ. Посолъ нашъ, оспаривая это мнѣніе, совѣтовалъ войти въ прямое соглашеніе съ Болгарами, хотя бы даже для того, чтобъ уничтожить значеніе фирмана, столь оскорбившаго его святѣйшество; соглашеніе это, котораго добиться слѣдуетъ во что бы то ни стало, наполнило бы, по его выраженію, радостью весь православный міръ, къ великому посрамленію его враговъ.

Вслѣдствіе стараній русскаго посла, четыре болгарскіе представителя имѣли свиданіе съ патріархомъ, упрашивали положить конецъ нынѣшнимъ затрудненіямъ компромиссомъ, основаннымъ на фирманѣ, и умоляли о прощеніи своихъ епископовъ.

Григорій VI отвѣтилъ имъ, что онъ удивленъ, слыша слова «болгарскій представитель», «болгарская нація», такъ какъ церковь не признаетъ племенныхъ различій. Чтобы получить свое прощеніе, болгарскіе епископы должны изъяснить раскаяніе; что же касается до существующей распри вообще, то его святѣйшество полагаетъ, что онъ сдѣлалъ всѣ уступки, сообразныя съ достоинствомъ Великой церкви и съ истинными выгодами са-

михъ Болгаръ. Если же они желаютъ еще большаго, то имъ слѣдуетъ обратиться ко вселенскому собору, котораго онъ искренно желаетъ.

Недовольные отвѣтомъ патріарха, Болгары удалились, произнеся текстъ Евангелія: «не отвергай просящаго». Ихъ епископы, проживающіе въ Константинополѣ, занялись выработкой устава Болгарской церкви и, несмотря на честолюбивые происки Иларіона Макаріупольскаго, болгарское общее собраніе утвердило синодальное устройство церкви и экзарху предоставило весьма ограниченныя права предсѣдателя синода, составленнаго изъ пяти архіереевъ. Экзархъ отличается отъ другихъ членовъ синода лишь тѣмъ, что онъ будетъ старшимъ при церковномъ служеніи и тѣмъ, что онъ находится въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ правительствомъ. Духовные, вмѣстѣ со свѣтскими представителями, присылаемыми по-двое отъ каждой епархіи, избираютъ трехъ кандидатовъ изъ всѣхъ болгарскихъ архіереевъ и представляютъ ихъ Портѣ, которая утверждаетъ одного изъ нихъ экзархомъ. Экзархъ избирается на пять лѣтъ. Синодъ рукополагаетъ архіереевъ, выбирая одного изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ епархіей. Священниковъ избираютъ общины: они должны быть не моложе 25 лѣтъ. Экзархъ носитъ титулъ экзарха всея Болгаріи и на богослуженіи поминаетъ Константинопольскаго патріарха и Болгарскій синодъ; остальные архіереи—только синодъ, а викаріи и священники своихъ епархіальныхъ архіереевъ. Всякая епархія вноситъ ежегодно въ кассу синода отъ 50 до 100 турецкихъ лиръ на расходы. Архіереи имѣютъ отъ своихъ епархій опредѣленное жалованье. Синодъ судить провинившагося экзарха, а послѣдній вмѣстѣ съ синодомъ—архіереевъ.

Въ то же время болгарскіе епископы обратились съ посланіемъ къ самостоятельнымъ православнымъ церквамъ, говоря, что причиной всѣхъ теперешнихъ бѣдствій послужило уничтоженіе съ корыстными цѣлями независимыхъ болгарскихъ архіепископствъ Охридскаго и Инексаго. Россійскій Св. Синодъ

оставилъ, однако, посланіе это безъ разсмотрѣнія, основываясь на томъ, что Болгарская церковь состоитъ доселѣ въ канонической зависимости отъ патріарха Константинопольскаго и что непосредственныя сношенія Св. Синода съ болгарскими епископами, какъ представителями церкви, на отдѣленіе коей отъ патріарха соизволенія послѣдняго еще не послѣдовало, а равно и обсужденіе Св. Синодомъ дѣйствій упомянутыхъ епископовъ безъ предложенія о семъ со стороны патріарха, коему они въ іерархическомъ порядкѣ подчинены, — были бы противны каноническимъ правиламъ.

Все болѣе и болѣе недовольный положеніемъ дѣлъ и отношеніемъ къ нему Турецкаго правительства, патріархъ объявляетъ вторично свое рѣшеніе оставить престолъ, предоставляя Портѣ выборъ между его отставкой и согласіемъ на созваніе вселенскаго собора, который, въ случаѣ крайности, могъ бы быть замѣненъ соборомъ помѣстнымъ, составленнымъ изъ патріарховъ и высшаго духовенства находящихся въ Турціи и который могъ бы быть созванъ въ Константинополь или въ другомъ какомъ либо городѣ.

Вынужденный дать Болгарамъ фирманъ, Аали-паша началъ беспокоиться относительно политическихъ послѣдствій этого документа, оффиціально создавшаго отдѣльную болгарскую народность, тѣмъ болѣе, что въ совѣтѣ министровъ начинаются нападки на Аали-пашу, котораго старые турецкіе министры упрекаютъ въ непоправимой ошибкѣ.

Встревоженный великій визирь прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ къ обыкновенному средству турецкой администраціи, а именно, сталъ стараться затормозить дѣло, которому только что предъ тѣмъ онъ благопріятствовалъ, и дѣлаясь болѣе дружелюбно настроеннымъ къ Грекамъ, онъ отказался принять отставку патріарха.

Григорій VI между тѣмъ обращается къ графу Игнатьеву и къ греческому посланнику и проситъ ихъ содѣйствія, чтобы Порта не противилась созванію вселенскаго собора.

Въ то же время русскій посоль вънушилъ еще мысль, что быть можетъ было бы весьма полезно, еслибъ автокефальныя православныя церкви согласились между собою прислать въ Константинополь апокрисіаріевъ съ письменными отвѣтами на запросы патріарха: этимъ способомъ охранена была бы власть церкви и избѣгнуты неудобства, неизбѣжныя при созваніи вселенскаго собора. Хотя патріархъ высказался противъ этой мѣры, считая недостойнымъ прибѣгать къ замаскированному собору и добиваться окольнымъ путемъ того, на что она имѣетъ неоспоримое право, тѣмъ не менѣе нашъ посоль полагалъ, что его святѣйшество, убѣдившись, что это единственный путь къ выходу изъ безчисленныхъ затрудненій, согласится на означенную мѣру, если предложеніе по этому предмету будетъ сдѣлано отъ имени русскаго Св. Синода.

Болгарскіе представители отнеслись сочувственно къ вопросу о присылкѣ апокрисіаріевъ, заявляя, что они готовы принять всякій компромиссъ, который будемъ имъ предложенъ русскимъ Св. Синодомъ. Предложеніе русскаго посла осталось однако безъ практическихъ послѣдствій, такъ какъ нашъ Св. Синодъ усумнился, чтобы лицо, посланное имъ съ цѣлью умиротворенія и соглашенія Константинопольской церкви съ Болгарскою, могло имѣть дѣйствительное значеніе предъ Константинопольскимъ патріархомъ, который, вдобавокъ и безъ того уже враждебно относится къ посылкѣ апокрисіаріевъ. Что же касается до вселенскаго собора, то Св. Синодъ отозвался, что созваніе его не только неудобно, но за состоявшимся фирманомъ Порты даже совершенно невозможно, такъ какъ «фирманомъ этимъ Болгарскій вопросъ уже разрѣшился фактически, хотя, къ глубокому прискорбію, и не каноническимъ порядкомъ».

Григорій VI продолжалъ настаивать на своей отставкѣ, доказывая невозможность для него признать церковь, противоканонически установленную одною свѣтскою властью и не имѣющую опредѣленныхъ географическихъ границъ. Оставляя престолъ при анархіи, Григорій хотѣлъ поставить въ затрудненіе Порту,

Болгаръ и Россію и вывести эту послѣднюю изъ ея пассивнаго и безучастнаго отношенія. Въ своемъ разговорѣ съ нашимъ посломъ патріархъ, выставляя на видъ необходимость вселенскаго собора, на созваніе котораго согласились уже всѣ церкви за исключеніемъ русской, прибавилъ, что теперь нужно разрѣшить вопросъ не греко-болгарскій, но гораздо болѣе важный, вопросъ о принципѣ, на основаніи котораго церковь должна быть совершенно независима отъ турецкой власти, которая постоянно старается отобрать отъ нея одно преимущество за другимъ. Св. Григорій закончилъ свой разговоръ словами: «я не могу потерпѣть, чтобы фирманъ, исходящій отъ политической мусульманской власти, опредѣлялъ духовныя отношенія между мною и частью моей паствы».

Въ то же время святѣйшій Григорій послалъ новое окружное посланіе къ россійскому Св. Синоду, гдѣ онъ объясняетъ, почему онъ настаиваетъ на соборѣ или отставкѣ.

Въ виду упорства патріарха, Турецкое правительство не прочь было бы согласиться на его отставку, но не желая, однако, спѣшить рѣшеніемъ этого дѣла, Аали-паша обратился къ св. Григорію съ вопросами объ основаніяхъ и предѣлахъ предлагаемаго имъ вселенскаго собора, подавая тѣмъ какъ бы надежду на согласіе. Патріархъ отвѣтилъ, что соборъ займется разсмотрѣніемъ болгарскихъ домогательствъ и уступокъ, сдѣланныхъ Великою церковью, и постановитъ по этому предмету свое окончательное, безапелляціонное рѣшеніе.

Греческое духовенство и вообще Греки ухватились за мысль о соборѣ. Иначе думали Болгары, епископы которыхъ подали Портѣ прошеніе, въ коемъ, указывая на значеніе фирмана, даровавшаго Болгарскому народу право, указываютъ на непрерывныя возраженія патріарха и на усилія его уничтожить значеніе этого документа перенесеніемъ спора на вселенскій соборъ, большинство будущихъ членовъ котораго уже отнеслось враждебно къ требованіямъ Болгаръ. Въ заключеніе болгарскіе епископы просятъ великаго визиря объ исполненіи постановле-

ній фирмана, высказывая готовность войти въ соглашеніе съ патріархіей на основаніяхъ, заключающихся въ этомъ правительственномъ актѣ.

Между тѣмъ, стали получаться отвѣты на окружное посланіе патріарха отъ 30 сентября 1870 г. Аѳинскій синодъ снова признаетъ неотложность вселенскаго собора и заранѣе высказывается противъ болгарскихъ притязаній, называя ихъ заблужденіями. Антіохійскій и Іерусалимскій патріархи отвѣтили въ томъ же смыслѣ, осуждая принципъ національностей въ церковныхъ дѣлахъ. Сербская церковь, какъ и прежде, высказывается противъ собора и не видитъ другой возможности справедливаго рѣшенія спора, какъ починъ самой Великой церкви.

Россійскій Св. Синодъ въ отвѣтномъ посланіи своемъ «со всею откровенностью, хотя и со скорбію въ сердцѣ», высказалъ что не можетъ согласиться съ мыслию, будто бы для рѣшенія вопроса необходимо созваніе вселенскаго собора, которые могутъ быть созываемы лишь по дѣламъ, касающимся вселенской вѣры и церкви, чего нѣтъ въ настоящемъ случаѣ. Греко-болгарскій вопросъ, какъ это уже объяснено было въ первомъ посланіи Св. Синода, относится исключительно къ церковному управленію и касается одной мѣстной Константинопольской церкви, которая и можетъ его рѣшить одна, своею властью или помѣстнымъ соборомъ, какъ это было сдѣлано для образованія церкви русской и эллинской. Въ настоящее время собраніе собора тѣмъ болѣе излишне, что всѣ частныя греческія православныя церкви въ своихъ отвѣтныхъ посланіяхъ патріарху Константинопольскому какъ бы предрѣшили вопросъ, прямо высказавшись противъ Болгаръ. Такъ какъ, по всей вѣроятности, церкви не откажутся отъ своихъ мнѣній и на соборѣ, то этомъ послѣдній, не порѣшивъ окончательно ничего, могъ бы представить только печальное зрѣлище открытаго разногласія, если не раздѣленія между церквами греческими и славянскими и послужить соблазномъ для всего христіанскаго міра, православнаго и неправославнаго. Задача собора еще болѣе усложняется вслѣдствіе существованія султанскаго фирмана по

Греко-болгарскому вопросу. Въ случаѣ соборнаго постановленія несогласнаго съ фирманомъ, Порты можетъ не принять его и не допустить исполненія его между своими подданными. Посланіе заключается выдержкой изъ многихъ статей фирмана и разборомъ разностей между условіями соглашенія, предлагаемыми Греками и Болгарами, помощью которыхъ оно доказываетъ, что Болгары вовсе не хотятъ отдѣляться отъ вселенской церкви и потому несправедливо подвергать ихъ отлученію и называть раскольниками.

Убѣдившись въ безуспѣшности своихъ стараній, Болгары оставили попытки къ примиренію и стали собирать въ Константинополь своихъ депутатовъ. Болгарское собраніе было открыто 23 февраля и избрало четырехъ кандидатовъ на санъ экзарха: Иларіона Ловчанскаго, Иларіона Макаріупольскаго, Панарета Филиппопольскаго и Аноима Виддинскаго; что же касается Паисія Филиппопольскаго, то онъ отказался самъ, въ виду своего греческаго происхожденія.

Недовольный положеніемъ дѣлъ и раздосадованный неудачей сближенія съ Англиканскою церковью, на которое Греки такъ рассчитывали, вселенскій патріархъ, огорченный къ тому же отвѣтомъ нашего Св. Синода, вторично настаиваетъ или на своей отставкѣ или на созваніи собора и рѣшительнымъ письмомъ требуетъ отвѣта Порты въ пятнадцатидневный срокъ.

Аали-паша сильно оскорбился этимъ категорическимъ требованіемъ и если тотчасъ же не принялъ отставки Григорія VI, то лишь благодаря внушеніямъ графа Игнатьева, который совѣтовалъ удержать его святѣйшество, чтобы не сдѣлать его въ глазахъ греческаго общества мученикомъ и не помѣшать уступкамъ его преемника. Новые переговоры, начатые между свѣтскими лицами, выбранными Греками и Болгарами, были безуспѣшны, несмотря на завѣренія Аали-паши, что если невозможно придти къ соглашенію на почвѣ даннаго уже фирмана, то онъ готовъ дать второй дополнительный фирманъ, который узаконилъ бы состоявшееся соглашеніе.

Между тѣмъ Болгары, выработавъ свой церковный уставъ и передавъ его на утвержденіе Порты, просили дозволить имъ приступить къ избранію экзарха.

Наконецъ отставка Григорія VI была принята, и онъ покинулъ дважды занимаемый имъ престолъ. Такъ какъ отнынѣ его святѣйшество до самой своей смерти въ 1881 году, уже болѣе не игралъ выдающейся роли, оставаясь въ тѣни, то не лишне сказать нѣсколько словъ объ этой свѣтлой личности, оставившей столь глубокіе слѣды въ занимающемъ насъ вопросѣ.

Григорій VI родился 25 марта 1798 года, въ деревнѣ Фанараки, находящейся близъ входа въ Босфоръ. Воспитанный въ школѣ въ Терапіи и посвященный въ діакона въ 1809 г., онъ заслужилъ, благодаря своимъ выдающимся качествамъ, довѣріе митрополита Дерконскаго, сдѣлавшагося его покровителемъ. По смерти этого архіерея и послѣ трехлѣтняго удаленія отъ дѣлъ, Григорій VI нашелъ себѣ новаго покровителя въ лицѣ патріарха Хрисанѳа и былъ послѣдовательно назначаемъ архидіакономъ, великимъ патріаршимъ викаріемъ, архіепископомъ, митрополитомъ Пелагонійскимъ въ 1825 и Сересскимъ въ 1833 г.

Въ 1835 году Григорій былъ, наконецъ, выбранъ патріархомъ и занималъ престолъ въ теченіе пяти лѣтъ. Его святѣйшество вынужденъ былъ подать въ отставку подъ давленіемъ Англійскаго правительства, неудовольствіе котораго онъ вызвалъ, защищая права Константинопольскаго патріархата на церковь Іоническихъ острововъ и противодѣйствуя вообще протестантской пропагандѣ на Востокѣ. Англійскіе миссіонеры въ началѣ нынѣшняго столѣтія начали переводить Священное Писаніе на разговорный греческій языкъ и раздавать свои изданія православнымъ Турціи. Когда же открылась истинная цѣль этого перевода и когда, посредствомъ его, протестантскіе миссіонеры стали практиковать самый необузданный прозелитизмъ въ массахъ православнаго населенія на Востокѣ, то патріархъ Григорій VI нашелъ вынужденнымъ анаѳематствовать и англиканскія бібліи и даровое ученіе, распространяемое на Востокѣ протестантскими

миссіонерами. Недовольная такимъ распоряженіемъ св. Григорія, Англиканская церковь подготовила его низложеніе въ 1841 году, точь въ точь какъ въ былое время католическая церковь подготавливала незаконныя низложенія неудобныхъ для нея патріарховъ.

Призванный въ 1867 году вторично на Константинопольскій престолъ, Григорій VI, потерпѣвъ неудачу въ устройствѣ Греко-болгарскаго вопроса, въ 1871 году покинулъ престолъ и удалился на покой.

Долголѣтнее служеніе святѣйшаго Григорія носить на себѣ отпечатокъ возвышеннаго характера и ума болѣе широкаго и болѣе свободнаго отъ кастовыхъ предразсудковъ, чѣмъ мы привыкли, къ несчастію, встрѣчать въ рядахъ высшаго греческаго духовенства.

Понимая невозможность бороться съ наступающею волной національностей, Григорій VI проектомъ своимъ хотѣлъ дать правильный выходъ этому движенію и, сознавая всю политическую важность домогательствъ Болгаръ и вліяніе, которое они имѣютъ для будущности эллинизма, хотѣлъ малыми уступками, сдѣланными во время, предотвратить требованіе бѣльшихъ въ будущемъ. Увидя же, что Болгары не хотятъ довольствоваться малымъ и своими притязаніями предъявляютъ политическія права на Македонію, Григорій, какъ истый Грекъ, остался вѣренъ великой идеѣ и своимъ упорствомъ сдѣлалъ невозможнымъ соглашеніе между Греками и Болгарами. Въ послѣднее время своего пребыванія на патріаршемъ престолѣ Григорій былъ простымъ орудіемъ въ рукахъ интригановъ, враждебныхъ Славянамъ, и потому то, когда онъ палъ, греческое общественное мнѣніе смотрѣло на него какъ на послѣдняго бойца за правое дѣло, павшаго, мужественно сражаясь противъ наступающихъ волнъ Славянства.

VI.

Всѣ понимали насколько былъ важенъ вопросъ: кто замѣнить Григорія на Константинопольскомъ престолѣ, и потому отнеслись съ большою осторожностью къ выбору новаго патріарха. Графъ Игнатевъ благопріятствовалъ кандидатурѣ 82 лѣтняго старца Анѳима, бывшаго еще со временъ Крымской войны русскимъ кандидатомъ на патріаршій престолъ, и когда Анѳимъ далъ положительныя обѣщанія привести греко-болгарскую распрю ко взаимному и справедливому соглашенію обѣихъ народностей, онъ былъ выбранъ вселенскимъ патріархомъ.

По совѣту графа Игнатьева, болгарская депутація съ Иларіономъ Макаріупольскимъ и Чомаковымъ во главѣ, идетъ съ поздравленіями къ новому патріарху, который обнимаетъ Иларіона, сваливаетъ всю вину на своего предшественника и, объявивъ, что у него уже готовъ проектъ рѣшенія вопроса, приглашаетъ Болгаръ на общее собраніе. Приглашеніе это Болгары, впрочемъ, отклонили, выразивъ мысль, что предварительно слѣдуетъ сговориться объ основаніяхъ окончательнаго соглашенія.

Начало дѣятельности святѣйшаго Анѳима доказываетъ, насколько искренно желалъ онъ сдержать свои обѣщанія и добиться умиротворенія. Въ первой рѣчи, сказанной имъ въ Фанарѣ греческому народному собранію, патріархъ проповѣдуетъ примиреніе и, снова осуждая своихъ предшественниковъ, высказывается противъ созванія вселенскаго собора. Затѣмъ его святѣйшество удаляетъ изъ Константинополя враждебныхъ Болгарамъ митрополитовъ Дерконскаго, Кизикскаго и Клеовула Кесарійскаго, посѣщаетъ въ Ортакеѣ епископовъ, чѣмъ передаетъ забвенію ихъ осужденіе, посылаетъ двухъ епископовъ къ больному Паисію Филиппопольскому и проситъ нашего содѣйствія и совѣта. Посылая свой, согласный съ общими основаніями фирмана, проектъ нашему Святѣйшему Синоду, патріархъ объявляетъ, что онъ готовъ сообразоваться въ точности съ тѣми указаніями,

кои признано будетъ нужнымъ передать ему конфиденціальнымъ путемъ въ видахъ успѣшнѣйшаго разрѣшенія церковнаго вопроса.

Къ сожалѣнію, Болгары, видя уступчивость патріарха и дурно оцѣняя ее, стали увеличивать свои требованія и представили патріарху, по его желанію, списокъ требуемыхъ ими для экзархата 35 епархій,—простирающихся до самыхъ почти воротъ Царьграда и охватывающихъ три четверти Македоніи,—и, несмотря на просьбу русскаго посла не обращаться пока въ Порту, Болгары отправились къ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ просить объ утвержденіи устава.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1871 года между патріархатомъ и Болгарами устанавливается соглашеніе по всѣмъ пунктамъ за исключеніемъ разграниченія епархій. Анѳимъ представляетъ свой проектъ въ Порту, которая хотя и считаетъ вопросъ уже разрѣшеннымъ фирманомъ, но готова измѣнить 10-ю его статью, если по этому поводу установится непосредственное соглашеніе обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Порта дѣйствуетъ примирительно, понимая, что дальнѣйшее продолженіе раздора послужитъ причиной затрудненій, вызвавъ и усиливъ народныя стремленія къ вреду Оттоманской имперіи.

Патріархъ, между тѣмъ, сообщаетъ Болгарамъ свой списокъ уступаемыхъ епархій. Увидя, что всѣ онѣ находятся исключительно въ Болгаріи, представители болгарскіе отказываются вести переговоры на подобномъ основаніи.

При свиданіи своемъ съ графомъ Игнатьевымъ, патріархъ не скрылъ, что онъ отчаявается въ успѣхѣ дѣла, такъ какъ де у него просятъ невозможнаго и онъ вынужденъ будетъ подать въ отставку и оставить преемнику менѣе уступчивому дѣло, которое должно было увѣнчать послѣдніе дни его жизни.

Посоль не надѣялся на успѣхъ; онъ сознавалъ, что Болгары, повидимому, не оцѣняютъ достаточно всю трудность положенія патріарха и всю важность сдѣланныхъ уже имъ уступокъ, не понимаютъ всѣхъ выгодъ имѣть для ихъ будущей іерархіи

каноническое основаніе и противятся всякой уступкѣ, которая удалила бы ихъ отъ фирмана.

Главнѣйшее затрудненіе при разграниченіи епархій представляли Охрида и Битоля. Греки не хотѣли ихъ уступить изъ страха отдать жителей албанскаго происхожденія въ добычу славянству. Болгары же съ своей стороны требуютъ эти мѣстности какъ древнюю часть ихъ отцовскаго наслѣдія.

Переговоры тянутся при постоянно примирительномъ настроеніи патріарха, который готовъ снять осужденіе съ Иллариона Макаріупольскаго, въ случаѣ если на то будутъ согласны другіе патріархи.

Греческое правительство начинаетъ становиться въ болѣе дѣятельное положеніе по отношенію къ греко-болгарскому вопросу. Одобривъ уступки церковныя, которыя патріархъ, собирается сдѣлать Болгарамъ, оно тѣмъ не менѣе объявляетъ что оно остается эллинскимъ касательно разграниченія епархій, предѣлы которыхъ греческій повѣренный въ дѣлахъ, г. Разисъ, считаетъ чрезмѣрными. Тогда уже посолъ нашъ предвидѣлъ, что если Греческое правительство употребитъ свое вліяніе на печать и на многихъ мірянъ съ цѣлью противодѣйствія территоріальнымъ уступкамъ, которыя Великая церковь пожелала бы сдѣлать Болгарскому экзархату, то это вліяніе причинитъ важныя затрудненія патріархату и отложить на неопредѣленное время желаемое разрѣшеніе.

Патріархъ былъ въ отчаяніи отъ упорства Болгаръ, тѣмъ болѣе, что крайняя греческая партія уже желала насильственнаго отдѣленія Болгаръ отъ вселенской церкви.

Чтобы избѣжать новаго разрыва переговоровъ, графъ Игнатевъ имѣлъ долгое совѣщаніе съ болгарскими представителями; онъ указалъ имъ на постоянное сочувствіе, съ которымъ Россія относилась къ ихъ желаніямъ и стремленіямъ и увѣщивалъ ихъ не упускать единственнаго случая получить законное удовлетвореніе. Когда Болгары пожелали знать послѣднее слово патріаршихъ уступокъ, посолъ нашъ показалъ имъ списокъ, по

которому святѣйшій Анѳимъ соглашается включить въ составъ будущаго экзархата епархіи: Тырновскую, Софійскую, Виддинскую, Дристрскую (за исключеніемъ Кюстендже), Кюстендильскую, Преславскую, Самаковскую, Нишскую, Нишавскую, Ловчанскую, Врачанскую, Червенскую, Велесскую, Скопійскую, Охридскую, Филиппопольскую, — за исключеніемъ этого города, Станимаха и нахіи Конусъ, — Варненскую, — за исключеніемъ самого города, Бальчика и деревень побережья до Кюстендже — и Созопольскую (за исключеніемъ самого города и деревень побережья) и слѣдующія мѣстности, изъ коихъ должны быть образованы новыя епархіи: каза-Правади, — Мессемврійской епархіи, каза-Айдосъ, — Анхіальской епархіи, каза-Сливно, — Адріанопольской епархіи, каза-Ахи-Челеби, — Ксантской епархіи и казы-Ямболи и Новаи, — Адріанопольской епархіи. Такимъ образомъ экзархатъ состоялъ бы изъ 23 епархій.

Въ отвѣтъ на это сообщеніе, Болгары изъявили желаніе имѣть еще свои подворья въ Филиппополѣ и Варнѣ, непосредственно, впрочемъ, зависящія отъ патріарха.

Результатъ совѣщанія былъ переданъ патріарху, который согласился на все и прибавилъ еще къ составу экзархата сѣверную часть Битольской епархіи и, быть можетъ, готовъ бы былъ уступить даже Неврокопъ. Кромѣ того, Анѳимъ обѣщалъ назначать священниковъ изъ Болгаръ во всѣхъ смѣшанныхъ мѣстностяхъ, которыя будутъ зависѣть отъ Константинопольскаго патріархата, лишь только жители ихъ заявятъ о томъ желаніи, обѣщавъ даже посылать туда епископовъ преимущественно изъ знающихъ славянскій языкъ.

Патріархъ обо всемъ этомъ поставилъ въ извѣстность Болгаръ, и надо отдать справедливость святѣйшему Анѳиму, что онъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для достиженія примиренія. Нельзя было требовать уступчивости бѣльшей, чѣмъ та, которую онъ выказалъ въ своихъ тогдашнихъ предложеніяхъ.

Въ виду успѣшнаго хода переговоровъ, великій визирь Махмудъ-Недимъ-паша готовъ былъ дать новый фирманъ въ томъ

случаѣ, если состоится окончательное соглашеніе между Греками и Болгарами. Тогда нѣкоторые турецкіе министры, съ цѣлью возбудить затрудненія Махмудъ-пашѣ и низвергнуть его, стали подстрекать Болгаръ и въ особенности Чомакова настаивать на бѣльшихъ уступкахъ со стороны патріархата, и вотъ Чомаковъ начинаетъ требовать весь городъ Филиппополь и епархіи Струмицкую и Могленскую. Въ свою очередь, митрополитъ Панаретъ, уроженецъ Битоліи, не довольствуется двумя третями этой епархіи, которыя предлагаетъ патріархъ, и требуетъ и самый городъ Битолію.

Умѣренные Болгары, которые были очень довольны уступками патріарха, теперь боялись подписать окончательное соглашеніе со вселенскою патріархіей изъ страха Панарета и Чомакова и изъ боязни быть обвиненными въ измѣнѣ народному дѣлу.

Назначенное въ Фанарѣ большое собраніе съ участіемъ болгарскихъ представителей, которое должно было быть рѣшительнымъ, не оправдало общихъ ожиданій, такъ какъ Болгары въ послѣднюю минуту потребовали Филиппополя и Варны.

Требованіе это поставило патріарха въ большое затрудненіе, тѣмъ болѣе, что тому противились и міряне и члены синода, умоляя Аѳеима не уступать ничего болѣе. Общественное мнѣніе обвиняло даже патріарха въ томъ, что онъ будто впалъ въ дѣтство. Г. Разисъ выразился, что образъ дѣйствій патріарха даетъ Аѳинскому правительству поводъ къ большимъ опасеніямъ, и оно горячо возстаетъ противъ уступки Велеса Болгарамъ.

Подъ вліяніемъ всего этого, патріархъ отказывается Болгарамъ въ Филиппополѣ и Варнѣ, соглашаясь лишь на устройство въ этихъ городахъ болгарскихъ подворій съ приходами,—зависящихъ отъ вселенской патріархіи. Даже и эти уступки не понравились членамъ патріаршаго синода.

Въ то самое время, когда вопросъ готовъ былъ, повидимому, разрѣшиться удовлетворительнымъ образомъ, случилось новое обстоятельство, которое снова его осложнило и поколебало надежду на мирный исходъ дѣла. Отвѣтственность за это обстоя-

тельство, имѣвшее роковыя послѣдствія, падаетъ вполнѣ на вожаковъ крайней партіи Болгаръ и вообще на всѣхъ Болгаръ, которые позволили увлечь себя по скользкому пути. Если до сихъ поръ мы видѣли, что церковный вопросъ не разрѣшался лишь благодаря упорству, съ которымъ Вселенскій патріархатъ отказывалъ въ удовлетвореніи самыхъ справедливыхъ требованій Болгарскаго народа, то та же справедливость требуетъ, чтобы мы воздали должное и патріарху Анѳиму. Его святѣйшество, какъ мы видѣли выше, простеръ свою уступчивость до крайнихъ предѣловъ, надѣясь этимъ достигнуть умиротворенія распри, столь долго раздиравшей двѣ православныя народности; онъ сдѣлалъ Болгарскому экзархату такія значительныя территоріальныя уступки, болѣе которыхъ Болгары не могли рассчитывать получить и которыя вызвали прямыя обвиненія святѣйшаго Анѳима въ измѣнѣ греческому дѣлу. Патріархъ пренебрегъ этими обвиненіями. Онъ жертвовалъ собою, онъ соглашался даже, чтобы его считали измѣнникомъ, такъ какъ предъ нимъ стояла высокая цѣль возстановленія мира въ православной церкви. И чѣмъ же отплатили благодарные Болгары патріарху за его миролюбіе?—самовольнымъ служеніемъ литургіи въ день Богоявленія Господня 6-го января 1872 года. Какъ ни горько въ томъ сознаться, но въ этомъ насильственномъ поступкѣ нельзя не видѣть слабости нашего вліянія на народъ, нашими же преимущественно усиліями вызванный къ сознательной жизни, связанный съ нами узами вѣры и крови и имѣющій къ тому же крайнюю нужду въ нашемъ покровительствѣ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ произошло это служеніе, радикально измѣнившее весь послѣдующій ходъ греко-болгарскаго вопроса.

Слухи о предполагаемыхъ территоріальныхъ уступкахъ въ пользу Болгаръ распространились въ городѣ и проникнувъ въ греческую печать, возбудили страшныя нападки на св. Анѳима, который, чувствуя, что энергія его ослабѣваетъ, желалъ бы покончить дѣло какъ можно скорѣе путемъ прямого соглашенія

съ Илларіономъ Макаріупольскимъ, который въ такомъ случаѣ могъ бы быть назначенъ экзархомъ. Соперникъ Илларіона, Панаретъ Филиппопольскій, узналъ объ этомъ планѣ и чтобы прервать всякую возможность подобнаго невыгоднаго для него лично соглашенія, постарался доказать радикаламъ болгарской партіи необходимость какимъ нибудь видимымъ образомъ засвидѣтельствовать независимость Болгарской церкви отъ вселенскаго патріархата. Радикалы, раздѣляя вполнѣ мысль о необходимости прервать переговоры съ патріархомъ, руководились тѣмъ соображеніемъ, что какъ бы ни были выгодны условія соглашенія съ симъ послѣднимъ, всегда останутся Болгары, живущіе внѣ границы экзархата и которые будутъ подлежать юрисдикціи патріархіи, тогда какъ радикалы не хотѣли пожертвовать ни однимъ Болгариномъ, не только живущимъ въ какой либо провинціи, но и въ самомъ Константинополѣ, личной епархіи Константинопольскаго патріарха. Поэтому, съ точки зрѣнія радикаловъ, всякое соглашеніе съ патріархомъ бесполезно и даже вредно; они проводили эту мысль и въ своихъ письменныхъ заявленіяхъ и въ засѣданіяхъ собранія, гдѣ легко одолѣвали, въ рѣшительныя минуты, умѣренную болгарскую партію, слабую по численности и по вліянію и которая одна склонялась къ необходимости не порывать совершенно іерархическихъ узъ со вселенскимъ престоломъ.

Чомаковъ, Топчилештовъ и Славейковъ (бывшій долго учителемъ въ разныхъ городахъ Болгаріи, писавшій по порученію американскихъ миссіонеровъ разныя брошюры духовнаго содержанія, а нынѣ считаемый болгарскимъ народнымъ поэтомъ) съ радостью ухватились за предложеніе Панарета и, набравъ толпу конюховъ *) для приданія своей манифестаціи большей численности, а потому и бѣльшаго значенія, явились въ Ортакей и силой увели оттуда трехъ болгарскихъ епископовъ. Уже поздно вечеромъ Илларіонъ Ловчанскій и Славейковъ съ толпою всякаго

*) Почти всѣ конюхи въ Константинополѣ—Болгары родомъ.

сброда явились въ патріархатъ, требуя отъ спавшаго въ то время Аноима разрѣшенія отслужить на слѣдующій день, 6-го января, обѣдню.

Разбуженный патріархъ отказалъ въ требованіи шумной толпы, предъявленномъ при такихъ обстоятельствахъ и предупредилъ о случившемся Порту, дабы она могла принять мѣры къ предотвращенію служенія.

Тѣмъ не менѣе, благодаря постоянно двойственному характеру дѣйствій турецкихъ министровъ, нужныя мѣры не были приняты и, несмотря на формальное запрещеніе патріарха, обѣдня была отслужена двумя Иларіонами и Панаретомъ и окончилась молебномъ за султана.

Патріархъ былъ совершенно ошеломленъ этимъ поступкомъ, явившимся какъ гроза при ясномъ небѣ, и просилъ совѣта графа Игнатьева. Хотя посолъ нашъ и упрашивалъ святѣйшаго Аноима не прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ и отлученіямъ, тѣмъ не менѣе, лично, онъ не могъ не отчаяваться въ будущности церковной іерархіи, въ составъ которой входятъ элементы, подобные тѣмъ, кои мы только что видѣли въ дѣлѣ, и находилъ, что участвовавшіе въ немъ епископы не будутъ никогда въ состояніи основать истинно-православную церковь.

Греки радовались происшедшему, видя въ томъ осязательное доказательство нравственного растлѣнія, въ которое впали люди, стоящіе во главѣ болгарской народности.

Безпристрастіе заставляетъ, впрочемъ, упомянуть, что умѣренные Болгары явились къ русскому послу съ изъясненіемъ сожалѣнія о случившемся и негодованія на дѣйствія Панарета и Чомакова. Порта, съ своей стороны, отнеслась съ видимою благосклонностью къ умѣренной партіи Болгаръ и, по совѣту графа Игнатьева, рѣшила признавать лишь Габріель-эфенди Крестовича, человѣка этой партіи, представителемъ Болгарскаго народа. Крестовичъ, уроженецъ города Котла, воспитывался во Франціи, считается весьма свѣдущимъ юристомъ и пользуется общимъ уваженіемъ какъ между Турками, такъ и между Бол-

гарами, хотя эти послѣдніе и обвиняють его въ излишней мягкости и нерѣшительности.

Но и назначеніе Крестовича не помогло: народное раздраженіе, подѣ влияніемъ радикаловъ, усиливается: умѣренные Болгары не смѣютъ болѣе показываться въ народномъ собраніи и Топчилештовъ предлагаетъ отлучить патріарха Анѣима отъ церкви и образовать свою диссидентскую церковь.

Проектъ этотъ не осуществился только благодаря противодействию обоимъ Илларионовъ.

Удрученный своими недугами, престарѣлый Анѣимъ теряетъ свою прежнюю энергію. Видя себя обманутымъ и Болгарами и двуличными поступками Порты, которая легко могла бы воспрепятствовать служенію 6-го января, св. Анѣимъ, при отсутствіи въ его характерѣ необходимой твердости, впадаетъ, что весьма естественно, въ другую крайность, подчиняясь влиянію греческихъ бавкировъ, начинающихъ играть первенствующую роль, благодаря пустотѣ патріаршей казны, которую они наполняютъ отъ времени до времени, но подѣ условіемъ, чтобы патріархъ дѣйствовалъ въ томъ или другомъ смыслѣ, обращая его такимъ образомъ въ слѣпое орудіе своихъ личныхъ и своекорыстныхъ цѣлей и замысловъ.

Уступая крикамъ крайней партіи и греческой печати и увѣщаніямъ митрополита Аѣинскаго Теофіла, еще ранѣе событія 6-го января упрашивавшаго не разрѣшать вопроса въ смыслѣ національности, чтобы не создать источника бѣдъ еще болѣшихъ чѣмъ ереси, Анѣимъ передаетъ обсужденіе вопроса греческому народному собранію, вслѣдствіе чего церковь какъ бы отказывается въ данномъ случаѣ отъ принадлежащей ей власти и передаетъ ее мірянамъ, какъ какому-то республиканскому сборищу. Повинуясь злобнымъ внушеніямъ и страстнымъ рѣчамъ, собраніе это оставалось у митрополита Гераклейскаго безъ перерыва съ вечера субботы до глубокой ночи съ воскресенья на понедѣльникъ, чтобы тѣмъ воспрепятствовать всякимъ попыткамъ примиренія. Подѣ влияніемъ всего этого, синодъ составилъ актъ,

которымъ Илларіонъ Ловчанскій и Панаретъ Филиппопольскій низвержены, а Илларіонъ Макаріупольскій, еще прежде низверженный, отлученъ отъ церкви, причемъ епископовъ не приглашали въ синодъ, не выслушали ихъ объясненій и оправданій, какъ они сами еще прежде о томъ просили и чего требуютъ церковные каноны. Это было тѣмъ болѣе прискорбно, что если бы синодъ такъ не поспѣшилъ, оба Илларіона вѣроятно отделились бы отъ Панарета, а общее осужденіе снова соединило ихъ въ одно цѣлое.

Не излишне также здѣсь прибавить, что предъ этимъ церковью относилась довольно снисходительно къ нарушенію правилъ, требующихъ для совершенія литургіи предварительнаго разрѣшенія мѣстнаго епископа.

Когда строгое примѣненіе извѣстнаго правила могло сопровождаться бѣльшимъ зломъ, чѣмъ его нарушеніе, въ такихъ случаяхъ церковь предпочитала обыкновенно придерживаться такъ называемый теоріи приспособленія къ обстоятельствамъ. Этою теоріей руководствовалась церковь, когда епископъ Кидонійскій, въ 1866 году, по случаю Критскаго возстанія, переселился на островъ Косъ и совершалъ литургіи и хиротоніи безъ позволенія мѣстнаго митрополита. Бывали такіе же случаи и въ древности, на примѣръ, во времена Іоанна Златоуста неожиданно появился въ Константинополѣ Александрійскій патріархъ Теофилъ вмѣстѣ съ архіепископомъ Кипрскимъ и оба они, не испрашивая предварительнаго дозволенія мѣстнаго епископа, Златоуста, совершали литургію и хиротонію въ городѣ, принадлежащемъ къ его паствѣ.

И въ данномъ случаѣ Греческая церковь могла бы примѣнить къ Болгарамъ означенную теорію, но она предпочла быть строгою.

Патріархъ, между тѣмъ, просилъ содѣйствія великаго визиря къ ссылкѣ осужденныхъ епископовъ. Махмудъ-паша въ отвѣтъ на это продолжалъ настаивать на необходимости примиренія, потому что, иначе, онъ приведетъ въ исполненіе фирманъ. Не желая крутыми мѣрами раздражать обѣ стороны Порты, упраши-

вала болгарскихъ епископовъ уѣхать на время изъ Константинополя, и они отправляются въ ссылку въ Исмидъ (древнюю Никомедию). Раздраженный этимъ, Топчилештовъ предложилъ католическимъ священникамъ служить для Болгаръ обѣдную въ болгарской церкви въ Балатѣ. Порта воспрепятствовала приведенію въ исполненіе этого намѣренія и полиція разогнала даже толпу Болгаръ, пришедшихъ въ Порту съ жалобами по этому поводу. Пропагандисты же, съ своей стороны, удваиваютъ свои усилія, стараясь доказать что за спиной католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ идутъ правительства Англіи и Австріи, которыя не откажутъ въ своемъ оффиціальномъ покровительствѣ и поддержкѣ, дабы содѣйствовать будущему развитію Болгаріи на зло Россіи, которая де желаетъ лишь поглотить Болгаръ и которая нынѣ объ руку съ Портой дѣйствуетъ въ смыслѣ защиты во что бы то ни стало правъ патріархата.

Представители умѣренной партіи, Крестовичъ и Пенчовичъ (руцукскій уроженецъ и бывшій турецкій чиновникъ), попытались возобновить переговоры съ патріархатомъ, и тотъ былъ отъ нихъ не прочь; единственнымъ затрудненіемъ являлось то, что представители эти были міряне, почему и дѣлается распоряженіе о вызовѣ въ Константинополь Анѣима Виддинскаго, извѣстнаго своею умѣренностью.

Опьяненные своимъ мнимымъ успѣхомъ—изгнаніемъ епископовъ, Греки сочли церковный вопросъ окончательно разрѣшеннымъ и патріархъ Анѣимъ объявилъ свой проектъ какъ бы несуществовавшимъ или какъ бы «листомъ бѣлой бумаги» и отказался ходатайствовать о возвращеніи сосланныхъ епископовъ. Напрасно Порта нѣсколько разъ напоминала о необходимости достигнуть примиренія, говоря, что въ противномъ случаѣ она вынуждена будетъ привести въ исполненіе фирманъ, патріархъ тормозилъ переговоры Крестовича и его товарищей съ патріархіей. Относясь къ этимъ болгарскимъ представителямъ, повидимому, благосклонно, онъ, въ дѣйствительности, передаетъ всѣ ихъ предложенія народному собранію, которое, наконецъ, рѣшаетъ продол-

жать переговоры лишь въ томъ случаѣ, если болгарскіе представители, которыхъ оно считаетъ солидарными съ зачинщиками беспорядковъ 6-го января, будутъ замѣнены новыми. Вообще, Константинопольская церковь приходитъ въ такое хаотическое состояніе, что дѣлается совершенно невозможнымъ ожидать отъ управляющаго ею синода какихъ либо разумныхъ рѣшеній; крайніе же Греки въ Константинополѣ стараются объявить всѣхъ Болгаръ схизматиками, чтобы тѣмъ заставить нашъ Св. Синодъ высказаться. Волненіе Болгаръ усиливается, страсти разыгрываются все болѣе и болѣе не только въ самомъ Константинополѣ, но и въ провинціяхъ, гдѣ дѣло доходитъ до крупныхъ столкновеній между Греками и Болгарами. Эти послѣдніе обращаются къ сыну султана, Юсуфъ-Иззедину, съ просьбой о помощи и добиваются возвращенія въ Константинополь изгнанныхъ было болгарскихъ епископовъ.

Въ виду происходившихъ переговоровъ, Порты три недѣли задерживала буюрулду (повелѣніе), относительно приведенія въ исполненіе фирмана и, лишь убѣдившись въ бесполезности надеждъ на успѣхъ дѣла, рѣшилась обнародовать это буюрулду, объявляющее Болгарамъ, что они могутъ приступить къ избранію экзарха. Посольство наше употребляло всѣ свои усилія, дабы каноническое посвященіе экзарха патріархомъ предшествовало политическому признанію его въ этомъ санѣ Портой, но всѣ его усилія разбились о ненависть и взаимное недовѣріе сторонъ—наслѣдіе, оставленное многолѣтнею борьбой. Убѣдившись въ совершенной бесплодности своихъ стараній и въ томъ, что совѣты его не слушаются ни въ Фанарѣ ни въ Ортакеѣ, посольство могло лишь присутствовать, въ качествѣ простого зрителя, при дальнѣйшемъ развитіи распри до тѣхъ поръ, пока народныя страсти не успокоятся и не будутъ въ состояніи услышать голосъ разсудка, нынѣ заглушаемый воплями вождей крайнихъ партій обѣихъ народностей. Въ предвидѣніи именно этого момента, русскій посолъ предписалъ агентамъ нашимъ въ Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ разъяснить патріархамъ Антіохійскому, Іерусалимскому

и Александрійскому, насколько важно въ настоящую минуту дѣйствовать съ крайнею осмотрительностью и осторожностью, такъ какъ дѣло идетъ о пяти, шести милліонахъ православныхъ душъ, которыя, благодаря одной какой либо необдуманной или слишкомъ поспѣшной мѣрѣ, принятой относительно ихъ вселенскимъ патріархомъ, легко могутъ быть навсегда потеряны для православія и брошены въ объятія католичества или протестантства. «Пока», говорилъ посолъ, «будетъ существовать малѣйшая надежда сохранить Болгаръ для православія, священнымъ долгомъ каждого православнаго является употребить всѣ усилія дабы восторжествовали даваемые обѣимъ сторонамъ совѣты быть снисходительными, милосердыми и умѣренными и дабы были избѣгнуты всѣ крутыя мѣры, могущія уничтожить вѣроятность умиротворенія. О священномъ долгѣ этомъ должны преимущественно помнить лица, сидящія на святительскихъ престолахъ Іерусалима, Антіохіи и Александріи, которымъ въ настоящую трудную и рѣшительную минуту выпадаетъ роль примирителей и восстановителей спокойствія въ православной церкви. Святители эти должны заставить Константинопольскаго патріарха выслушать ихъ досточтимый голосъ прощенія и любви, дабы предотвратить принятіе вселенскимъ престоломъ мѣръ, могущихъ вызвать расколъ, и дабы укрѣпить Аноима въ чувствахъ терпѣнія и кротости, руководясь единственно которыми можно пріискать исходъ изъ настоящаго тяжелаго положенія, исходъ достойный святой православной церкви».

Выборъ Болгаръ, противъ всякаго ожиданія, палъ на Иллариона Ловчанскаго, избраннаго экзархомъ Болгарскимъ.

Новый экзархъ, человѣкъ старый, слабый, безхарактерный, самъ созналъ, что онъ вовсе не подходитъ къ высокому положенію, куда вызвалъ его народный выборъ, въ особенности при трудныхъ обстоятельствахъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ экзархатъ и требовавшихъ не только одной доброты душевной, которою отличался Илларионъ, но и извѣстной подготовки, знаній и энергіи, невозможной при престарѣломъ его возрастѣ. Вслѣд-

ствіе этого сознанія Илларіонъ самъ подалъ въ отставку и былъ замѣненъ Аноимомъ Виддинскимъ.

Патріархъ, отказавшись совершенно отъ собственной воли, подпалъ вліянію народнаго собранія, въ которомъ изъ 80 членовъ засѣдаютъ 60 мірянъ. Вопросъ о новоизбранномъ экзархѣ разбирался въ этомъ собраніи и было предложено постановить, что патріархія не признаетъ Болгаръ православными. Рѣшеніе это не было принято лишь благодаря замѣчательной рѣчи епископа Анхіальскаго, который воспротивился ему, говоря, что Болгары продолжаютъ оставаться православными и что «вся разница между нашими и ихъ мнѣніями заключается въ формѣ, а не въ сущности. Мірской же элементъ не долженъ вмѣшиваться въ это дѣло, и можно лишь сожалѣть, что народное собраніе связываетъ въ данномъ случаѣ руки духовенству». Пренія окончились рѣшеніемъ, что патріархія не признаетъ вновь избраннаго экзарха.

Мѣстные греческіе журналы и общество горячо приняли сторону народнаго собранія и не стѣснялись открыто высказывать, что союзъ съ Западомъ выгоднѣе союза съ Россіей и что они надѣются усиленною враждебностью къ этой послѣдней державѣ заслужить расположеніе и милости западныхъ правительствъ. Мысли эти встрѣчали тѣмъ болѣе сочувственный отголосокъ, что тогда сдѣлалось извѣстнымъ, что англійскій и австрійскій послы упрекали Махмуда-пашу въ поспѣшности, съ которою онъ исполненіемъ фирмана оффиціально призналъ существованіе новой христіанской народности въ Турціи. Греческое правительство хотя, повидимому, не одобряло тенденцій константинопольскихъ Грековъ, но тѣмъ не менѣе посовѣтовало патріарху дать Болгарамъ извѣстный срокъ, а, затѣмъ, отлучить ихъ отъ церкви. У патріарха же, съ своей стороны, снова возникаетъ желаніе созвать соборъ восточныхъ патріарховъ для разрѣшенія распри.

Между тѣмъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей болгарскаго движенія, митрополитъ Паисій Филиппопольскій, умираетъ, чѣмъ уменьшается число приверженцевъ болгарской умѣренной партіи,

радикалы же все усиливаются и тѣмъ яснѣе обрисовываются политическія стремленія Болгаръ. Самъ экзархъ сознается, что главная цѣль вожаковъ крайней партіи — радикальное рѣшеніе національнаго вопроса и что церковная распря служитъ имъ лишь предлогомъ или маской, чтобы скрыть отъ Порты ихъ истинныя желанія.

2-го апрѣля экзархъ получилъ свой берать, а 4-го представлялся султану, чѣмъ какъ бы завершилось политическое его признаніе.

Три раза посылалъ экзархъ депутатовъ, чтобы патріархъ дозволилъ ему представиться, и всѣ три раза святѣйшій Анѳимъ отказался принять его, требуя, чтобы: «сей самозванный экзархъ раскаялся письменно во всемъ совершившемся, подписался бы не экзархомъ Болгарскимъ, а митрополитомъ Виддинскимъ, и осудилъ тѣхъ, кого осудила великая церковь и вмѣсто султанскаго фирмана принялъ безъ всякаго измѣненія проектъ, представленный великому визирю», по которому Болгарамъ, во-первыхъ, уступалось гораздо менѣе епархій, нежели сколько ихъ было въ прежнемъ проектѣ Анѳима, а во-вторыхъ, Болгарскому экзархату давалось имя не Болгарскаго, а Эмосскаго. Кромѣ того, двѣ письменныя просьбы экзарха о разрѣшеніи ему совершить богослуженіе на Св. Пасху возвращены были ему патріархіей обратно.

Въ пятницу на Пасхѣ экзархъ обратился къ патріарху съ новою просьбой снять церковное наказаніе съ трехъ низложенныхъ болгарскихъ епископовъ и дозволить имъ принести оправданіе въ своемъ поступкѣ, объясняя, что осужденіе ихъ было незаконно и по существу дѣла и по формѣ.

Патріархія отвергла и эту просьбу.

Въ слѣдующее воскресенье, 23-го апрѣля 1872 года, экзархъ произнесъ въ своей болгарской церкви рѣчь, въ которой, высказавъ свою горькую жалобу на постоянные отказы ему патріархіи во всемъ, объявилъ, что отселѣ онъ не признаетъ болѣе дѣйствительнымъ низложенія трехъ болгарскихъ еписко-

повѣ. 11-го же мая, въ день памяти славянскихъ апостоловъ свв. Кирилла и Меѳодія, экзархъ совершилъ въ той же церкви торжественное богослуженіе вмѣстѣ съ остальными болгарскими епископами и многочисленнымъ духовенствомъ. Во время литургіи, послѣ Евангелія, прочитанъ былъ предъ всѣмъ народомъ обширный актъ, провозглашающій независимость болгарской церкви, составленный еще прежде и подписанный соборомъ семи болгарскихъ епископовъ.

Въ отвѣтъ на это, патріаршій синодъ провозгласилъ Болгарскаго экзарха Анеѳима лишеннымъ сана и низверженнымъ, болгарскихъ епископовъ Панарета Филиппопольскаго и Иларіона Ловчанскаго, прежде низверженныхъ, отлучилъ отъ церкви, а епископа Иларіона Макаріупольскаго, прежде отлученнаго, объявилъ «повиннымъ гееннѣ огненной и вѣчной анаѳемѣ», распространивъ соотвѣтствующія церковныя наказанія и на всѣхъ клириковъ и мірянъ, находящихся въ общеніи съ осужденными епископами. Не довольствуясь этимъ, патріархъ рѣшилъ привести въ исполненіе свое предположеніе о собраніи помѣстнаго собора, въ которомъ должны были принять участіе, кромѣ самого патріарха вселенскаго и его синода, и всѣ прочіе патріархи и всѣ епископы, пребывающіе въ Константинополѣ, для чего и отправлены были всѣ нужныя приглашенія.

Экзархъ рѣшился игнорировать патріарха и начинаетъ дѣйствовать совершенно самостоятельно: онъ рукополагаетъ Досифея епископомъ Самаковскимъ, Виктора — Нишскимъ и Иларіона Макаріупольскаго — митрополитомъ Тырновскимъ. На всѣхъ этихъ каѳедрахъ были уже греческіе епископы, имѣющіе бераты отъ Порты. Тѣмъ не менѣе, Порты выдала бераты и новопосвященнымъ болгарскимъ епископамъ, хотя замѣтно охладѣла къ экзарху.

Въ отвѣтномъ посланіи своемъ на послѣднее приглашеніе патріарха, Аѳинскій синодъ одобряетъ мѣры строгости, принятыя противъ Болгаръ и закликаетъ держаться того же пути. Патріархи же Іерусалимскій, Антіохійскій, Александрійскій и

архієпископъ Кипрскій ѣдутъ въ Константинополь благопріятно настроенные по отношенію къ Болгарамъ и обѣщаютъ дѣйствовать безпристрастно и примирительно, вполнѣ понимая всю важность Болгарскаго вопроса для дѣла православія на Востокѣ.

Іерархи Антіохійской церкви обратились предъ отъѣздомъ блаженнѣйшаго Іерооѳея въ Константинополь съ заявленіемъ, подписаннымъ шестью митрополитами и въ которомъ они выражаютъ надежду, что находящіеся на соборѣ святители, безъ сомнѣнія, отрѣшатся отъ племенныхъ и личныхъ интересовъ и цѣлей, которыхъ не знаетъ и не допускаетъ православная Христова церковь, чуждая всякому слову и дѣлу, не имѣющему въ виду спасенія душъ, и что, вообще, они должны принять во вниманіе, что великая святая церковь Христова, дабы ненарушимо сохранить единеніе вѣрующихъ, дозволяетъ—по вопросамъ не затрагивающимъ догматовъ вѣры — снисхожденіе, послабленія и уступки тамъ, гдѣ нѣтъ опасности для вѣры.

Патріархъ Александрійскій Софроній, обѣщая употребить всѣ свои усилія для достиженія примиренія, утверждаетъ, что въ противномъ случаѣ не подпишетъ соборнаго опредѣленія.

Не такъ отнеслись къ вопросу александрійскіе Греки, которые шумными манифестаціями старались устрашить блаженнѣйшаго Софронія и заставить его быть враждебнымъ къ Болгарамъ. Константинопольскіе Греки не отстаютъ отъ нихъ и, пользуясь пріѣздомъ многочисленныхъ аѳинскихъ эмиссаровъ и извѣстнаго уже намъ архієпископа Ликурга, не скрывающаго своей ненависти къ Болгарамъ, производятъ уличныя демонстраціи. Толпа кричитъ: «да здравствуетъ султанъ, да здравствуетъ схизма!» Вожаки объясняютъ эти крики тѣмъ, что они боятся быть поглощенными славянскимъ элементомъ и что они хотятъ воспротивиться тому, чтобы дѣти ихъ не обратились въ Болгаръ. Англія, по политическимъ причинамъ, поддерживаетъ ихъ въ такомъ настроеніи и посолъ ея Элліотъ является главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ крайней греческой партіи.

Однако, несмотря на всѣ застращиванія журналистовъ и

толпы, прибывшіе въ Царьградъ патріархи долгое время оставались тверды и непоколебимы.

Въ то же время состоялось назначеніе греческимъ посланникомъ въ Константинополь Симоса, англофила, умнаго и образованнаго человѣка. Русскій посолъ съ нетерпѣніемъ ждалъ его пріѣзда въ Царьградъ, надѣясь, что, проникнувшись истинными интересами Греціи, Симосъ сумѣетъ захватить вліяніе на здѣшнюю эллинскую колонію и сможетъ обуздать буйную и мятежную партію этой послѣдней. Къ сожалѣнію, надеждамъ этимъ, какъ показала послѣдующая дѣятельность Симоса, не суждено было сбыться, и дипломатъ этотъ, на оборотъ, лишь рѣзче отѣнилъ тогдашнее враждебное настроеніе Константинопольскихъ Грековъ ко всему, что носило имя славянскаго.

Прошеніе, подписанное пятнадцатыю тысячами Грековъ, представляется вселенскому патріарху съ просьбой объявить схизму на Болгаръ и на всѣхъ ихъ послѣдователей, даже еслибъ эти послѣдніе были цѣлыми народами или націями (намекъ довольно прозрачный на Россію). Патріархъ обѣщаетъ имъ сообразоваться съ ихъ желаніями, а на упреки русскаго посла отвѣчаетъ, что онъ не въ правѣ умѣрять ревность православныхъ къ вѣрѣ и препятствовать ея проявленію.

Очутившись въ омутѣ уличныхъ интригъ, блаженнѣйшій Кирилль Іерусалимскій горько жаловался нашему послу на трудность своего положенія. Посолъ постарался, разумѣется, поддержать его бодрость, увѣщевая проникнуться тѣмъ убѣжденіемъ, что іерархи православной церкви не должны уступать предъ внѣшнимъ давленіемъ уличной толпы, возбужденной газетчиками и фанатиками. Въ то же время графъ Игнатъевъ обратилъ на шумныя манифестаціи вниманіе замѣниваго Махмудъ-пашу Митхадъ-паши, который, хотя въ душѣ и радовался раздорамъ христіанъ между собою, запрашиваетъ, однако, Константинопольскій патріархатъ о происходящемъ волненіи и спрашиваетъ, когда же осуществятся многочисленные проекты соглашенія съ Болгарами.

Святѣйшій Анѳимъ принялъ это сообщеніе очень холодно, отвѣтивъ, что соборъ занимается исключительно духовными дѣлами, въ которыя Порта не можетъ вмѣшиваться; что же касается до прежнихъ его проектовъ, то они нынѣ ни что иное, какъ листы бѣлой бумаги.

На подготовительномъ засѣданіи собора всѣ восточные іерархи находятъ провозглашеніе схизмы дѣломъ слишкомъ важнымъ, чтобы постановить ее, не испытавъ предварительно всѣхъ средствъ примиренія.

Съ своей стороны, графъ Игнатъевъ обращается къ Болгарамъ и проситъ ихъ сдѣлать послѣднюю попытку примиренія, вслѣдствіе чего Габріель-эфенди и Пенчовичъ имѣютъ свиданіе съ восточными патріархами. По мнѣнію послѣднихъ, соглашеніе возможно на слѣдующихъ двухъ условіяхъ: 1) мѣстопробываніе экзарха и его синода будетъ внѣ Константинополя и 2) географическія границы епархій экзархата будутъ опредѣлены разъ навсегда на условіяхъ удобопріемлемыхъ Греками.

Узнавъ объ этихъ попыткахъ соглашенія, греческая депутация изъ Саввы-паши, будущаго турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, Мильтіада Аристархи — бывшаго князя Самосскаго, Калліади — виновника постановленія патріаршаго синода 6-го января, Икіадеса и Зографо требуетъ отъ восточныхъ патріарховъ немедленнаго объявленія схизмы, подъ опасеніемъ подвергнуться самымъ крайнимъ насиліямъ съ ихъ стороны.

Патріархи отвѣтили на это требованіе спокойно, но съ большимъ сознаніемъ собственнаго достоинства.

Наконецъ соборъ открывается оффиціально. Когда на него отправлялся Кириллъ Іерусалимскій, на пути на него накинута толпа нафанатизованныхъ Грековъ, которые съ неистовыми криками угрожали Кириллу привести его на соборъ силой въ томъ случаѣ, еслибъ онъ не захотѣлъ туда явиться добровольно; его называли Іудой, Каіафой, русскимъ шпіономъ.

Сознаніе правоты своего дѣла дало блаженнѣйшему Кирил-

лу силу перенести всѣ эти незаслуженныя оскорбленія и, явившись на соборъ, онъ прежде всего изгоняетъ изъ него мірянъ и, обращаясь къ духовенству, упрашиваетъ не торопиться схизмой и не увеличивать бездны между православными народностями.

Константинопольскій патріархъ оспаривалъ это мнѣніе и требовалъ немедленнаго провозглашенія схизмы. Послѣ долгихъ преній, соборъ рѣшилъ поручить комиссіи богослововъ составить текстъ соборнаго опредѣленія, о чемъ и былъ составленъ протоколъ, подписать который блаженнѣйшій Кириллъ отказался, также точно какъ онъ отказался идти по приглашенію Анѳима въ церковь, говоря, что «онъ пойдетъ въ храмъ не иначе какъ затѣмъ, чтобы умолять Господа Бога наставить Его церковь на благой путь и озарить Своимъ свѣтомъ отцевъ церкви, блуждающихъ, повидимому, во мракѣ». Увлеченный примѣромъ блаженнаго Кирилла и патріархъ Антіохійскій запрещаетъ своему представителю участвовать въ комиссіи, если она не займется изысканіемъ средства къ примиренію.

Вслѣдъ за симъ, патріархъ Іерусалимскій объявляетъ святѣйшему Анѳиму, что онъ болѣе не будетъ принимать участія въ соборѣ и твердо стоитъ на своемъ рѣшеніи, несмотря на упрашиванія греческаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Калерджи, не отставать отъ прочихъ патріарховъ и несмотря на начавшіяся въ Палестинѣ интриги, клонившіяся къ его низложенію.

Отъ угрозъ блаженнѣйшему Кириллу Греки перешли къ упрашиваніямъ, но ничто не помогало, и просьбы ихъ какъ и застращиванія были тщетны, и за два дня до окончанія собора патріархъ, вмѣстѣ съ своимъ повѣреннымъ, не принимавшимъ участія въ работахъ комиссіи, уѣзжаетъ въ Іерусалимъ принимать путешествовавшего тогда по Сиріи и Палестинѣ Великаго Князя Николая Николаевича. При отъѣздѣ своемъ, блаженнѣйшій Кириллъ повторилъ, что онъ порицаетъ поспѣшный образъ дѣйствій іерарховъ, собравшихся на соборъ; въ то же время онъ объявилъ, что, не считая себя въ правѣ подписать рѣшеніе,

принятое подъ вліяніемъ народныхъ страстей, овладѣвшихъ, къ несчастію, вселенскою церковью, онъ спроситъ о томъ мнѣнія своего синода и дастъ, затѣмъ, письменный отвѣтъ.

Событія, происшедшія вскорѣ послѣ того въ Палестинѣ и низложеніе патріарха Кирилла, извѣстны и мнѣ нѣтъ надобности описывать ихъ подробности. Достаточно сказать, что за отказъ подписать опредѣленіе Константинопольскаго собора, блаженнѣйшій Кириллъ, собственнымъ своимъ клиромъ, составленнымъ изъ фанатиковъ Грековъ, былъ самъ объявленъ схизматикомъ и низложенъ съ престола, который онъ занималъ съ такимъ блескомъ въ продолженіе почти тридцати лѣтъ. Мало того, маститому іерарху было отказано въ позволеніи поклониться въ послѣдній разъ Гробу Господню и онъ, какъ преступникъ, былъ отправленъ съ жандармами въ Яфѣскую тюрьму, гдѣ провелъ двѣнадцать дней въ ожиданіи турецкаго военнаго судна, перевезшаго его въ Константинополь. Замѣчательно при этомъ, что наибольшую поддержку противникамъ блаженнѣйшаго Кирилла оказалъ мѣстный губернаторъ, Назифъ-паша и, какъ это ни странно слышать, германскій генеральный консулъ въ Іерусалимѣ баронъ Альтенъ. Не лишнимъ считаю привести здѣсь письмо этого послѣдняго къ патріарху Кириллу, по возвращеніи его изъ Константинополя:

«Monsieur (!!) le patriarche, — En réponse à Votre lettre qui m'est parvenue hier je dois vous dire:

«Considérant la position dans laquelle vous vous trouvez par suite de votre conduite envers le gouvernement de la Sublime Porte et envers vos supérieurs (?) ecclésiastiques;

«Considérant la persistance fatale avec laquelle vous prêtez l'oreille aux instigations contraires à votre devoir;

«Je suis très surpris que vous vous croyez encore en droit de me demander des éclaircissements sur la conduite du drogman de mon consulat.

«Je ne crois donc pas convenable de vous donner des éclaircissements que je ne pourrais certes pas refuser à qui de droit.

«Agréez, monsieur le patriarche, mes salutations empressées
«Freiherr von Alten
Consul Général d' Allemagne». *).

Не имѣя высшаго богословскаго образованія, блаженнѣйшій Кириллъ отличался глубокимъ практическимъ умомъ, житейскою мудростью и непреклонною твердостью характера, дозволившими ему быстро покончить съ внутренними несогласіями, раздиравшими Іерусалимскую церковь, когда въ 1845 году онъ сдѣлался ея главой. Необразованный самъ, блаженнѣйшій Кириллъ, тѣмъ не менѣе, страстно любилъ просвѣщеніе и слишкомъ длиненъ вышелъ бы списокъ, если бы мы стали перечислять основанныя имъ образовательныя и благотворительныя учрежденія не только въ Палестинѣ, но и въ другихъ мѣстахъ Турціи, или же приводить число молодыхъ людей, воспитавшихся на счетъ патріарха Кирилла въ Аѳинахъ и на Западѣ.

Народъ питалъ къ блаженнѣйшему Кириллу глубочайшее уваженіе, тогда какъ архіереи, архимандриты и пр. боялись его, но не любили, называя деспотомъ, въ смыслѣ крутого его обращенія съ подчиненными. Тогда какъ въ дѣйствительности, обладая сильною волей, покойный Іерусалимскій патріархъ лишь держалъ все и всѣхъ въ рукахъ, никогда, впрочемъ, не злоупотребляя своею властью. Онъ былъ справедливъ и въ другихъ уважалъ честность и искренность.

*) Господинъ патріархъ. Въ отвѣтъ на Ваше письмо, которое доставлено мнѣ было вчера, я долженъ Вамъ сказать:

Принимая во вниманіе положеніе, въ которомъ Вы находитесь вслѣдствіе Вашего поведенія по отношенію къ правительству Блистательной Порты и по отношенію къ Вашимъ духовнымъ начальникамъ;

Принимая во вниманіе роковое упорство, съ которымъ Вы поддаетесь внушеніямъ, противнымъ Вашему долгу;

Я крайне удивленъ, что Вы считаете себя въ правѣ запрашивать у меня объясненій по поводу образа дѣйствій переводчика моего консульства.

Такимъ образомъ я не считаю пристойнымъ давать Вамъ объясненія, которыя, конечно, я не откажу представить кому слѣдуетъ.

Примите и пр.

Мужественный поступокъ патріарха Кирилла въ 1872 году, когда ни угрозами, ни лаской, ни деньгами, не могли заставить его переѣннить убѣжденіе и подписать соборный актъ, ясно показываетъ, какимъ запасомъ воли и энергіи обладалъ этотъ по истинѣ замѣчательный человѣкъ.

Въ Константинополѣ, въ ссылкѣ, блаженнѣйшій Кириллъ просуществовалъ на пенсію, высылавшуюся ему нашимъ правительствомъ до 1877 года, когда онъ скончался, на 82 году отъ рожденія, и былъ погребенъ въ деревнѣ Еникѣй на Босфорѣ. Черезъ два съ половиной года по его низложеніи, Іерусалимская церковь прислала бывшему патріарху грамоту съ изъясненіемъ сожалѣнія о случившемся и съ извиненіями, а патріархъ Іерусалимскій Іерофей провозгласилъ Кирилла православнѣйшимъ и тѣмъ загладилъ несправедливость, жертвой которой маститый іерархъ сдѣлался въ 1872 году.

Чтобы разсѣять тяжелое впечатлѣніе, произведенное отъѣздомъ Іерусалимскаго Патріарха на нѣкоторыхъ колеблющихся членовъ собора, Митхадъ-паша счелъ нужнымъ ободрить приверженцевъ радикальной партіи, и посланный, по его приказанію, въ собраніе Икіадесъ передалъ отъ имени великаго визиря, что Порта нисколько не сочтетъ объявленія схизмы противорѣчащимъ интересамъ Турціи. Объявленіемъ этимъ въ огонь было подлито новаго масла, и сторонники схизмы гордо подняли голову, будучи увѣрены въ поддержкѣ Турецкаго правительства.

Въ засѣданіи 12 сентября, работы подготовительной комиссіи были прочитаны и одобрены, а въ засѣданіи 16 сентября самая схизма провозглашена оффиціально и единогласно соборнымъ опредѣленіемъ, подписаннымъ 32 патріархами, архіепископами, митрополитами и пр., причемъ главнымъ виновникомъ провозглашенія схизмы былъ митрополитъ Дерконскій, человѣкъ умный, ловкій и интриганъ, весьма поддерживаемый партіей греческихъ банкировъ.

Этотъ актъ, по которому всѣ болгарскіе архипастыри съ духовенствомъ и мірянами объявлены схизматиками, какъ послѣдо-

ватели ереси филетизма, былъ съ торжествомъ прочтанъ во всѣхъ константинопольскихъ церквахъ, затѣмъ обнародованъ во всѣхъ предѣлахъ патріархата и разосланъ ко всѣмъ автокефальнымъ церквамъ.

Вотъ въ полномъ видѣ это опредѣленіе въ русскомъ переводѣ:

Внимать себѣ самимъ «и всему стаду», въ немъ же насъ «Духъ Святый постави епископы пасти церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею» повелѣваетъ намъ сосудъ избранія (апостоль), который предвѣщаетъ, что въ средѣ церкви Божіей возстанутъ волки алчные, не щадящіе стада, и люди творящіе развращенное, дабы отторгать учениковъ во слѣдъ себя и потому повелѣваетъ намъ бодрствовать. Съ ужасомъ и болѣзною сердца узнали мы, что въ послѣднее время въ лонѣ Вселенскаго престола возстали таковыя люди изъ среды благочестиваго Болгарскаго народа, дерзнувшіе внести изъ мірской жизни въ церковь нѣкое новоученіе о филетизмѣ (племенномъ различіи) и образовать, въ презрѣніе божественныхъ священныхъ каноновъ, неслыханное доселѣ племенное сборище. Вотъ почему мы, препоясанные, какъ должно, ревностію о Господѣ и желая по требованію справедливости воспрепятствовать дальнѣйшему распространенію зла въ средѣ этого народа, собрались здѣсь во имя Великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Призвавъ съ сокрушеніемъ души благодать свыше отъ Отца свѣтовъ и положивъ основаніемъ для себя Евангеліе Христово, «въ немъ же суть сокровища премудрости и разума сокровенна», мы при сопоставленіи начала племеннаго дѣленія съ евангельскимъ ученіемъ и постояннымъ образомъ дѣйствія церкви усмотрѣли, что оно не только имъ чуждо, но и совсѣмъ противно. Въ то же время и противозаконныя дѣйствія, коими сопровождалось племенное сборище упомянутыхъ лицъ, мы нашли заслуживающими осужденія священныхъ правилъ.

Посему «съ услажденіемъ пріемля», со святыми богоносными отцами нашими «божественныя правила и содержа всецѣлое и

непоколебимое постановленіе сихъ правилъ, изложенныхъ отъ всехвальныхъ апостоловъ, св. трубъ Духа и отъ седми святыхъ Вселенскихъ соборовъ и помѣстно собиравшихся для изданія таковыхъ заповѣдей и отъ святыхъ отецъ нашихъ, ибо всѣ они, отъ единого и того же Духа бывъ просвѣщены, полезное узаконили», мы во св. Духѣ постановляемъ: 1) мы отвергаемъ и осуждаемъ филетизмъ, то-есть племенные различія, народныя распри, соперничества и раздоры въ Христовой церкви, какъ нѣчто противное евангельскому ученію и канонамъ блаженныхъ отцовъ нашихъ, которые составляютъ собою опору церкви и, украшая ея общество, ведутъ къ божественному благочестію. 2) Пріемлющихъ филетизмъ и дерзающихъ основывать на немъ племенные сборища мы провозглашаемъ, согласно священнымъ канонамъ, чуждыми единой, святой, католической и апостольской церкви или, что то же, схизматиками.

Посему, какъ произвольно отдѣлившихъ себя отъ православной церкви, водрузившихъ свой особый жертвенникъ и образовавшихъ особое самочинное сборище, прежде изверженныхъ и отлученныхъ отъ церкви, бывшихъ митрополитовъ Иларіона Макаріупольскаго, Панарета Филиппопольскаго, Иларіона Ловчанскаго, Анѳима Виддинскаго и нынѣ изверженныхъ бывшихъ епископовъ: Дорофея Софійскаго, Пароенія Нишавскаго, Геннадія Велесскаго и рукоположенныхъ ими архіереевъ, іереевъ и діаконовъ, всѣхъ находящихся съ ними въ общеніи и единомысліи и пріемлющихъ ихъ благословеніе и священнодѣйствіе за дѣйствительное и каноническое, какъ мірянъ, такъ и духовныхъ, всѣхъ ихъ мы объявляемъ схизматиками и отчужденными отъ православной Христовой церкви.

Опредѣляя сіе, мы молимъ всеблагаго и человеколюбиваго Бога и Господа нашего Іисуса Христа, начальника и совершителя нашей вѣры, да хранитъ Онъ свою святую церковь чистою и невредимою ото всякой скверны нововведеній; отторгшимся отъ нея да дастъ покаяніе, дабы они, пришедъ когда либо въ разумъ, отвергли свое ученіе и обратились къ единой, святой,

апостольской и католической церкви, во еже славить въ ней, со всѣми православными, великаго Ангела мира, пришедшаго умиротворить всѣхъ и возвѣститъ миръ всѣмъ ближнимъ и дальнимъ. Ему же подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе съ Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

VII.

Соборное опредѣленіе 1872 г., отлучившее отъ церкви цѣлый народъ Болгарскій и заклеившее названіемъ ереси филетизма стремленіе его высвободиться изъ-подъ исключительнаго владычества греческаго духовенства, раздражило въ высшей степени обѣ враждующія стороны и создало значительное, хотя и чисто формальное, препятствіе для мирнаго окончанія дѣла.

Поэтому, намъ необходимо нѣсколько остановиться на разборѣ этого опредѣленія и рассмотретьъ связанные съ нимъ вопросы, которые можно свести къ слѣдующимъ четыремъ: виновны ли Болгары въ филетизмѣ, правильно ли соборъ постановилъ свое рѣшеніе, какъ должна отнестись къ сему послѣднему русская Церковь и, наконецъ, какое вліяніе провозглашеніе схизмы должно было имѣть на отношенія Россіи къ Грекамъ.

Болгары обвиняются въ томъ, что они дерзнули внести изъ мірской жизни въ церковь нѣкое новое начало племенныхъ различій—филетизмъ, начало, противное Евангелію и церковнымъ канонамъ. Что же такое филетизмъ? По смыслу, вытекающему изъ соборнаго опредѣленія, это есть ученіе о томъ, что, сдѣлавшись христіанами и будучи членами единой Христовой церкви, люди желаютъ, основываясь лишь на племенныхъ различіяхъ, составлять свои особыя, народныя церкви. Впервые объ этомъ ученіи заявилъ патріархъ Анѳимъ въ окружномъ своемъ посланіи отъ 27-го Апрѣля 1872 г., слѣдующими словами: «не безызвѣстно православному народу что это возникшее въ нѣдрахъ церкви возстаніе (церковный греко-болгарскій вопросъ) и всѣ происшедшія

отсюда беззаконія болгарскихъ архіереевъ и ихъ послѣдователей вытекають изъ одного гибельнаго и противоевангельскаго начала этнофилетизма. Каждый православный христіанинъ понимаетъ, конечно, что это ненавистное начало ясно противорѣчитъ ученію Господа нашего Іисуса Христа, уничтожаетъ основные принципы христіанской любви, на которыхъ утверждается святое Евангеліе, и ниспровергаетъ самыя основы христіанской религіи, потому что ученіе Господа нашего отмѣнило всякое различіе народа и племени и объединило всѣ народы, давъ имъ одну общую мать—св. Церковь, чрезъ возрожденіе человѣческаго рода въ купели св. Крещенія, и одно общее отечество—небесный Іерусалимъ, ибо «нѣсть Элина и Іудея, варвара, Скиѳа, раба, свободнаго, но все и во всѣхъ Христосъ». Противъ этого, по истинѣ божественнаго ученія, которое проповѣдалъ какъ первое основаніе христіанства самъ Спаситель нашъ, пришедшій на землю дабы исполнить законъ, противъ этого, говоримъ, ученія и возстаютъ гибельное начало филетизма и національныхъ различій, стараясь ниспровергнуть и уничтожить это начало, которое, конечно, содѣйствіемъ доброненавистника, проникнувъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ понятія нѣкоторой части Болгарскаго народа, породило въ ней противоевангельскую мысль о національно-племенномъ различіи даже по отношенію къ той самой религіи, въ которой они искони воспитаны. Ихъ старанія и дѣйствія въ продолженіе почти 15 лѣтъ, разнообразныя притязанія противъ ихъ матери-Церкви, во многихъ мѣстахъ незаконныя и антиканоническія требованія объ уступкѣ имъ исключительныхъ привилегій и другія дѣйствія, идущія въ разрѣзъ съ установленными въ Церкви порядками, были и теперь направлены, какъ самымъ дѣломъ уже доказано, къ учрежденію собственной національной Церкви, чего никогда не было и слышно въ христіанскомъ мірѣ».

Такимъ образомъ главнымъ аргументомъ Грековъ служитъ изреченіе св. апостола Павла: «нѣсть Іудей, ни Элинъ, нѣсть рабъ, ни свободъ, нѣсть мужескій полъ, ни женскій: вси бо вы едино есте о Христѣ Іисусѣ (Гал. 3, 27, 28.). Основываясь на

немъ, Греки говорятъ, что этими словами Христосъ отмѣнилъ всякое различіе племенъ и народовъ, и христіане не должны и не могутъ различаться по своимъ народностямъ; во вторыхъ, всѣ вѣрующіе во Христа Іудеи и др. составляютъ единое, нераздѣльное тѣло Христово, единую Церковь, слѣдовательно Христосъ объединилъ въ Себѣ всѣ народы, и они не должны и не могутъ составлять своихъ отдѣльных національных Церквей.

Но ясно, что приводимый текстъ св. Павла нельзя принимать въ прямомъ его значеніи. Текстъ этотъ выражаетъ прежде всего ту мысль, что въ Церкви Христовой всѣ люди, всѣ народы совершенно равны между собою и никакой народъ не долженъ господствовать, въ смыслѣ преимущества, надъ другимъ. Эти слова, не разъ повторенныя въ посланіяхъ св. Павла, онъ постоянно направлялъ, какъ извѣстно, противъ тѣхъ Іудеевъ-христіанъ, которые думали, что и въ Новомъ Завѣтѣ Іудеи въ правѣ считать себя избраннымъ народомъ Божиимъ, какимъ были въ Завѣтѣ Ветхомъ, и преимуществовать предо всѣми прочими народами, почему и хотѣли обязывать христіанъ изъ язычниковъ къ исполненію своего обрядоваго закона.

Содержа одну и ту же вѣру, оживляясь однимъ и тѣмъ же Духомъ Святымъ, христіане въ то же время различаются между собою и по племени. Самъ апостолъ Павелъ, говоря о себѣ и св. апостолѣ Петрѣ, прибавляетъ: «мы естествомъ Іудеи» (Гал. 2, 15), и о своемъ сотрудникѣ Титѣ: «Титъ иже со мною, Эллинъ сый» (Гал. 2, 3). Греки и Русскіе, Румыны и Болгары и всѣ другіе народы могутъ содержать одну и ту же православную вѣру и быть едино во Христѣ, но въ то же время каждый изъ этихъ народовъ можетъ исповѣдывать свою вѣру на своемъ природномъ языкѣ, составляющемъ самое первое и главное отличіе всякой народности: каждый изъ этихъ народовъ можетъ имѣть у себя пастырей изъ своихъ соплеменниковъ, чтобъ они проповѣдывали ему вѣру и совершали богослуженіе на его природномъ языкѣ. Христосъ, посылая своихъ апостоловъ на всемірную проповѣдь, ниспослалъ на нихъ Духа Святаго (Дѣян. 2, 3), чтобы,

получивъ такой чудесный даръ, апостолы могли возвѣстить святую вѣру каждому народу на его природномъ языкѣ, и апостолы дѣйствительно проповѣдывали Евангеліе всѣмъ народамъ на ихъ языкахъ. Поэтому, желаніе Болгаръ имѣть у себя такихъ преемниковъ апостольскихъ, т. е. архипастырей, которые проповѣдывали бы имъ святую вѣру и совершали бы для нихъ богослуженіе на болгарскомъ или славянскомъ, то-есть понятномъ имъ языкѣ, есть желаніе, вполне согласное съ Евангеліемъ.

Стремленіе Болгаръ имѣть свою отдѣльную церковную іерархію также нисколько не противорѣчитъ евангельскому догмату о единствѣ Церкви. Отдѣльность видимаго устройства самостоятельныхъ Церквей: Антиохійской, Іерусалимской, Константинопольской, Россійской, Эллинской и др. не препятствуетъ же имъ духовно быть великими членами единого тѣла Церкви вселенской, имѣть единого главу Христа и единый духъ вѣры и благодати, причемъ единство это выражается видимо одинаковымъ исповѣданіемъ вѣры и общеніемъ въ молитвахъ и таинствахъ. Еще во времена апостольскія были основаны Церкви изъ христіанъ одного племени въ Парѣи, Индіи, Египтѣ, Испаніи, Галліи, Германіи, Британіи и пр. Послѣдующая церковная исторія представляетъ намъ, что однѣ и тѣ же Церкви, состоявшія изъ христіанъ одного племени и народности, то входили въ составъ другихъ частныхъ самостоятельныхъ Церквей и были отъ нихъ въ зависимости, то отдѣлялись отъ нихъ и сами дѣлались автокефальными, то вновь соединялись съ другими Церквами. Напримѣръ, Церковь Иверская (Грузинская) входила сначала въ составъ Церкви Антиохійской и зависѣла отъ нея; потомъ Антиохійскимъ соборомъ, какъ повѣствуетъ о томъ Вальсамонъ въ своемъ толкованіи на второе правило II Вселенскаго собора, признана автокефальною, и архіепископъ ея началъ называться каѳоликосомъ всей Иверіи; въ слѣдствіи Церковь эта зависѣла снова отъ Константинопольской и, затѣмъ, снова получила самостоятельность и, наконецъ, соединилась съ Церковью Русскою. Церковь Армянская нѣсколько времени находилась въ зависимости отъ Кесарійскаго архіепископа,

отъ котораго принималъ рукоположеніе ея архіепископъ, но вскорѣ сдѣлалась самостоятельною и архіепископъ ея, подобно Грузинскому, сталъ называться каѳоликосомъ. Церковь Русская, принявшая святую вѣру отъ Византіи, нѣсколько вѣковъ была одною изъ митрополій Константинопольскаго патріархата, но имѣла свое народное духовенство; въ 1051 году, то-есть не болѣе какъ 62 года спустя послѣ крещенія Руси, поставленъ былъ митрополитомъ Илларионъ—природный русскій. Потомъ Церковь эта получила совершенную независимость и доселѣ пребываетъ автокефальною. Церковь Болгарская точно также, какъ мы уже видѣли выше, дважды признавалась независимою и, затѣмъ, входила въ составъ Константинопольской патріархіи.

Все это доказываетъ, что во всѣ времена христіанства смотрѣли безразлично на то, состояла-ли какая либо частная Церковь изъ христіанъ одного племени и была національною, или состояла изъ христіанъ разныхъ племенъ, а также находилась ли какая либо національная Церковь въ зависимости отъ другой Церкви или пользовалась самостоятельностью, и существованіе отдѣльных народныхъ Церквей никто не признавалъ филетизмомъ, ересью, противною евангельскому ученію и догматамъ.

Допустивъ же, что все означенное является безразличнымъ предъ судомъ Евангелія, естественно, что оно оказывается безразличнымъ и предъ судомъ каноновъ. Правда, Греки оспариваютъ правильность одного изъ главныхъ основаній, выставляемыхъ Болгарами, и заключающагося въ 34 правилѣ св. Апостоловъ, а именно: «епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго въ нихъ и признавати его яко главу», — говоря, что по позднѣйшимъ толкователямъ церковныхъ правилъ — Зонарѣ, Вальсамону, Аристину, выраженіе «епископы каждаго народа» должно понимать какъ «епископы каждой области», тѣмъ болѣе, что въ 9-мъ правилѣ Антіохійскаго собора 341 года говорится: «въ каждой области епископамъ должно вѣдати епископа въ митрополіи начальствующаго и имѣющаго попеченіе о своей области». Но для уразумѣнія этого кажущагося противорѣчія не-

обходимо помнить, что правила апостольскія существовали и дѣйствовали въ три первые вѣка христіанства до императора Константина Великаго, а всѣ правила соборовъ Вселенскихъ и помѣстныхъ, въ томъ числѣ и Антіохійскаго, писались уже послѣ того, какъ церковь христіанская сдѣлалась господствующею, при императорѣ Константинѣ, въ предѣлахъ Римской имперіи, и когда Церковь была уже раздѣлена, для удобства въ управленіи, на округи—діоцезы и области или провинціи, примѣнительно къ гражданскому раздѣленію Римской имперіи, чего въ три первые вѣка не было. Въ періодъ господства этого раздѣленія въ Церкви очень естественно, если выраженіе апостольскаго правила «епископы cadaго народа» постоянно замѣнялось въ правилахъ соборовъ выраженіемъ «епископы каждой области», и если позднѣйшіе толкователи также замѣняли означенное выраженіе правила апостольскаго по примѣру соборовъ.

Если же припомнить, что Болгарская церковь была самостоятельна и независима, и что Константинопольскій патріархъ разными происками подчинилъ ее себѣ, если не въ 1767 году, какъ утверждаютъ Болгары (что мы имѣли уже случай опровергнуть, приведя доказательства того, что уничтоженная патріархомъ Самуиломъ автокефальная Охридская архіепископія была архіепископіей Греческою), то, во всякомъ случаѣ, около 1393 года, то, въ такомъ случаѣ, приводимое обыкновенно Греками въ свою пользу правило обратится противъ нихъ и въ пользу Болгаръ. Правило это слѣдующее: «никто изъ епископовъ да не простираетъ власти на иную епархію, которая прежде и изначала не была подъ рукой его или его предшественниковъ... но аще кто простеръ и насильственно себѣ подчинилъ какую-либо епархію, да отдастъ оную; да не преступаются правила отцевъ... Святому и Вселенскому собору угодно, чтобы всякая епархія сохраняла въ чистотѣ и безъ стѣсненія изначала принадлежащія ей права по обычаю, издревле утвердившемуся (III Всел. соб. 8, I Всел. соб. 6, 15).

Болгарскіе епископы желаютъ возстановленія ихъ собствен-

ной церковной области, находившейся подъ рукой ихъ предшественниковъ, желаютъ, чтобы возвращены были ей законныя права, изначала ей принадлежавшія. На основаніи приведеннаго правила, можно обвинять скорѣе самого патріарха въ томъ, что въ 1393 г. простеръ онъ свою власть на Церковь Болгарскую, бывшую дотолѣ за предѣлами его области, или на иную епархію, которая прежде не была подъ его рукой и посягнулъ на права, изначала ей принадлежавшія.

Не выдерживаетъ критики и мысль, будто независимость (автокефальность) Церкви обусловливается политическою независимостью народа или извѣстной страны. Въ отношеніи къ цѣлымъ народамъ, вступавшимъ въ христіанское общество, издревле существовало въ церковной практикѣ слѣдующее начало церковнаго управленія, освященное св. соборами: каждая вновь основанная Церковь становилась въ зависимость отъ той Церкви, отъ которой она получала свое первоначальное происхожденіе и устройство. Затѣмъ, если эта вновь устроенная Церковь постепенно увеличивалась въ своихъ внѣшнихъ предѣлахъ, все болѣе и болѣе крѣпла въ своихъ нравственныхъ силахъ, тогда она получала право автокефальности или независимости, тѣмъ болѣе если члены ея составляли особую націю.

Если вселенская Церковь въ порядкѣ церковнаго управленія слѣдовала порядку гражданскаго раздѣленія властей, то не потому, что признавала этотъ принципъ раздѣленія церковной власти единственнымъ и безусловно обязательнымъ для нея, а потому, что онъ большею частью былъ сообразенъ съ ея чисто нравственными цѣлями. Тамъ же, гдѣ чрезъ подчиненіе этому гражданскому принципу распредѣленія церковной власти она видѣла явный ущербъ для своихъ церковныхъ интересовъ, она отступала отъ него. Напримѣръ, когда во время нашествія иноплеменниковъ на Восточную имперію, епископы оставили свои епархіи и принуждены были жить въ отдаленіи отъ нихъ, тогда Трульскій соборъ *Quini sexte* въ 692 году 37-мъ своимъ правиломъ опредѣлилъ сохранить для этихъ епископовъ право вла-

сти надъ ихъ епархіями, замѣтивъ, что: «нуждою времени и препятствіями въ соблюденіи точности не должны стѣсняемы были предѣлы управленія». Слѣдовательно, порядокъ своего управленія Церковь никогда не ставила въ безусловную зависимость отъ порядка политическаго или гражданскаго подчиненія. Когда христіанскіе Востокъ и Западъ были подъ скипетромъ одного могущественнаго Рима, эта политическая зависимость восточныхъ христіанъ отъ римской власти нисколько не мѣшала имъ сохранять свою самостоятельность въ церковномъ отношеніи.

Кромѣ того, не на томъ ли самомъ принципѣ основываютъ свое автокефальное существованіе отдѣльныя церкви Александрійская, Іерусалимская, Антіохійская, Кипрская.

Изъ всѣхъ этихъ доказательствъ ясно вытекаетъ, что желаніе Болгаръ имѣть свою народную церковь не имѣло ничего еретическаго, достойнаго быть клейменнымъ именемъ филетизма. Наконецъ, самымъ лучшимъ опроверженіемъ подобнаго предположенія служить то обстоятельство, что сами патріархи вселенскіе Григорій VI и Анѳимъ не считали только что высказанное желаніе Болгаръ схизматическимъ, иначе они не предлагали бы имъ извѣстныхъ своихъ проектовъ, въ которыхъ соглашались на образованіе особаго болгарскаго церковнаго округа со внутреннимъ самоуправленіемъ, подъ властью Болгарскаго экзарха, проектовъ, не разрѣшившихъ распри только благодаря разногласію, возникшему по опредѣленію территоріальныхъ границъ будущаго экзархата. Иначе, обоихъ патріарховъ мы должны были бы признать зараженными тою самою ересью филетизма, которую, затѣмъ они сами такъ торжественно осудили на соборѣ 1872 года.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію втораго вопроса,—правильно ли постановилъ соборъ свое рѣшеніе.

Когда патріархъ Григорій VI предлагалъ созваніе собора для разрѣшенія греко-болгарской распри, то онъ имѣлъ въ виду соборъ вселенскій, то есть составленный изъ іерарховъ, пред-

ставителей всѣхъ самостоятельныхъ православныхъ Церквей. Что же мы видимъ въ дѣйствительности на соборѣ 1872 года? Изъ 32-хъ присутствовавшихъ на немъ архипастырей только трое: патріархи Антіохійскій, Александрійскій и архіепископъ Кипрскій, не принадлежали къ Константинопольской патріархіи, да и то патріархъ Софроній, по рукоположенію и служенію своему до избранія на александрійскій престолъ, принадлежалъ все къ той же Константинопольской Церкви. Патріархъ же Іерусалимскій, какъ мы видѣли выше, уѣхалъ за два дня до соборнаго опредѣленія, отказавшись подписать схизму, за что подвергся неслыханнымъ преслѣдованіямъ со стороны греческаго братства Св. Гроба и Турецкаго правительства.

Всѣ же прочіе архіереи, участвовавшіе въ соборѣ, принадлежали къ Константинопольской Церкви и, слѣдовательно, являлись заинтересованною стороною и судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ, въ спорѣ ихъ патріархіи съ Болгарами. Къ тому же изъ числа ихъ только нѣкоторые имѣли свои епархіи и, слѣдовательно, имѣли право присутствовать и подавать рѣшающій голосъ на помѣстномъ соборѣ своего церковнаго округа, а другіе были только епископы титулярные, не имѣвшіе ни епархій, ни отдѣльныхъ приходовъ, или оставившіе свои каѳедры, какъ прежде бывшіе патріархи Іоакимъ и Григорій VI.

Но что всего важнѣе, приглашенные на Константинопольскій соборъ архипастыри были лишены той духовной свободы, какая необходима была имъ для безпристрастнаго обсужденія спорнаго вопроса. Они были созваны не для того, чтобы обсуждать его и рѣшить, а для того только, чтобы подписать уже предрѣшенное осужденіе Болгарскому народу. Мирные голоса нѣкоторыхъ архіереевъ не только заглушались неистовыми воплями уличной сволочи, но и сопровождались для нихъ оскорбленіями.

Едва успѣли восточные іерархи—Іерусалимскій, Антіохійскій и Кипрскій, прибыть въ Константинополь и начали обнаруживать миролюбивое настроеніе и высказывать мысли о возможности

соглашенія между Константинопольской патріархіей и Болгарами, какъ толпа нафанатизованнаго греческаго народа, возбужденная крайнею фанаріотскою партіей, явилась къ патріарху съ требованіемъ немедленно открыть соборъ и провозгласить Болгаръ схизматиками, и святѣйшій Анѳимъ имѣлъ слабость отвѣчать толпѣ, что желаніе ея будетъ исполнено. Чрезъ нѣсколько времени, какъ мы видѣли, вселенскому патріарху было подано новое прошеніе за 15-ю тысячами подписей, съ новымъ требованіемъ поспѣшить объявленіемъ болгарскаго раскола и патріархъ снова отвѣчалъ, что рѣшеніе собора будетъ вполнѣ согласно съ ихъ просьбой.

Когда на предварительныхъ совѣщаніяхъ, Константинопольскій патріархъ заявилъ о своемъ намѣреніи провозгласить болгарскій расколъ и патріархи: Іерусалимскій, Антіохійскій и архіепископъ Кипрскій, открыто выразили свое несогласіе, къ нимъ являлись депутація за депутаціею, чтобы заставить ихъ перейти на сторону святѣйшаго Анѳима, ихъ убѣждали, отъ нихъ настоятельно требовали уступить желанію народа и, обвиняя ихъ въ измѣнѣ эллинизму и православію, въ продажѣ себя Россіи и ея панславистскимъ замысламъ, имъ угрожали даже буйною расправой недовольной толпы.

Соборъ наконецъ открылся. Въ первомъ засѣданіи, 29-го августа, избралъ онъ только комиссію изъ десяти членовъ для составленія очерка исторіи болгарскаго вопроса и соображенія тѣхъ правилъ, которыя должны быть примѣнены къ его извѣстному рѣшенію; во второмъ засѣданіи, 11-го сентября онъ рѣшилъ поручить опять комиссіи составить самое опредѣленіе о провозглашеніи болгарской схизмы, а въ третьемъ и послѣднемъ засѣданіи, 16-го сентября, — принялъ и подписалъ это опредѣленіе.

Въ былыя времена, Церковь въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовала всегда съ мудрою медлительностью и никогда не забывала приглашать на соборы и противную сторону, дабы имѣть возможность подробно и всесторонне изучить вопросъ и постано-

вить рѣшеніе вполнѣ безпристрастное, достойное собранія православныхъ іерарховъ.

Не то видимъ мы въ данномъ случаѣ. Нынѣ Церковь спѣшитъ рѣшеніемъ вопроса первостепенной важности; забывъ духъ христіанской любви, которымъ она должна была бы быть исполнена, она умышленно отвращаетъ уши отъ совѣтовъ умѣренности и благоразумія, которые люди неослѣпленные стараются давать ей, хотя и безуспѣшно. Церковь допускаетъ въ церковныхъ преніяхъ преобладаніе политическихъ страстей и не препятствуетъ мірянамъ имѣть губительное и незаконное вліяніе на постановленія, принадлежащія исключительно духовенству.

Соборъ былъ созванъ для того, чтобы судить Болгаръ, но никто изъ Болгаръ, ни изъ представителей ихъ не былъ, вопреки яснымъ священнымъ правиламъ (Апост. 74, Карѳаг. 28), позванъ въ засѣданія для защиты своего дѣла, тогда какъ каноны предписываютъ пригласить, и притомъ троекратно, обвиняемыхъ лицъ явиться на соборъ.

Константинопольскій же соборъ 1872 года ни разу не призывалъ въ свои засѣданія ни одного изъ обвиняемыхъ епископовъ, не выслушалъ ихъ объясненій, ихъ оправданій, ихъ желаній, не предлагалъ имъ никакихъ убѣжденій и условій, которымъ они, быть можетъ, и покорились бы, а заочно осудилъ ихъ и предалъ анаѳемѣ вмѣстѣ со всею ихъ паствою.

Арію и Македонію, съ ихъ единомышленниками, дозволено было первымъ и вторымъ вселенскими соборами вести свое дѣло на условіяхъ, равныхъ съ защитниками православія, то есть не только защищаться противъ возведенныхъ на нихъ обвиненій, но и дѣлать возраженія своимъ противникамъ. Почему же Греческая Церковь XIX вѣка отказала обвиняемымъ въ правѣ, которое признавала за ними та же Церковь IV и V и далѣе вѣковъ?

Затѣмъ, между архипастырями, созванными на соборъ для суда надъ болгарскими епископами, не было согласія во мнѣніяхъ. Мы уже видѣли какъ относились къ вопросу патріархи Алексан-

дрійскій и Антіохійскій и архієпископъ Кипрскій, заявившіе свое несогласіе съ святѣйшимъ Аноимомъ въ началѣ работъ собора, и патріархъ Іерусалимскій, сохранившій свое мнѣніе непреклонно до конца и даже уѣхавшій, чтобы только не подписывать соборнаго опредѣленія, съ которымъ онъ не соглашался.

Между тѣмъ, по канонамъ церкви (Антіохійск. 14), собору, собравшемуся для суда надъ епископами при обнаружившемся разногласіи во мнѣнія, не слѣдовало постановлять рѣшенія, а надлежало предварительно пригласить нѣсколькихъ другихъ епископовъ изъ ближайшей церковной области, которые вновь разсудили бы дѣло и разрѣшили бы сомнѣнія, и только вмѣстѣ съ ними постановить и утвердить опредѣленіе.

Все это вмѣстѣ взятое доказываетъ, что соборное рѣшеніе не было плодомъ искренняго убѣжденія членовъ собора, а было лишь выраженіемъ мнѣнія одной партіи, которая, увлекаясь своими страстями, вовсе не заботилась о правильномъ разрѣшеніи вопроса и воспользовалась слабостью вселенскаго патріарха и большей части остальныхъ членовъ собора, чтобы однимъ ударомъ положить конецъ домогательствамъ Болгаръ, поставить послѣднихъ въ безвыходное положеніе и заставить ихъ отказаться отъ мысли, которую они лелѣяли столько времени. Такимъ образомъ, мы не можемъ не придти къ убѣжденію, что соборъ постановилъ рѣшеніе канонически неправильное и что отцы церкви, долженствующие быть блюстителями цѣлостности церковныхъ постановленій и карателями нововведеній, хотя и выставляли себя оградителями Церкви отъ нововводимаго въ нее принципа, который, съ ихъ точки зрѣнія, долженъ измѣнить весь нынѣшній порядокъ дѣленія православныхъ церквей, явились въ сущности слѣпыми орудіями политическихъ страстей, которыя, казалось, должны были бы быть изгнаны изъ собранія святителей православнаго Востока.

Въ какое же отношеніе должна была стать русская Церковь къ завѣдомо-неканоническому опредѣленію Константинопольскаго собора?

Только вселенская Церковь, только вселенскіе соборы, составленные, по возможности, изъ архипастырей всей Церкви, непогрѣшимы и не могутъ уклоняться отъ христіанской истины, а Церкви частныя, какъ бы онѣ ни были обширны и знамениты, равно и помѣстные соборы, какъ бы ни было велико на нихъ число архипастырей, могутъ погрѣшать и уклоняться отъ истины. Потому, только опредѣленія вселенскихъ соборовъ обязательны для всѣхъ частныхъ Церквей, какъ и для всѣхъ въ отдѣльности вѣрующихъ, и не принимать этихъ опредѣленій, не подчиняться имъ, или относиться къ нимъ критически никому изъ вѣрующихъ не позволительно. Опредѣленія же помѣстныхъ соборовъ, какимъ былъ и Константинопольскій 1872 года, обязательно лишь для тѣхъ Церквей, архипастыри которыхъ на нихъ присутствовали, а для всѣхъ прочихъ самостоятельныхъ Церквей нисколько не обязательны. Могутъ онѣ и принять эти опредѣленія, но только по собственному усмотрѣнію, если признаютъ ихъ согласными съ ученіемъ вѣры и канонами; могутъ и не принять, если признаютъ несогласными съ ученіемъ вѣры и канонами.

Былъ у насъ великій соборъ въ 1667 году, на которомъ присутствовало тридцать архипастырей, въ томъ числѣ, кромѣ нашего патріарха—еще два греческіе, — Антіохійскій и Александрійскій, — соборъ, между прочимъ, постановившій рѣшеніе не перекрещивать впредь католиковъ при обращеніи ихъ въ православіе. Этого рѣшенія нашего собора не приняла и доселѣ не принимаетъ Греческая Церковь, продолжающая ихъ перекрещивать, и, однако, ни мы, Русскіе, не объявляли за то Грековъ раскольниками, ни Греки не переставали считать насъ православными и не прерывали братскаго общенія съ нами по дѣламъ вѣры и церкви.

Точно такимъ же образомъ и русская Церковь имѣла и имѣетъ полное право, не принимая рѣшенія Константинопольскаго собора, не признавать Болгаръ раскольниками, а продолжать считать ихъ нашими братьями по вѣрѣ и православію, не

разрывая въ то же время и нашей связи съ Греками, такъ какъ если Константинопольскій соборъ и погрѣшилъ, то отнюдь не въ догматахъ вѣры, не въ ученіи православія, а только по вопросу, касающемуся церковнаго управленія. Отъ такой погрѣшности нисколько не потерпѣла наша святая, католическая и апостольская вѣра, единая у насъ съ Греками, а потому мы и можемъ, не соглашаясь въ рѣшеніи болгарскаго вопроса съ Греками, сохранять съ этими послѣдними прежній церковный союзъ и считать ихъ нашими братьями во Христѣ.

Поэтому и отношенія наши къ обѣимъ враждующимъ сторонамъ не должны были мѣняться съ точки зрѣнія церковной и послѣ соборнаго опредѣленія 1872 года. Съ самаго начала и во все продолженіе печальной распри, роль наша заключалась въ томъ, чтобы, не раздражая обѣихъ сторонъ, вести ихъ всякими мѣрами къ взаимному примиренію, къ мирному разрѣшенію ихъ недоразумѣній и всячески предупреждать между ними полный и безвозвратный разрывъ. Главною конечною цѣлью нашей политики въ этомъ вопросѣ, по прежнему, оставалось достиженіе полюбовнаго соглашенія Константинопольскаго патріарха съ Болгарами для спокойствія и утвержденія православной церкви на Востокѣ, въ чемъ заинтересованы одинаково и Болгары и Греки.

Не считая приговора Константинопольскаго собора окончательнымъ и подлежащимъ измѣненію, наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ разослало тогда же своимъ агентамъ предписаніе, въ которомъ разъясняло необходимость убѣждать какъ Грековъ, такъ и Болгаръ приступить къ уступкамъ, оставивъ бесполезныя препирательства, которыя, не подвигая нисколько разрѣшенія вопроса, лишь разжигаютъ страсти, производятъ соблазнъ въ церкви и усугубляютъ рознь между двумя православными народами, которые, конечно, могли бы добиться значительно бѣльшихъ результатовъ, живя въ мирѣ и братскомъ единеніи, чѣмъ враждуя между собою. Приглашая своихъ агентовъ проводить мысли эти между единовѣрцами нашими въ Турціи, министерство поручало имъ въ то же время дѣйствовать въ этомъ

дѣлѣ съ крайнею осторожностью, не обнаруживая при томъ пристрастія къ какой либо сторонѣ.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію послѣдняго поставленнаго нами вопроса объ участіи Грековъ и тогдашняго Греческаго правительства въ дѣлѣ провозглашенія схизмы.

Ранѣе мы имѣли случай видѣть, какъ Греки измѣняли постепенно характеръ отношеній своихъ къ Россіи въ нынѣшнемъ столѣтіи, какъ мѣсто беззавѣтной преданности покровительницѣ православія заступило все болѣе и болѣе усиливавшееся недовѣріе къ могущественной сѣверной Державѣ, естественной покровительницѣ Балканскихъ Славянъ. Въ шестидесятихъ годахъ, греческіе публицисты уже на всѣ лады доказывали неapolитичность союза съ Россіей и заклинали своихъ соотечественниковъ стать въ ряды противниковъ этой послѣдней, пріискавъ себѣ союзниковъ между западными державами.

Въ 1868 году, послѣ неудачнаго исхода Критскаго возстанія, въ Греціи было впервые напечатано мнимое завѣщаніе Петра Великаго въ переводѣ на греческій языкъ и было въ громадномъ количествѣ экземпляровъ роздано даромъ народу съ цѣлью просвѣтитъ его насчетъ завоевательныхъ плановъ Россіи относительно Востока. Тогда же появилась масса статей и листовъ, въ которыхъ развивалась мысль о томъ, что Россія есть единственный врагъ Греческой Церкви и которые проникали какъ въ высшіе, такъ и въ низшіе слои населенія.

Увидя поддержку, оказанную нашимъ посольствомъ Болгарамъ въ ихъ распрѣ съ патріархіей, напуганные призракомъ панславизма, которому они приписываютъ исключительно завоевательные замыслы, и надѣясь на свое возрожденіе въ объятіяхъ антиславянской Европы, Греки возымѣли мысль прибѣгнуть къ духовному оружію, чтобы отдѣлится отъ Славянъ и провозгласить раскольниками сначала Болгаръ, а за ними, если можно, и остальныхъ Славянъ.

Въ данномъ случаѣ старанія Грековъ облегчились тѣмъ обстоятельствомъ, что политическія стремленія ихъ сошлись съ не-

желаніемъ вполнѣ естественнымъ Константинопольскаго патріарха утратить области, приносившія ему богатые доходы, и вотъ духовные и міряне стали дружно дѣйствовать въ одномъ направленіи. Поддержка Греческаго правительства не замедлила придти къ нимъ на помощь, изъ желанія, конечно, собрать въ будущемъ за то обильные плоды. Не рѣшаясь дѣйствовать открыто противъ Россіи, оно давало самыя успокоительныя завѣренія нашему посланнику въ Аѳинахъ, давало оффиціально примирительныя инструкціи своему представителю въ Константинополь, между тѣмъ какъ подъ рукой дѣйствовало въ совершенно противоположномъ направленіи. Внимательное изученіе дипломатическихъ документовъ поневолѣ приводитъ къ убѣжденію, что въ періодъ, предшествовавшій провозглашенію схизмы, импульсъ былъ даваемъ Аѳинами: тамошніе агитаторы желали довести дѣло до разрыва съ Болгарами и постарались оказать могущественное давленіе на возбужденные умы Константинопольскихъ Грековъ, впечатлительныхъ, исполненныхъ предразсудками и настроенныхъ враждебно къ Славянамъ. Крайняя греческая партія получала свой лозунгъ изъ Аѳинъ, и оттуда шли къ ней самыя пагубныя внушенія: изъ Аѳинъ же прибыли въ Константинополь многочисленные эмиссары, которымъ удалось укрѣпить въ тамошнихъ народныхъ массахъ, хотя быть можетъ и на недолгое время, тѣ чувства ненависти къ Россіи и Славянамъ, которыя доселѣ гнѣздились лишь въ умахъ нѣкоторыхъ журналистовъ и фанаріотскихъ ораторовъ.

Наконецъ, во время самаго собора, двусмысленное поведеніе Аѳинскаго синода и его представителя архіепископа Ликурга, было поразительнымъ контрастомъ съ твердымъ и достойнымъ положеніемъ, принятымъ блаженнѣйшимъ Кирилломъ Іерусалимскимъ. Невозможно, въ самомъ дѣлѣ, отвергать, что провозглашеніе схизмы было вызвано въ значительной степени присылкой сюда архіепископа Сирскаго, а также искусственнымъ возбужденіемъ Фанара эмиссарами, получавшими свои инструкціи изъ Аѳинъ.

Успѣху интригъ архіепископа Ликурга, архимандрита Калугераса и многихъ подобныхъ имъ личностей, — дѣйствовавшихъ, по ихъ словамъ, отъ имени Аѳинскаго синода и министерства Делигеоргія, обманутаго ложною надеждой на поддержку Англійскаго правительства, — способствовало, между прочимъ, и то, что во все продолженіе остраго періода греко-болгарскаго вопроса, въ Константинополѣ, какъ нарочно, не было греческаго посланника, а лишь простой повѣренный въ дѣлахъ, по своему оффиціальному положенію лишенный необходимаго авторитета для противодѣйствія, еслибъ онъ даже того искренно хотѣлъ, всѣмъ этимъ тайнымъ проискамъ. Къ тому же, несвоевременно выраженное Аѳинскимъ синодомъ одобреніе всѣхъ предшествующихъ мѣръ и предложеній вселенскаго патріарха, значительно повліяло на восточныхъ іерарховъ, бывшихъ на соборѣ, въ дѣлѣ согласія ихъ на схизму. Не имѣя же этого предварительнаго согласія Аѳинскаго синода на схизму, соборъ, утратившій уже свою нравственную цѣлостность, благодаря отсутствію патріарха Іерусалимскаго, вынужденъ былъ бы остановиться на какомъ либо полюбовномъ рѣшеніи вопроса.

Оставивъ даже всѣ эти обстоятельства въ сторонѣ, мы не можемъ не привести факта болѣе значительнаго, чѣмъ искусственно въ Фанарѣ возбужденное эллинскими эмиссарами волненіе, а именно, присылку изъ Аѳинъ денежныхъ средствъ вселенскому патріарху съ очевидною цѣлью удержать его на томъ опасномъ пути, на который его натолкнули. Греція съ своими разстроенными финансами находила, однако, средства высылать въ Константинополь значительныя денежныя суммы съ цѣлью посѣвать и увеличивать раздоры въ лонѣ православной Церкви.

Въ началѣ 1872 года, святѣйшему Анѳиму была выслана тысяча турецкихъ лиръ, переданная ему чрезъ посредство Греческой миссіи въ Константинополѣ, въ октябрѣ же мѣсяцѣ того же года Делигеоргій прислалъ патріарху чрезъ своего эмиссара, журналиста Потаміано, три тысячи фунтовъ стерлинговъ, которыя были обѣщаны святѣйшему Анѳиму въ то время, когда

онъ еще колебался провозгласить отдѣленіе Болгаръ отъ Константинопольской церкви, говоря, что въ такомъ случаѣ Вселенскій престолъ лишится бѣльшей части своихъ доходовъ. При передачѣ этихъ трехъ тысячъ фунтовъ, патріарху были обѣщаны и дальнѣйшія субсидіи подѣ тѣмъ, говорятъ, условіемъ, что его святѣйшество будетъ продолжать являться послушнымъ орудіемъ ненависти къ Россіи и вражды Эллиновъ къ славянскому міру.

Всѣ эти факты достаточно ясно доказываютъ двоедушіе и коварство тогдашняго греческаго перваго министра, старавшагося всѣми возможными тайными средствами подорвать наше вліяніе на греческихъ единовѣрцевъ нашихъ на Балканскомъ полуостровѣ и, внушивъ имъ подозрительность къ безкорыстію цѣлей, преслѣдуемыхъ Россіей, вселить въ нихъ ненависть къ этой послѣдней державѣ.

Конечно, мы далеки отъ мысли обвинять за этотъ образъ дѣйствій министерства Делигеоргія весь греческій народъ поголовно. Масса, общность народа здорова, заслуживаетъ искренняго расположенія и симпатіи, тѣмъ болѣе, что обаяніе единства вѣры съ великою сѣверною имперіей осталось пока неприкосновеннымъ среди этихъ первобытныхъ паликаровъ.

Но нельзя не выдѣлить изъ народной массы той, къ сожалѣнію, многочисленной партіи эллинскихъ политикановъ, адвокатовъ и вообще людей стоявшихъ тогда близко къ эллинскимъ руководящимъ сферамъ и даже направлявшихъ ихъ. Среди нихъ движеніе крайней фанарской партіи, съ самаго начала, нашло себѣ сочувственный отголосокъ, они протянули ей руку и увлекли за собою на этотъ скользкій путь даже большую часть эллинскаго духовенства, внеся политическія страсти въ священную ограду Аѣинскаго синода, гдѣ преодолѣли въ концѣ концовъ самыя крайнія мнѣнія. Благоразумные, умѣренные элементы народа не съумѣли и не смогли справиться съ демагогическимъ духомъ, который всегда составлялъ несчастіе Греціи и который въ этомъ случаѣ особенно далъ себя почувствовать.

Среди общаго безсилія, демагогіи выпала тѣмъ болѣе бле-

стоящая роль, что на помощь ей пришла печать, пользующаяся двойнымъ преимуществомъ безотвѣтственности и неограниченной свободы и которая вліяла на религіозный фанатизмъ и невѣжество народныхъ массъ, хотя этимъ самымъ и работала противъ истинныхъ интересовъ Церкви.

Съ другой стороны, нельзя оспаривать, что отвѣтственность за дѣйствія лицъ, стоящихъ во главѣ народа, падаетъ на всю массу народа, которая своимъ безмолвіемъ какъ бы одобряетъ и даетъ санкцію дѣйствіямъ этихъ лицъ и дѣлается нѣкоторымъ образомъ солидарною съ ихъ политикой.

Такое направленіе, принятое эллинскою политикой, та слѣпая и неразумная ненависть, которую Греки стали не стѣсняясь выказывать къ Россіи, а равно и принятіе соборомъ греческихъ іерарховъ рѣшеній прямо противныхъ всѣмъ нашимъ совѣтамъ—все это неминуемо должно было отразиться на характерѣ отношеній нашихъ къ Греціи, которой необходимо надо было дать понять, какимъ ложнымъ путемъ она слѣдовала, желая увеличить бездну между собою и славянскимъ міромъ и какая ошибка была сдѣлана эллинскимъ синодомъ, когда онъ не захотѣлъ составить съ нашимъ синодомъ, патріархомъ Іерусалимскимъ, митрополитомъ Сербскимъ и Румынскимъ духовенствомъ того противовѣснѣ вліянію крайней фанаріотской партіи, благодаря которому можно бы было достигнуть возстановленія согласія въ православномъ мірѣ.

Съ начала настоящаго столѣтія большая часть нашихъ затрудненій съ Портой и съ западными державами происходила изъ-за поддержки, которую мы оказывали грекамъ въ ихъ препирательствахъ съ турками; изъ всѣхъ единовѣрцевъ нашихъ на Востокѣ греческій народъ по своей подвижности причинилъ намъ наиболѣе хлопотъ, поддерживая къ намъ въ Туркахъ ненависть, а въ Европѣ недовѣріе. Чѣмъ же намъ отплатила Греція за всѣ наши попеченія о ней? Въ 1872 году она доказала, что, пользуясь нами для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей, она смотритъ на Россію, какъ на силу, которою, при надобности, мож-

но пользоваться, но отъ которой можно отрицаться, которую можно осыпать ругательствами, лишь только пройдетъ надобность въ ея поддержкѣ, въ ея услугахъ.

Обязанностью Россіи было дать почувствовать греческому правительству, что, дѣйствуя въ духѣ политики Делигеоргія et consortes, оно неразумно вступило на опасный и скользкій путь, желая создать политическій и религіозный антагонизмъ между собою и великою державою, трактатомъ 1829 года создавшею самое существованіе управляемой имъ страны.

Враждебное настроеніе Греціи къ Россіи ясно обрисовалось въ 1872 г. и сдѣлалось неоспоримымъ фактомъ, съ которымъ отнынѣ нужно было считаться и отрицать который или даже закрывать глаза на который было недозволительно, такъ какъ насколько въ политикѣ необходима правильная и точная оцѣнка происходящихъ событій, настолько же самообольщеніе опасно.

Мы уже не могли быть къ Греціи, направляемой Делигеоргіемъ, послѣ всего происшедшаго, столь же горячо благосклонными, какъ прежде, и наши новыя отношенія къ ней должны были носить до поры до времени печать нѣкоторой сдержанности и осторожности. Подобный характеръ нашихъ отношеній проистекалъ изъ силы вещей и сознанія нашего собственнаго достоинства. Словомъ, было необходимо, чтобы въ Аѣинахъ знали, что Россія не потерпитъ, чтобы ее лишь эксплуатировали тѣ, которые оскорбляютъ ее и называютъ себя злѣйшими ея врагами, такъ какъ сила, деньги и вліяніе Россіи должны принадлежать исключительно и прежде всего Россіи и употребляться на защиту ея истинныхъ интересовъ и было бы по меньшей мѣрѣ страннымъ, если бы мы стали приносить ихъ въ жертву Грекамъ, вовсе не желающимъ прислушиваться къ совѣтамъ, даваемымъ имъ нами не съ какою либо корыстною или себялюбивою цѣлью, а въ видахъ достиженія великаго результата, который, казалось, долженъ бы былъ быть одинаково дорогъ и Грекамъ и намъ—достиженія мира и согласія въ православной Церкви.

Изъ того обстоятельства, что Россія—естественная защитница своихъ единовѣрцевъ на Балканскомъ полуостровѣ, вовсе не слѣдуетъ, что мы утратили свободу дѣйствій и способность правильно оцѣнять событія и что мы должны распинаться за Эллиновъ, когда они, осыпавъ насъ предварительно всякою бранью, сдѣлають намъ честь предложить вытащить для нихъ каштановъ изъ огня.

Чтобы охарактеризовать тогдашнее направленіе греческой миссіи въ Константинополѣ, не безынтересно привести одинъ эпизодъ, случившійся около этого времени.

За нѣсколько дней до отъѣзда отозваннаго изъ Константинополя австро-венгерскаго посланника графа Лудольфа, явился къ нему Симось, чтобы изложить ему свои соображенія о положеніи Грековъ въ Турціи. По его словамъ, схизма была провозглашена для того, чтобы пріобрѣсти греческому дѣлу сочувствіе Англіи и Австро-Венгріи. Сжигая, такъ сказать, свои корабли, Греки хотѣли дать этимъ обѣимъ державамъ и самой Турціи прочный залогъ своей искренности. Если же между Россіей и Австріей установилось уже соглашеніе, о которомъ разнеслись тогда слухи, то, по мнѣнію Симоса, необходимо объ этомъ предупредить Грецію, дабы и она могла примириться съ Россіей. Затѣмъ, греческій посланникъ подробно распространился о выгодахъ соглашенія между эллинизмомъ и Австро-Венгріей на почвѣ восточнаго вопроса, благодаря которому славянскій элементъ на югъ отъ Балкановъ поддается непреодолимому вліянію эллинизма, тогда какъ Австрія легко справиться съ нимъ въ странахъ на сѣверъ отъ Балкановъ.

Графъ Андраши не одобрилъ, однако, переданныхъ ему плановъ Симоса, клонившихся ни болѣе, ни менѣе какъ къ раздѣлу Оттоманской имперіи.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ прибавить, что изліянія г. Симоса происходили помимо какихъ либо приказаній короля Георга, ничего даже о нихъ не знавшаго, и служили лишь отраженіемъ мнѣній руководящихъ классовъ свободной Эллады.

Такимъ образомъ, дѣлая общій сводъ всему предшествующему, нельзя не признать вполне естественнымъ, что съ 1872 г. Россія была вынуждена по отношенію къ Греціи къ болѣе сдержанной политикѣ въ ожиданіи того горячо желаемого ею времени, когда Эллины искренно сознаютъ, что они слѣдуютъ ложнымъ путемъ, что нечего имъ бояться призраковъ панславизма, такъ какъ Эллинамъ и Славянамъ есть достаточно мѣста подъ солнцемъ и что, наконецъ, Россія не ищетъ какой-либо гегемоніи по отношенію къ народностямъ, заселяющимъ Балканскій полуостровъ, а желаетъ лишь, чтобы эти послѣднія, мирно живя въ союзѣ между собою, работали дѣлу своего національнаго развитія.

Что же касается до высшаго греческаго духовенства, выказавшаго въ 1872 году столь недружелюбныя къ Россіи чувства, то наше правительство послѣдовало пословицѣ «бей рублемъ» и секвестровало доходы съ бессарабскихъ имѣній, принадлежащихъ заграничнымъ греческимъ монастырямъ, благодаря чему доходы съ русскихъ земель перестали идти на поддержку агитаціи, направленной прямо противъ Россіи.

VIII.

Объявленіе схизмы въ разныхъ странахъ было встрѣчено различно. Въ Константинополѣ оно, разумѣется, вызвало радость и ликованіе. Послѣ обѣдни въ самой патріаршей церкви, одинъ изъ мірянъ произнесъ горячую рѣчь о побѣдѣ, только что одержанной надъ панславизмомъ, успѣхамъ котораго положенъ-де теперь непреодолимый предѣлъ. Рѣчь оратора была покрыта восторженными кликами наэлектризованной толпы: «да здравствуетъ султанъ, покровитель православія противъ панславизма! Да здравствуетъ Синодъ! Да здравствуетъ архіепископъ Ликургъ!»

Довольно странно звучали эти клики, восхваляющіе султана, подъ темными сводами православной патріархіи, на воротахъ

которой еще сравнительно такъ недавно колыхался трупъ святѣйшаго Григорія, повѣшеннаго предшественникомъ и отцомъ того же самаго султана, который нынѣ выставлялся какъ покровитель православія.

Въ Египетъ, Грецію, Румынію и даже Россію посланы были агенты за сборомъ денегъ для борьбы Грековъ со славянствомъ, и архіепископъ Ликургъ отправился тогда же на Аѳонъ проповѣдывать вражду противъ Славянъ, слишкомъ, по его словамъ, усилившихся въ Пантелеймоновскомъ Аѳонскомъ монастырѣ.

Въ Аѳинахъ объявленіе схизмы было привѣтствовано торжественнымъ богослуженіемъ и присылкой партіарху Анѳиму ордена Спасителя. Въ то же самое время, когда греческое правительство давало въ Аѳинахъ доказательства своего сочувствія соборному опредѣленію, Константинопольскій его представитель, г. Симось, вѣрвый прежней своей политикѣ, проливалъ крокодиловы слезы надъ бѣдственнымъ состояніемъ Константинопольской Церкви, представляющей-де столь печальное зрѣлище; онъ горько оплакивалъ схизму съ ея гибельными послѣдствіями и сожалѣлъ лишь, что не имѣетъ достаточно вліянія и вѣса, чтобы направлять дѣйствія мѣстной греческой колоніи.

Что касается до Александрійскаго патріарха Софронія, то вскорѣ за подписью соборнаго опредѣленія, онъ понялъ всю обширность сдѣланной ошибки и горько обвинялъ святѣйшаго Анѳима въ томъ, что этотъ послѣдній дѣйствовалъ въ своихъ личныхъ видахъ и примѣромъ своимъ увлекъ за собою другихъ іерарховъ.

Но самый энергическій протестъ былъ со стороны Антіохійскихъ Арабовъ.

Мы видѣли выше, что глава Антіохійской церкви отправлялся на соборъ съ твердымъ намѣреніемъ не отвергать законныхъ требованій Болгаръ. Но патріархъ Іероѳей, человекъ добрый и благочестивый, въ частной жизни старавшійся подражать покойному московскому митрополиту Филарету, лишенъ былъ твердости характера и легко подчинялся вліянію умовъ болѣе

сильныхъ. Очутившись, по прїѣздѣ своемъ въ Константинополь, какъ въ кипящемъ котлѣ народныхъ страстей, сбитый съ толку пламенными рѣчами фанаріотскихъ ораторовъ, напуганный воплями черни, патріархъ Антіохійскій утратилъ и тотъ небольшой запасъ энергіи, съ которымъ онъ ѣхалъ на соборъ, и слѣпо послѣдовалъ за теченіемъ большинства, предводимаго святѣйшимъ Аноимомъ.

Когда же патріархъ Іероѳей, вопреки заявленію Антіохійскаго синода, данному ему при отправленіи на соборъ въ Константинополь, подписалъ опредѣленіе о схизмѣ, то митрополиты и епископы Антіохійской Церкви, собравшись въ Бейрутѣ, особымъ актомъ объявили подпись патріарха выраженіемъ его личнаго мнѣнія, а не мнѣнія всей Антіохійской Церкви, и актъ этотъ былъ припровожденъ къ блаженнѣйшему Іероѳею въ Дамаскъ. Вслѣдствіе этого, схизма не была обнародована ни въ одномъ изъ храмовъ Антіохійской церкви, ни даже въ кафедральномъ соборѣ въ Дамаскѣ.

На Болгаръ провозглашеніе схизмы, имѣло вліяніе противоположное тому, на которое рассчитывали фанаріоты; оно ихъ не напугало, не отняло у нихъ бодрости, а, напротивъ, возбудило въ нихъ съ большою силой мечты о политической независимости. Митхадъ-паша, по отношенію къ нимъ, продолжалъ вести двойную игру, желая увеличить бездну между Греками и Болгарами. На другой день провозглашенія схизмы, Митхадъ поздравляетъ Болгаръ, говоря, что, благодаря окончательному разрыву съ Великою Церковью, они имѣютъ теперь право составить отдѣльную и независимую христіанскую общину. Между тѣмъ, съ другой стороны, великій визирь, обѣщаетъ патріарху измѣнить, согласно его требованію, одежду болгарскаго духовенства, чтобы отличить его отъ греческаго.

Экзархъ, которому сообщили это послѣднее требованіе, отчаянно сталъ ему сопротивляться, справедливо предполагая, что переменна одѣянія болгарскаго духовенства можетъ вызвать въ болгарскомъ населеніи самыя прискорбныя замѣшательства и не-

доразумѣнія и будетъ способствовать уніатской и католической пропагандѣ. Въ случаѣ же крайности, экзархъ полагалъ, что болгарское духовенство приметъ одежду русскихъ священниковъ.

Митхадъ-паша очень хорошо понималъ то смятеніе, которое переменой одежды духовныхъ внесено будетъ въ умы простыхъ крестьянъ, искренно привязанныхъ къ внѣшнимъ формамъ религіи, а, потому, онъ и подалъ патріарху надежду, что Порта заставитъ Болгаръ подчиниться настоящему его требованію и еще болѣе подстрекнулъ святѣйшаго Анеѣма обѣщаніемъ измѣнить фирманъ 1870 года, со включеніемъ въ него названія Болгаръ схизматиками.

Болгарамъ же Митхадъ говорилъ, что съ провозглашеніемъ схизмы фирманъ не имѣетъ значенія и что Порта готова сдѣлать экзарха Болгарскимъ патріархомъ, но въ тоже время онъ не утверждалъ Болгарскаго устава и не давалъ бератовъ пяти епископамъ, только что посвященнымъ экзархомъ, желая подобнымъ образомъ дѣйствіемъ толкнуть Болгаръ въ унію.

Однако, всѣ затѣи Митхада не привели ни къ чему, такъ какъ онъ самъ палъ и былъ замѣненъ Мехмедъ Рушди-пашой, настроеннымъ къ Болгарамъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ его предшественникъ.

Болгары, отказавшись идти въ унію, рѣшили не оставаться безмолвными предъ опредѣленіемъ послѣдняго помѣстнаго собора греческаго духовенства и обратились ко всѣмъ автокефальнымъ Церквамъ съ посланіемъ, написаннымъ въ примирительномъ духѣ, разъясняя вопросъ съ своей точки зрѣнія и доказывая, что они отвергаютъ обвиненіе ихъ въ ереси филетизма и желаютъ оставаться въ единеніи съ православною Церковью, ученіе и догматы которой они намѣрены сохранить неуклонно.

Въ концѣ 1872 года въ отношеніяхъ Сербовъ къ Болгарамъ проявились новые признаки, доказывающіе какъ значительна рознь между этими двумя православными народностями, хотя она почти незамѣтна для посторонняго глаза.

Въ отвѣтъ своемъ на посланіе Вселенскаго патріарха о про-

возглашеніи схизмы, митрополитъ Михаилъ, краснорѣчиво указывая на необходимость согласія въ православной Церкви, скорбѣть о неожиданной жестокости отлученія. Оправданія Болгаръ не были выслушаны и сами Греки не менѣе ихъ руководились началомъ народности. Сербы же, связанные съ Болгарами родствомъ, вѣрой и сосѣдствомъ, не могутъ порвать съ ними этихъ узъ. Поэтому, для рѣшенія распри необходимы обоюдныя уступки и созваніе новаго собора съ участіемъ независимыхъ Церквей.

Но, когда митрополитъ Михаилъ официально ставилъ вопросъ на правильную почву и выказывалъ сочувствіе Сербіи къ домогательствамъ Болгаръ, въ то же самое время сдѣлалось извѣстнымъ, что митрополитъ Сербскій далъ, довѣрительнымъ образомъ, понять святѣйшему Анѣиму, что если его святѣйшество поддержитъ Сербовъ въ Старой Сербіи и назначитъ туда епископомъ Серба, то княжеское правительство приметъ сторону Константинопольскаго патріарха и окажетъ ему даже денежное пособіе.

Русскій посолъ пригласилъ тогда управлявшаго генеральнымъ консульствомъ нашимъ въ Бѣлградѣ разъяснить г. Ристичу, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ было бы крайне нежелательно видѣть рознь между Сербами и Болгарами и что Сербской Церкви слѣдуетъ непременно быть въ согласіи съ Русскою, сохраняя пока нейтральное положеніе и дѣйствуя примирительно, сколько возможно, относительно обѣихъ враждующихъ сторонъ, а не оказывать изъ своихъ мелкихъ расчетовъ Вселенской патріархіи денежныя пособія.

Въ то же время, графъ Игнатъевъ объяснился съ сербскимъ агентомъ въ Константинополѣ, г. Христичемъ, поставивъ ему на видъ всю опасность и недальновидность политики княжескаго правительства, желающаго пріобрѣсть для себя незначительныя, въ сущности, выгоды и поддержать свое вліяніе въ Старой Сербіи цѣной новаго раздора съ Болгарами, столь не желательнаго въ интересахъ всего православія.

Г. Христичъ старался оправдаться въ взводимыхъ на Сербію

обвиненіяхъ и, между прочимъ, разсказалъ, что дѣйствительно нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ прислано было въ Константинопольскую патріархію двѣсти червонцевъ и то вслѣдствіе самыхъ настоятельныхъ просьбъ святѣйшаго Аноима.

Благодаря всѣмъ этимъ стараніямъ, удалось убѣдить Ристича, не связывать себя обязательствами съ Греками и добиться, что въ церковномъ вопросѣ Сербія будетъ согласовать свой образъ дѣйствій съ Русскою Церковью.

Новый великій визирь, Эссадъ-паша, замѣнившій Мехмеда-Рушди, клонилъ болѣе въ сторону патріархіи и объявилъ, что хотя Порта и не намѣрена отмѣнять фирмана, тѣмъ не менѣе, отсутствіе взаимнаго соглашенія, имъ предусмотрѣннаго между Болгарами и патріархіей, ео ipso лишило документъ этотъ всякой дѣйствительной силы, почему Турецкое правительство не можетъ заставить Грековъ, обитающихъ болгарскія епархіи подчиниться духовенству, которое они считаютъ схизматическимъ и, какъ необходимое слѣдствіе всего этого, Порта и будетъ посылать греческихъ епископовъ во всѣ епархіи, гдѣ только есть Греки.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, Рашидъ-паша, жизнь котораго такъ печально и преждевременно окончилась въ 1876 году, подъ пулей черкеса Хасана, старался, между тѣмъ, изъ желанія быть намъ пріятнымъ, изыскать средства для мирнаго разрѣшенія вопроса. Планъ его состоялъ въ слѣдующемъ: 1) фирманъ не будетъ измѣненъ, 2) въ Македоніи Экзарху будутъ набавлены четыре или пять епархій, 3) не будутъ болѣе даваемы бераты греческимъ епископамъ въ болгарскихъ епархіяхъ, но греческое населеніе можетъ имѣть своихъ священниковъ, подчиненныхъ, впрочемъ, духовной власти епархіальнаго архіерея безъ различія народности сего послѣдняго, 4) Экзархъ имѣетъ титулъ Экзарха Болгаръ и по дѣламъ можетъ пріѣзжать въ Константинополь; мірской же его совѣтъ остается постоянно въ Константинополѣ, 4) Болгары пишутъ извинительное письмо патріарху и просятъ забыть прошлое и принять ихъ лоно православной Церкви.

Экзархъ лично былъ согласенъ на эти условія, но предварительно желалъ получить отъ Порты утвержденіе устава и бераты для болгарскихъ епископовъ Охриды, Битоліи и Скопії. Будучи человѣкомъ глубоко религіознымъ, умѣреннымъ и разсудительнымъ, блаженнѣйшій Анѣимъ порываетъ въ то время свои связи съ крайнею болгарскою партіей, не смотря на угрозы смѣнить его, убѣждаетъ народный совѣтъ въ необходимости принять условія Рашида-паши и, затѣмъ, пишетъ сему послѣднему, что болгарскій народъ благодаритъ за попытки мирно покончить вопросъ, такъ какъ въ томъ же заключается желаніе и самихъ Болгаръ; что же касается его лично, то онъ готовъ просить у патріарха прощенія за свои антиканоническіе поступки, если только ему дадутъ увѣреніе, что эта жертва не будетъ бесполезна и что патріархъ признаетъ фирманъ и *status quo* экзархата. Къ этому письму экзархъ Анѣимъ прибавилъ словесно, что онъ готовъ осыпать поцѣлуями стопы Константинопольскаго патріарха, лишь бы возстановить прежній союзъ и единеніе между Великою и Болгарскою Церквами.

Такимъ образомъ, узелъ вопроса былъ снова перенесенъ къ Грекамъ, отъ которыхъ зависѣло дать мирный исходъ церковной распрѣ.

Патріархъ Анѣимъ сожалѣлъ, правда, предъ графомъ Игнатьевымъ о всемъ случившемся, но опытъ показалъ какъ мало можно было тогда довѣрять его словамъ и чистосердечнымъ, по видимому, завѣреніямъ. Къ тому же самое положеніе патріарха тогда сильно пошатнулось.

«Мечъ извлекай мечемъ и погибнетъ»; справедливость этого изрѣченія еще разъ подтвердилась на патріархѣ Анѣимѣ: призвавъ на помощь своимъ личнымъ видамъ грубыя народныя страсти, онъ уже не могъ своими старческими руками сдержать ихъ дальнѣйшій порывъ.

Обманувшись въ своихъ расчетахъ относительно результатовъ провозглашенія схизмы, вожаки крайней греческой партіи искали на комъ вымѣстить свою злобу и такимъ козлищемъ отпущен-

нія явился самъ патріархъ Анѳимъ. Увлеченіе вчерашнимъ кумиромъ, истиннымъ-де борцомъ за православіе, быстро смѣнилось, сначала, недовольствомъ проистекавшимъ отъ собственной неудовлетворенности а, затѣмъ, и ненавистью. Разнузданныя народныя страсти нигдѣ и никогда не отличались продолжительностью поклоненія своимъ излюбленнымъ героямъ, и напрасно святѣйшій Анѳимъ искалъ себѣ поддержки въ демагогическомъ духѣ народа, уже съ древнѣйшихъ временъ извѣстнаго своимъ непостоянствомъ, своею неблагодарностью. Случилось то, что и должно было случиться и Константинопольскій патріархъ сдѣлался цѣлью, на которую яростно устремились волны имъ же самимъ взбаломученнаго моря.

Насколько расточительна толпа на похвалы человѣку снискавшему ея благорасположеніе, столь же быстра и неразборчива она на упреки и оскорбленія тому, кто опостылѣлъ ей.

Такъ было и съ патріархомъ Анѳимомъ. Осыпая его сначала неумѣренными похвалами, радикалы холодно обратились теперь къ нему спиной и стали обвинять его въ томъ, что онъ впалъ въ дѣтство и не достоинъ болѣе занимать вселенскій престолъ; они образовали даже особый «народный комитетъ», имѣвшій своею спеціальною цѣлью нападки и всевозможныя обвиненія на патріарха. Волненіе и внутренніе раздоры, неминуемыя послѣдствія разбушевавшихся народныхъ страстей, все увеличиваются въ Константинопольской патріархіи. Въ самомъ патріаршемъ храмѣ происходитъ манифестація направленная противъ патріарха и толпа торжественно жжетъ нумеръ греческой газеты *Неологосъ*, осмѣлившейся высказаться сочувственно къ нему. Народный же комитетъ открыто и съ настойчивостью требуетъ смѣны патріарха.

Горько разочарованный въ продолжительности земныхъ привязанностей, святѣйшій Анѳимъ вынужденъ былъ прибѣгнуть съ просьбой къ Портѣ о наказаніи членовъ этого комитета. Рашид-паша отказалъ патріарху, несмотря на поддержку его извѣстнымъ Халиль-Шерифъ-пашой, даже ссудившимъ патріарха тысячу турецкихъ лиръ.

Наконецъ, интриги противниковъ патріарха восторжествовали и святѣйшій Аноимъ, съ вступленіемъ котораго на патріаршій престолъ связывалось столько несбывшихся надеждъ, палъ, палъ безъ славы, покинутый большею частью своихъ прежнихъ приверженцевъ и не взирая на отчаянныя усилія спасти его со стороны греческой миссіи и нѣкоторыхъ немногихъ оставшихся ему вѣрными.

Достойный продолжатель политики Митхада, новый турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Халиль-Шерифъ-паша, снова настаиваетъ на перемѣнѣ одежды болгарскаго духовенства, обѣщая, взаменъ того, учрежденіе болгарскаго патріаршества. Въ то же время, пользуясь случившимся близъ Софіи ограбленіемъ почты, раздутымъ до размѣровъ политическаго событія съ сильнымъ революціоннымъ оттѣнкомъ, Халиль-паша посылаетъ въ Болгарію особую комиссію, главнымъ членомъ которой является предавшійся совершенно турецкимъ интересамъ Болгаринъ Хаджи Іованчо Пенчовичъ. Задача этой комиссіи заключалась въ изслѣдованіи и засвидѣтельствованіи весьма опасныхъ панславистскихъ интригъ, проистекающихъ будто бы изъ учрежденія Болгарскаго экзархата и поддерживаемыхъ иностранными происками.

Между тѣмъ, въ Константинопольской патріархіи стало преобладать примирительное направленіе и мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола былъ выбранъ митрополитъ Артскій Серафимъ, извѣстный своею кротостью и благоразуміемъ.

Константинопольскій патріаршій престолъ былъ предложенъ Григорію VI, но онъ соглашался быть снова патріархомъ лишь подъ условіемъ вселенскаго собора, необходимаго, по его мнѣнію, для разрѣшенія греко-болгарской распри.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Константинопольскимъ патріархомъ выбираютъ Іоакима II, прежде уже бывшаго на вселенскомъ престолѣ, человека весьма умнаго, но упрямаго и, по временамъ, слишкомъ крутаго.

Первые шаги новаго патріарха были примирительны: онъ понималъ невозможность вернуть болгарскія епархіи къ прежнему

порядку вещей, а равно и весь вредъ происходящій отъ неразрѣшенія распри. Желая не увеличивать раздраженія, святѣйшій Іоакимъ даетъ другія каѳедры двумъ епископамъ назначеннымъ его предмѣстникомъ на болгарскія епархіи и побѣдоносно отражаетъ нападки на себя крайней греческой партіи, требующей отъ патріарха, чтобы онъ заставилъ Россійскій синодъ высказаться по вопросу о схизмѣ. Іоакимъ II смутилъ ихъ словами: «а что же дѣлать если я пошлю подобное требованіе, а св. синодъ оставитъ его безъ отвѣта; развѣ я посмѣю вступить въ борьбу съ Россіей, этою покровительницей и защитницей православія?»

Болгары, подѣ умѣряющимъ вліяніемъ экзарха, тоже стали отдавать себѣ лучше отчетъ въ неправильности своего положенія: они готовы были не настаивать на 10-мъ пунктѣ фирмана, а принять разграниченіе, которое установитъ Порта и къ тому же готовы были уплачивать ежегодно Константинопольской патріархіи извѣстную сумму въ вознагражденіе потерь, происшедшихъ для ея казны вслѣдствіе отдѣленія болгарскихъ епархій.

Къ сожалѣнію, ежедневныя мелкія распри отдѣльныхъ личностей портили общее примирительное настроеніе и мѣшали ему развиваться и придти къ какому нибудь осязательному результату.

Россійскій св. синодъ въ отвѣтъ своемъ на извѣстительное посланіе объ избраніи патріарха не упустилъ случая изъяснить свою радость объ избраніи его святѣйшества на Константинопольскій престолъ при настоящихъ многотрудныхъ по истинѣ обстоятельствахъ, о которыхъ упоминаетъ самъ Іоакимъ II. «Нотѣмъ то и выше и многоцѣннѣе», говоритъ св. синодъ, «будутъ заслуги вашего святѣйшества предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ и предъ всею Его каѳолическою Церковью, если забывая всѣ земныя цѣли и имѣя въ виду только славу Божию и вѣчное спасеніе ближнихъ, если одушевляясь истинно апостольскою ревностью и апостольскимъ самоотверженіемъ и руководясь началами самой строгой христіанской справедливости и любви, вы успѣете, съ помощью Всевышняго, побѣдить эти трудности и водворить въ церковныхъ предѣлахъ вашихъ миръ, тишину и

взаимную братскую любовь между всѣми христіанами православно, хотя и на разныхъ языкахъ, исповѣдующими одного и того же триипостаснаго Бога. Объ этомъ то умиреніи и благосостояніи святыхъ Божіихъ Церквей Востока всегда молила, молить и не перестанетъ молить единовѣрная имъ и равно всѣмъ имъ искренне благожелательная Церковь русская».

Посланіе это можно считать косвеннымъ отвѣтомъ на объявленіе схизмы и между его строками легко читается осужденіе соборнаго опредѣленія 1872 года и то, что русская Церковь не признаетъ Болгаръ схизматиками за то только, что они на своемъ языкѣ желаютъ исповѣдывать единаго триипостаснаго Бога.

Экзархъ, съ своей стороны, старается быть какъ можно уступчивѣе и чтобы не дать патріархіи повода обвинять его въ поддержаніи волненій въ Македоніи, блаженнѣйшій Аноимъ вызываетъ изъ Кукуша епископа Нила.

Не желая вовсе входить въ оцѣнку соображеній, побудившихъ экзарха на подобную мѣру, недовольные Кукушане, вѣрные своему прошлому, стали угрожать снова перейти въ унію и обратились вмѣстѣ съ тѣмъ за покровительствомъ къ англійскому повѣренному въ дѣлахъ, но безуспѣшно, такъ какъ этотъ послѣдній объявилъ имъ наотрѣзъ, что онъ не можетъ и не хочетъ мѣшаться въ религіозныя дѣла православныхъ.

Искусственно возбужденное волненіе и интриги, поддерживаемыя Митхадъ-пашой, приводятъ къ тому, что Кукушане обращаются къ латинскому Адрианопольскому епископу Рафаилу и всѣ, съ епископомъ Ниломъ во главѣ, принимаютъ унію.

Опечаленный этимъ, Ортакейскій синодъ разсылаетъ окружное посланіе, въ которомъ представляетъ католическое движеніе Кукуша какъ движеніе противонаціональное, вредящее интересамъ Болгарскаго народа и разрушающее его единство.

Результатомъ посланія было то, что большинство Кукушанъ просили прощенія у экзарха и возвратились въ православіе, тѣмъ скорѣе что, по словамъ самого блаженнѣйшаго Аноима, они никогда серіозно и не думали и не желали переходить въ като-

личество. Всѣ интриги Нила имѣли цѣлью обезпечить Болгарамъ иностранную поддержку, благодаря которой они могли бы устроить свои македонскія епархіи и, затѣмъ, отложившись отъ папы, снова присоединиться къ экзархату. Для подобныхъ личностей переменъ религіи являлась лишь средствомъ пріобрѣсти покровительство латинскихъ державъ и, съ помощью послѣднихъ, осуществить свои политическіе замыслы.

Экзархъ оплакивалъ настроеніе народнаго болгарскаго собранія и соучастіе нѣкоторыхъ духовныхъ его членовъ съ отщепенствомъ Нила, такъ какъ, по его мнѣнію, немислимо управленіе Церковью при такой неразборчивости въ употребляемыхъ средствахъ, въ особенности же когда сама религія обращена въ орудіе политической агитаціи. При такихъ обстоятельствахъ, простое и безусловное возвращеніе въ лоно Константинопольской Церкви казалось экзарху предпочтительнѣе союза, хотя и временнаго, съ Римомъ; унія для блаженнѣйшаго Анѣима была бы такимъ стыдомъ, котораго онъ, по его собственнымъ словамъ, не въ состояніи вынести. Онъ предпочелъ бы быть просто принесеннымъ въ жертву людскимъ страстямъ, лишь бы сохранить увѣренность, что онъ палъ, защищая правое дѣло.

Вообще, экзархъ здраво смотрѣлъ на положеніе дѣлъ и на свое личное положеніе. Лишь офіціальное признаніе всѣми православными Церквями Болгарскаго экзархата могло бы утвердить его власть и доставить ему необходимое обаяніе и прочность.

Относительно способа примиренія экзархъ понималъ, что затрудненіе рѣшить вопросъ произошло съ тѣхъ поръ, какъ въ дѣло замѣшались чисто земныя соображенія. Покуда вопросъ бывалъ обсуждаемъ между духовными, соглашеніе почти устанавливалось, но въ эту минуту являлись міряне и изъ политическихъ цѣлей разрушали все сдѣланное, хотя обѣ стороны старательно и прикрывались священными канонами.

Руководствуясь долговременнымъ опытомъ, экзархъ долженъ былъ дойти до убѣжденія, что для достиженія миролюбиваго окончанія распри ни онъ, ни патріархъ не должны никого посвя-

щать въ свои переговоры, ни совѣтоваться съ своими синодами, а, въ особенности же, не спрашивать мнѣнія народныхъ собраній. Единственно возможнымъ средствомъ примиренія, являлось непосредственное соглашеніе между главами обѣихъ Церквей, Греческой и Болгарской, при благосклонномъ участіи турецкаго правительства, дабы примиреніе состоялось такъ сказать однимъ ударомъ, однимъ внутреннимъ переворотомъ, одновременно съ обѣихъ сторонъ.

Экзархъ не считалъ Кукушскую унію серіозною и надѣялся ее уничтожить, если только ему дадутъ разрѣшеніе отправить епископовъ въ епархіи Охридскую и Скопійскую. Турецкіе министры, съ своей стороны, тоже мало были расположены содѣйствовать успѣхамъ уніи, извѣдавъ на опытѣ въ Гассунистскомъ вопросѣ всю непріятность и неудобство иностраннаго вмѣшательства въ религіозные раздоры турецкихъ подданныхъ.

Между тѣмъ, по провинціямъ, согласно 10-й ст. фирмана, шелъ опросъ жителей для опредѣленія того, куда желаютъ они принадлежать къ патріархіи или къ экзархату. На практикѣ опросъ этотъ представлялъ очень большія затрудненія и велъ за собою замѣшательства и нескончаемые споры и раздоры. Патріархъ не скрывалъ своего неудовольствія по поводу способа, которымъ производился этотъ опросъ, а именно что подающихъ голоса умышленно вводятъ въ заблужденіе неправильною постановкой дѣлаемыхъ имъ вопросовъ, причемъ жителей спрашиваютъ, желаютъ ли они быть Греками или Болгарами, вмѣсто того чтобы предоставить имъ свободный выборъ между Константинопольскою патріархіей и экзархатомъ. Поэтому, его святѣйшество предпочелъ бы поручить производство опроса особой смѣшанной комиссіи, присланной изъ Константинополя и составленной изъ Грековъ, Болгаръ и Турокъ.

Порта соглашается на смѣшанную комиссію для опредѣленія состава македонскихъ епархій, а что касается до епархій Охриды и Скопії, то, по рѣшенію совѣта министровъ, Турецкое правительство выдаетъ бераты двумъ епископамъ, посылаемымъ туда

экзархомъ. Выдача это нѣсколько разсердила вселенскаго патріарха, который самую просьбу о томъ экзарха счелъ нарушеніемъ условленнаго нейтралитета, такъ какъ самъ патріархъ не посылалъ до сихъ поръ въ эти епархіи своихъ епископовъ.

Новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Аарифи-паша не захотѣлъ заниматься ни церковнымъ вопросомъ, ни разграниченіемъ епархій въ Македоніи, отчего раздоры между Греками и Болгарами въ провинціяхъ все увеличивались. Произведшій же соблазнъ въ Кукушѣ, епископъ Ниль сдѣлалъ въ то время предложеніе уѣхать, подъ условіемъ уплаты его долговъ, въ Русскую и отречься отъ католичества, такъ какъ, по его словамъ, онъ никогда серьезно не отпадалъ отъ православія.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, блаженнѣйшій Анѳимъ намѣревался перенести мѣстопробываніе экзархата въ Охридѣ, Тырново или Софію, вызывался возстановить отнынѣ же помяновеніе имени патріарха на богослуженіи и готовъ былъ написать его святѣйшеству письмо съ изъясненіемъ своего раскаянія: что же касается до разграниченія епархій, то онъ согласенъ былъ положиться на рѣшеніе Порты, либо на смѣшанную комиссію, предложенную патріархомъ, но подъ условіемъ, что комиссія эта займется опредѣленіемъ правъ лишь на спорныя епархіи и откажется отъ намѣренія начать свой объѣздъ съ епархій уже данныхъ Болгарамъ султанскимъ фирманомъ.

Когда намѣренія экзарха были сообщены патріарху Іоакиму, то онъ былъ весьма тронутъ личными чувствами экзарха, но въ то же время опасался дѣйствовать съ стремительностью и прибѣгать къ крутымъ переворотамъ, въ особенности въ виду шума произведеннаго случившимся тогда дѣломъ Пантелеймоновскаго Аѳонскаго монастыря,—въ коемъ Іоакимъ II выказалъ не мало умѣренности и безпристрастія къ славянамъ,—вслѣдствіе чего, новыми уступками въ пользу Болгаръ, патріархъ не желалъ бы увеличивать и безъ того существующее противъ него со стороны Грековъ недовольство и раздраженіе. По этому то Іоакимъ II и желалъ, чтобы выборъ времени для приступленія

къ основательному разсмотрѣнію вопроса былъ предоставленъ ему самому.

Единственнымъ же предметомъ разногласія между патріархомъ и экзархатомъ оставалось то, что первый настаивалъ на отправленіи смѣшанной комиссіи безразлично во всѣ епархіи, дабы не допустить предположенія, что Константинопольская патріархія согласилась принять столь ненавистный ей 10-й пунктъ фирмана.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1875 умираетъ, завѣщавъ все свое состояніе болгарскимъ школамъ, епископъ Иларіонъ Макаріупольскій, первый отказавшійся поминать имя патріарха на литургіи. Съ его смертью сходитъ въ могилу послѣдній членъ тріумвирата—изъ Авксентія, Паисія и Иларіона—давшего такой сильный толчокъ болгарскому церковному движенію, причемъ Иларіонъ былъ лицомъ, на которое обрушились высшія кары Церкви.

Въ августѣ мѣсяцѣ того же года патріархъ соглашается на учрежденіе смѣшанной комиссіи, составленной изъ двухъ греческихъ епископовъ и двухъ болгарскихъ, подъ предсѣдательствомъ чиновника Порты. Такимъ образомъ, въ печальной невозможности найти безпристрастнаго судью изъ христіанъ, комиссія, призванная разрѣшить церковную распрю двухъ христіанскихъ народностей, должна была имѣть своимъ предсѣдателемъ—мусульманина, Турка.

Въ виду начинавшагося на Востокѣ пожара, зажженного 164 Невесинцами, Порта начинаетъ ухаживать за Болгарами и утверждаетъ ту часть ихъ устава, которая разрѣшаетъ экзарху и епископамъ взимать опредѣленный налогъ въ свою пользу и въ пользу народныхъ школъ.

Между тѣмъ, во главѣ греческой миссіи въ Константинополѣ произошла перемѣна. Англomана и руссофоба Симоса замѣнилъ Кундуріотти, человекъ опытный, умѣренный и, по своимъ тенденціямъ, болѣе приближающійся къ той партіи, обнимающей собственно народныя массы Греціи, которая, сознавая истинные

интересы своего отечества, не перестаетъ чтить Россію какъ могущественнѣйшую покровительницу православія и православныхъ. Новый представитель Эллады не могъ не соглашаться съ справедливостью того мнѣнія, что, съ точки зрѣнія греческой, объявленіе схизмы было ничѣмъ инымъ, какъ политическимъ маневромъ, предназначеннымъ остановить тяготѣніе Болгаръ къ морю; по его словамъ, Греція должна, прежде всего, стараться сохранить господство надъ Греками поселенными по побережью Европейской Турціи, дабы воспользоваться имъ въ будущемъ, когда настанутъ случайности неизбежныя на Востокъ, хотя и въ промежуткѣ времени болѣе или менѣе отдаленномъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Кундуріотти предложилъ, чтобы графъ Игнатьевъ выработалъ проектъ линіи, разграничивающей въ Македоніи греческія и болгарскія епархіи, и онъ брался добиться принятія этого проекта въ Аѣинахъ во время своего тамъ пребыванія и привезти оттуда необходимыя полномочія, дабы потребовать отъ патріарха рѣшенія согласнаго и съ интересами Греціи и съ желаніями всего православнаго міра.

Изъ сравненія письменныхъ требованій экзарха относительно Македоніи съ мемуаромъ по поводу церковнаго вопроса, вскорѣ затѣмъ дѣйствительно привезеннымъ Кундуріотти изъ Аѣинъ, вытекало, что взаимныя домогательства обѣихъ сторонъ, несогласимы ни между собою, ни съ тою исключительно религіозною точкой зрѣнія, на которую становилась постоянно Россія во все продолженіе греко-болгарской распри. Такое воззрѣніе наше находилось въ прямомъ противорѣчій съ греческимъ мемуаромъ, который явно выдвигалъ на первый планъ національныя стремленія эллинской народности.

Убѣдившись въ невозможности достигнуть прямого соглашенія и общаго дѣйствія съ Греческимъ правительствомъ, російскій посолъ сталъ избѣгать дальнѣйшихъ разговоровъ съ Кундуріотти по этому предмету, но постарался ослабить дѣятельность Аѣинскаго кабинета въ этомъ направленіи.

Хотя довѣрительные переговоры эти и не имѣли никакого

практическаго результата, тѣмъ не менѣе, мнѣ они кажутся очень важными въ томъ смыслѣ, что неоспоримо доказываютъ ранѣе высказанную мною мысль, что трудность рѣшенія греко-болгарской распри не въ духовной сторонѣ дѣла, а въ политической, и что, въ добавокъ, узелъ вопроса находится въ Аѳинахъ.

Въ Портѣ, между тѣмъ, въ 1876 г. начинаются засѣданія смѣшанной комиссіи, разрабатывающей вопросъ о соглашеніи и о подробностяхъ въ отношеніяхъ между вселенскою патріархіей и экзархатомъ, касательно раздѣла имуществъ, церквей, школъ и т. п.

Окончивъ свои засѣданія, комиссія выработала свой проектъ, въ сущности сходный съ фирманомъ 1870 г., отличающійся отъ этого послѣдняго въ слѣдующемъ:

1. Свое мѣстопробываніе экзархъ имѣетъ внѣ Константинополя, въ центрѣ собственной епархіи.

2. Регламентъ о внутреннемъ управленіи экзархата представляется патріарху, который въ теченіи трехмѣсячнаго срока имѣетъ право дѣлать свои замѣчанія и настаивать на исключеніи тѣхъ постановленій регламента, которыя, по его мнѣнію, несогласны съ святыми канонами.

3. Патріархъ сообщаетъ объ избраніи экзарха Портѣ, которая немедленно же выдаетъ берать.

4. Православные, обитающіе въ предѣлахъ экзархата, не говорящіе по болгарски, и Болгары, живущіе внѣ предѣловъ экзархата, пользуются правомъ-если того пожелаютъ и если они образуютъ общность населенія города, деревни или прихода—имѣть свое духовенство, говорящее на ихъ языкѣ, даже имѣть своего епископа (хоръ-епископа), избраннаго ими самими и рукополагаемаго епархіальнымъ архіереемъ, отъ котораго хоръ-епископъ будетъ канонически зависѣть и чье имя онъ будетъ поминать на литургіи.

5. Для языка, на которомъ происходитъ богослуженіе въ той или другой церкви, сохраняется status quo. Въ случаѣ же если въ этой мѣстности составитъ цѣлая община говорящая не на

томъ языкѣ, на которомъ происходитъ богослуженіе, то ей отдается одна изъ церквей мѣстности, за исключеніемъ, впрочемъ, митрополичьей. Тамъ же, гдѣ нѣтъ второй церкви, новая община можетъ строить себѣ отдѣльную церковь на собственные средства.

6. Подобныя же правила прилагаются и къ школамъ въ смѣшанныхъ мѣстностяхъ.

7. Что касается до разграниченія, то изъ предѣловъ экзархата исключается епархія Велесская и, предполагавшіяся по проекту патріарха Аноима, каза Прилѣпъ, Пелагонійской епархіи, и каза Ахи челеби, Ксантинской епархіи. Затѣмъ, прибавляются къ экзархату: каза Вранія, Скопской епархіи, и оставленные было за патріархомъ мѣстности епархій Филиппопольской, Варненской, Месемврійской и Анхіальской, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что всѣ эти мѣстности, за исключеніемъ Враніи, составляютъ отдѣльныя епархіи, входящія въ составъ экзархата; жители ихъ сами избираютъ своихъ епископовъ, лишь утверждаемыхъ экзархомъ.

Въ принципѣ, Константинопольскій патріархъ одобрилъ выработанный комиссіею проектъ рѣшенія вопроса—уже шестнадцатый по счету за время графа Игнатьева—но не принялъ лишь способа выбора епископовъ въ болгарскихъ епархіяхъ, какъ антиканоническаго и возсталъ противъ включенія Филиппопольской епархіи въ предѣлы Болгарскаго экзархата, въ чемъ поддерживалъ его, между прочимъ, и Кундуріотти.

Святѣйшій Іоакимъ представляетъ тогда свой контръ-проектъ рѣшенія, уменьшающій minimum болгарскихъ требованій, и увѣряетъ графа Игнатьева, что онъ искренно желаетъ покончить распрю, удовлетворивъ Болгаръ и не уронивъ достоинства Великой Церкви. Дабы избѣжать новаго собора, патріархъ желалъ бы, чтобы болгарская депутація, по соглашеніи съ духовенствомъ экзархата, подала его святѣйшеству письменное заявленіе съ объясненіемъ, что ни Болгары, ни ихъ духовенство никогда не были повинны въ филетизмѣ, что они желали лишь устроить свою

народную Церковь на основаніяхъ предложенныхъ самимъ патріархомъ Григоріемъ VI и, что если они погрѣшили и провинились предъ вселенскою Церковью, то теперь они искренно просятъ у нея прощенія и разрѣшенія въ тоже время, на основаніи святыхъ каноновъ, существующихъ затрудненій. Такимъ образомъ, можно было бы воспользоваться открытою дверью оставленною соборнымъ опредѣленіемъ 1872 г.; схизма въ дѣйствительности уничтожилась бы сама собою и учрежденіе экзархата состоялось бы канонически правильно.

Безпристрастіе требуетъ, чтобы мы отмѣтили происшедшую въ 1876 году перемѣну настроенія Грековъ къ Болгарамъ.

Этотъ годъ огненными буквами занесенъ въ лѣтописи Болгарскаго народа. Кровавыя воспоминанія Батакской рѣзни, дикія сатурналіи Турокъ, сотнями казнившихъ Болгаръ въ Адрианополѣ и Филиппополѣ, еще свѣжи въ памяти у каждого и нѣтъ надобности возстановлять ихъ печальные образы.

Греческое населеніе Филиппополя, подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія произведеннаго на него бѣдственнымъ положеніемъ Болгаръ, стало менѣе враждебно относиться къ этимъ послѣднимъ и въ нѣсколькихъ случаяхъ оказало даже содѣйствіе къ спасенію Болгаръ отъ гибели.

Видя въ этомъ явленіи возможность сближенія двухъ единовѣрныхъ народностей, раздѣленныхъ старинною религіозною распрей, наше министерство иностранныхъ дѣлъ циркулярно пригласило всѣхъ своихъ консуловъ воспользоваться подобнымъ настроеніемъ и содѣйствовать всѣми мѣрами къ постепенному сближенію Грековъ съ Болгарами, стараясь убѣждать и тѣхъ и другихъ въ необходимости этого сближенія при существовавшихъ тогда обстоятельствахъ, когда все мусульманское населеніе Турціи было сильно возбуждено противъ христіанъ вообще, и внушать имъ мысль, что имъ слѣдовало бы, въ виду общей опасности, забыть всѣ прежніе раздоры и національные расчеты, разъединяющіе христіанъ и дающіе туркамъ возможность сильнѣе угнетать ихъ.

Консуламъ поручалось работать въ этомъ направленіи, соблюдая при этомъ осторожность, чтобы не подать повода представителямъ другихъ державъ къ обвиненію ихъ въ возбужденіи общинъ противъ Турецкаго правительства. Цѣлью дѣйствій русскихъ агентовъ должно было быть подготовленіе почвы для примиренія враждующихъ единовѣрныхъ народностей и для прекращенія ихъ распри.

IX.

Красный пѣтухъ, пущенный Невесинцами, бойко загулялъ по Балканскому полуострову, и пламя пожара, усиленное различными обстоятельствами, разбирать которыя здѣсь не мѣсто, ширилось и охватывало все большее пространство. Какъ иногда при большомъ пожарѣ, въ время пожертвованнымъ, въ время скрытымъ домомъ, останавливаютъ распространеніе огня, такъ и Порты, въ концѣ 1875 года, легкими уступками могла покончить съ затрудненіями въ Герцеговинѣ. Не сдѣлавъ же ихъ въ время, она уже не могла замедлить хода событій и справиться съ грозой, и пала, наконецъ, ея жертвой.

Какъ катящійся комъ снѣгу, быстро увеличивающійся въ своемъ объемѣ, развивались событія въ Турціи, съ неудержимою силой скользя по наклонной плоскости и, начавшись съ незначительнаго возстанія Невесинцевъ, переходятъ въ столкновение съ Черногоріей и Сербіей и завершаются кровавою Русско-Турецкою войной, явившеюся какъ историческая необходимость.

Напрасно было бы искать причину событій 1875—1878 годовъ въ какихъ либо единичныхъ явленіяхъ или въ дѣятельности того или другаго лица. Дѣйствительность показала, что къ тому времени почва на Балканскомъ полуостровѣ была такова, что не могла произвести ничего иного, чѣмъ то, что она произвела; что упорный отказъ Порты въ уступкахъ былъ лишь внѣшнимъ толчкомъ, разбудившимъ дремавшія доселѣ стихійныя силы, и

что, слѣдовательно, немыслимо допустить, чтобы та или другая личность могла имѣть рѣшающее вліяніе на напряженіе или прекращеніе дѣятельности этихъ силъ, также точно какъ мы старались выше доказать, что церковный греко-болгарскій вопросъ не былъ созданъ Россіей или ея посольствомъ въ Константинополѣ, а явился естественнымъ продуктомъ, выработаннымъ всѣми предшествовавшими историческими условіями.

Впрочемъ, разборъ событій 1875—1878 годовъ вовсе не входитъ въ предѣлы настоящаго изслѣдованія, и я коснусь ихъ лишь по скольку они находятся въ связи съ церковнымъ греко-болгарскимъ вопросомъ.

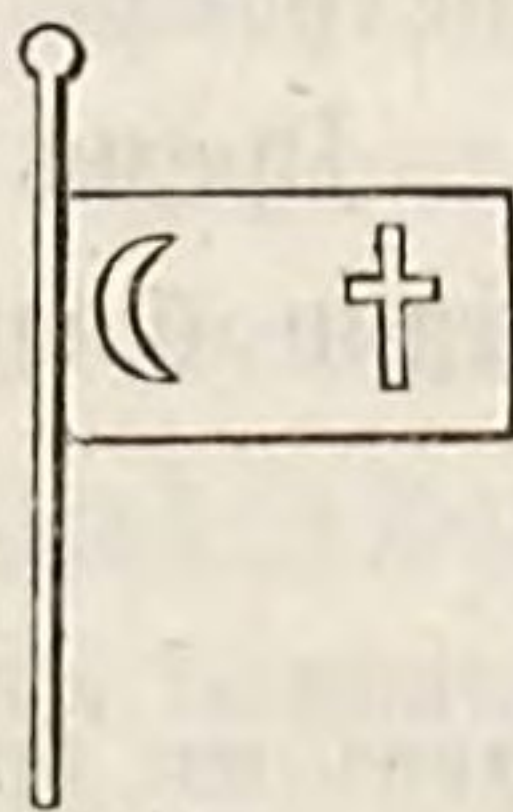
Мы уже видѣли, какъ нѣкоторая часть провинціальныхъ Грековъ сочувственно отнеслась къ Болгарамъ, подвергавшимся немилосерднымъ преслѣдованіямъ отъ турецкихъ властей. Но справедливость требуетъ также сказать, что лишь провинціальныя Греки держались такого христіанскаго направленія: столичныя же, встрѣчая одобреніе своимъ чувствамъ въ аѳинской печати, не считали болѣе нужнымъ скрывать своихъ затаенныхъ мыслей и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, дружно принялись обливать потоками желчи все, что носитъ славянское имя. Греческіе борзописцы взапуски пустились доказывать, что патріархія была права, отвергая церковныя требованія Болгаръ, скрывавшія панславистскіе замыслы, и что теперь маска сорвана и обязанность Эллиновъ помочь Турціи въ борьбѣ съ ея славянскими подданными. Самыя яростныя статьи направлены были въ то же время противъ Россіи, не скрывавшей своего сочувствія къ Славянамъ и добровольцы которой рядами шли на защиту своихъ братьевъ, руководимые однимъ идеальнымъ чувствомъ—помочь страждущимъ. Эллины забыли и единство вѣры съ Россіей и всѣ жертвы, принесенныя ею за нихъ, наконецъ даже то, что ей именно обязано своимъ существованіемъ независимое Греческое королевство. Все это было забыто бѣсновавшимися газетчиками и адвокатами, предъ глазами которыхъ неотступно стоялъ пугавшій ихъ величавый образъ сѣверной державы, имѣвшей

неосторожность не отвергать человѣческихъ правъ въ Болгарахъ, на которыхъ Эллины смотрѣли не иначе какъ на своихъ рабовъ.

Греческіе журналы неустанно били въ набатъ, приглашая и Грековъ и западныя державы на крестовый походъ, новаго образца, направленный не противъ нечестивыхъ Агарянъ, а за нихъ и противъ православныхъ христіанъ. Не разъ содрогнулись бы въ своихъ гробахъ кости Бодариса, Міаулиса, Канариса и другихъ борцовъ за Элладу, за православіе, если бы до нихъ могли донестись эти рѣчи, и съ какимъ презрѣніемъ взглянули бы они на своихъ столь быстро выродившихся потомковъ.

Отъ словъ Греки не замедлили перейти къ дѣлу, и одинъ изъ константинопольскихъ патріотовъ, Демосѳенъ Чивоглу *) принимаетъ на себя весь трудъ и издержки по образованію греческаго баталіона, который чрезъ нѣсколько времени и отправляется драться, вмѣстѣ съ турецкими войсками, противъ Сербовъ. Этому баталіону было дано особое знамя, на красномъ полѣ луна и крестъ, символъ новаго союза, направленнаго противъ Славянъ. Знамя это съ торжествомъ носили по улицамъ Константинополя. По возвращеніи же съ театра военныхъ дѣйствій уцѣлѣвшихъ новыхъ янычаровъ, надо было видѣть съ какимъ безстыднымъ самодовольствомъ хвалились они числомъ убитыхъ будто бы ими Сербовъ.

Вотъ что напечатала константинопольская полуоффиціальная газета *la Turquie*, давая рисунокъ этого знамени: Cinquante Grecs ayant à leur tête un porte—drapeau tenant un drapeau rouge avec les emblèmes du Croissant et de la Croix se sont rendus hier au ministère de la guerre pour s'inscrire comme volontaires.

Ce rapprochement effectif du Croissant et de la Croix exprime avec éloquence les sentiments de sympathie mutuelle

*) Въ 1881 г. этотъ яростный Эллинъ и клеветъ Митхада-паши былъ обвиненъ въ покушеніи на жизнь султана и почти одновременно съ своимъ бывшимъ покровителемъ, Митхадомъ, отправленъ въ ссылку. Вообще перстъ Божій какъ бы тяготѣлъ надо всѣмъ семействомъ Чивоглу: въ то самое время, когда

qui unissent en une seule nation les communautés diverses de l'empire. *)

Впрочемъ, судя по разсказамъ, виддинскія власти отнеслись очень недружелюбно къ этимъ христіанскимъ волонтерамъ, а находившіеся въ городѣ Зейбеки и другіе баши-бузуки усмотрѣли худое для себя предзнаменованіе въ изображеніи на знамени креста рядомъ съ полумѣсяцомъ и встрѣтили, говорятъ, христіанское ополченіе ружейными выстрѣлами. Шесть человѣкъ было убито, остальные спаслись въ разсыпную.

Очевидно, что при такихъ условіяхъ церковный вопросъ не могъ двигаться впередъ, такъ какъ на экзарха смотрѣли не иначе какъ на русскаго шпіона и въ такомъ же смыслѣ перетолковывали всѣ его просьбы и поступки. Но блаженнѣйшій Анѳимъ не смущался своимъ труднымъ положеніемъ и, несмотря ни на что, являлся постоянно горячимъ заступникомъ за болгарскій народъ, котораго онъ былъ законнымъ представителемъ. Не мало мужества нужно было, чтобы принять на себя защиту Болгаръ, но экзархъ не остановился даже предъ опроверженіемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя были умышленно извращены посланнымъ въ Болгарію для изслѣдованія о положеніи дѣлъ Эдибомъ-эфенди. Опроверженіе свое экзархъ подтвердилъ многочисленными и вѣскими доказательствами, вслѣдствіе чего авторитетъ слѣдствія Эдиба-эфенди былъ сильно подорванъ даже въ глазахъ турецкихъ министровъ.

Время было смутное, сношенія между различными мѣстностями были ненадежны и чтобы имѣть точныя свѣденія экзархъ

одинъ изъ братьевъ отправлялся въ ссылку, другой умиралъ отъ скоротечной чахотки, а третій былъ ограбленъ и зарѣзанъ Черкесами въ окрестностяхъ Константинополя.

*) Пятьдесятъ Грековъ, имѣя во главѣ знаменщика, несшаго красное знамя съ изображеніями полумѣсяца и креста, направились вчера къ военному министерству, съ тѣмъ чтобы записаться въ добровольцы.

Это наглядное сближеніе полумѣсяца и креста краснорѣчиво выражаетъ тѣ чувства взаимной симпатіи, которыя соединяютъ въ одинъ народъ различныя общины имперіи.

отправилъ Шопова, поручивъ ему подробно разузнать о томъ, что произошло въ Копривщицѣ, Панагюрицѣ, Батакѣ, Клиссурѣ и другихъ раззоренныхъ болгарскихъ селахъ. Два раза ѣздилъ Шоповъ и успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе: онъ привезъ не только точное описаніе происходившихъ въ деревняхъ этихъ убійствъ, но и поименные списки всѣхъ убитыхъ. Съ подобною же цѣлью Шишиджіевъ былъ отправленъ въ Македонію и на основаніи доставленныхъ Шоповымъ свѣденій были составлены мемуары, переданные тогда же иностраннымъ посламъ въ Константинополѣ.

Порта едва скрывала свое неудовольствіе на экзарха и Гасунъ, армяно-католическій патріархъ, предупредилъ послѣдняго, что ему придется плохо и что онъ не минуетъ, пожалуй, висѣлицы. Блаженнѣйшій Анѳимъ не устранился и отвѣтилъ ему: «дай Богъ, чтобы слова ваши были истиной, потому что когда повѣсили патріарха греческаго Григорія, создалось свободное Греческое королевство, и если и меня повѣсили бы, то благодаря этому могло бы создаться свободное Болгарское царство».

Въ то же время экзархъ написалъ письмо С.-Петербургскому митрополиту Исидору, умоляя его о помощи; въ письмѣ этомъ онъ перечислялъ убійства во Фракіи, говоря, что и въ старыя времена, во дни несчастій и опасности, угрожавшей Церкви, пастыри народные взывали къ помощи и покровительству великихъ владыкъ христіанскихъ державъ и могущественныхъ царей; такъ поступали цари Константинъ, Ираклій и др. Далѣе, блаженнѣйшій Анѳимъ описывалъ страданія и тягости Болгаръ и необезпеченность народа въ политическомъ и религіозномъ смыслѣ. «Если Его Величество Императоръ Всероссійскій не обратитъ вниманія на положеніе Болгаръ, не защититъ ихъ теперь, то лучше пусть вычеркнетъ ихъ изъ списковъ Славянъ и православныхъ, потому что отчаяніе овладѣло всѣми: кто хочетъ потурчиться, кто хочетъ принять католичество». Экзархъ умолялъ, въ заключеніе, прочесть это письмо Государю Императору.

Конецъ 1876 года важенъ въ особенности въ томъ отно-

шеніи, что тогда впервые прямо и официально былъ поставленъ вопросъ о предоставленіи Болгарамъ политическихъ правъ, какъ отдѣльному народу, съ дарованіемъ имъ извѣстной автономіи. Вопросъ этотъ подробно разсматривался на конференціи представителей великихъ державъ, собравшейся тогда въ Константинополѣ, причемъ экзархъ передалъ ей составленный Стефаномъ Панаретовымъ мемуаръ о мѣрахъ къ улучшенію быта Болгаръ. Правда, что въ то же время нѣсколько преданныхъ Туркамъ Болгаръ: Георгаки-бей Михайловскій, Карагёзовъ, Хаджи Николи, Пандуровъ и еще семь человѣкъ, изготовили благодарственный адресъ султану, говоря, что Болгары вполне довольны существующими порядками и не желаютъ никакихъ реформъ, и адресъ этотъ былъ представленъ конференціи, но русскому послу не стоило большого труда объяснить происхожденіе и всю ничтожность значенія этого документа, подписать который экзархъ, несмотря на всѣ упрощиванія, отказался наотрѣзъ.

Постановленія конференціи и отказъ Порты принять ихъ извѣстны. Упомянемъ лишь для полноты разсказа, что экзархъ не явился на приглашеніе Митхада-паши присутствовать на великомъ собраніи, созванномъ для того, чтобы рѣшить вопросъ принять или нѣтъ рѣшенія Европы.

Недовольная блаженнѣйшимъ Анѣимомъ болгарская партія, съ Чомаковымъ во главѣ, опираясь на содѣйствіе нѣкоторыхъ болгарскихъ архіереевъ, желавшихъ попасть въ экзархи, начала въ мѣстной печати рядъ нападокъ на блаженнаго Анѣима, обвиняя его въ томъ, что онъ орудіе Русскихъ и продастъ имъ Болгаръ. Посѣвая неудовольствіе на экзарха въ народѣ, Чомаковъ со товарищи старались возбудить противъ него Турецкое правительство.

Неподписаніе благодарственнаго адреса и отказъ присутствовать въ великомъ собраніи уже составляли для Порты достаточно основаній, чтобы прибѣгнуть по отношенію къ экзарху къ мѣрамъ строгости, но тутъ подошло еще одно обстоятельство, совершенно его погубившее.

Турецкіе министры узнали, что экзархъ принималъ большое участіе въ отправленіи извѣстной депутаціи Цанкова и Балабанова, которые объѣхали главнѣйшія европейскія государства, стараясь склонить ихъ войти въ положеніе Болгаръ и улучшить ихъ настоящую бѣдственную участь. Порта узнала, по всей вѣроятности чрезъ Чомакова, что, при отъѣздѣ изъ Константинополя, экзархъ снабдилъ Цанкова и Балабанова деньгами и рекомендательными письмами. Этого было достаточно для того, чтобы Порта смѣстила экзарха, но, желая сохранить наружный видъ полнѣйшаго безпристрастія, она подстрекнула тѣхъ самыхъ Болгаръ, которые предъ этимъ подписали благодарственный адресъ, подать прошеніе о низверженіи экзарха, и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1877 года Анѳимъ былъ низложенъ, а его мѣсто занялъ его бывшій ученикъ Іосифъ, митрополитъ Ловчанскій.

Блаженнѣйшій Іосифъ, нынѣшній экзархъ болгарскій,—не по избранію синодомъ, какъ того требуетъ болгарскій уставъ, а по волѣ Порты—происходитъ изъ бѣднаго болгарскаго семейства города Калофера, воспитывался сначала въ Бебекскомъ училищѣ и закончилъ юридическое образованіе въ Парижѣ, гдѣ воспитывался на счетъ константинопольскихъ Болгаръ. Человѣкъ способный, ловкій и благоразумный, онъ не долго оставался въ турецкой службѣ и сдѣлался секретаремъ при первомъ болгарскомъ экзархѣ, который съумѣлъ оцѣнить его прекрасныя качества. Постриженный въ монахи, Іосифъ былъ сначала намѣстникомъ экзарха въ Виддинѣ, а, затѣмъ, рукоположенъ въ Ловчу.

Между тѣмъ началась Русско-Турецкая война и Турецкое правительство, по мѣрѣ успѣховъ русскаго оружія, все съ большею подозрительностью смотрѣло на бывшаго экзарха, считая его находящимся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Русскими и, наконецъ, 17-го іюля блаженнѣйшій Анѳимъ былъ посланъ въ изгнаніе въ Малую Азію, въ Ангору, откуда былъ возвращенъ лишь послѣ восьмимѣсячной ссылки, въ то время, когда войска наши были уже въ Санъ-Стефано, и то благодаря заступниче-

ству за него бывшаго главнокомандующаго дѣйствующею арміею, Великаго Князя Николая Николаевича.

Въ періодъ предшествовавшій изгнанію экзарха, Порты смотрѣла недружелюбнымъ окомъ и на все высшее болгарское духовенство, считая его сообщникомъ Русскихъ и полагая нетерпимымъ имѣть въ лицѣ болгарскихъ епископовъ у себя дома постоянныхъ, такъ сказать, соглядатаевъ всѣхъ дѣйствій мѣстныхъ турецкихъ властей, отчетъ о которыхъ немедленно сообщался всѣмъ европейскимъ правительствамъ.

Епископъ Пиротскій былъ смѣщенъ за то, что посовѣтовалъ обратиться съ прошеніемъ прямо къ Нишскому губернатору нѣкоторымъ крестьянамъ, которые не могли добиться отъ мѣстнаго каймакама перемѣны полеваго сторожа—Албанца.

Епископъ Врачанскій смѣненъ за то, что проповѣдывалъ противъ родителей, оставляющихъ изъ трусости своихъ дочерей заплѣтамъ, которые обращаютъ ихъ, потомъ, въ мусульманство, а также и за то, что этимъ косвенно порицалъ мѣстнаго каймакама, удерживавшаго въ своемъ гаремѣ одну болгарскую дѣвушку.

Викарный епископъ Виддинскій смѣщенъ за то, что жаловался на дурное обращеніе турецкихъ солдатъ съ христіанами.

Скопскій епископъ былъ удаленъ по личной къ нему ненависти Митхада-паши и за то, что по приказанію экзарха и самого великаго визиря, донесъ правительству о всѣхъ жестокостяхъ, совершенныхъ относительно Болгаръ въ теченіе одного мѣсяца.

Епископъ Филиппопольскій, хотя почти постоянно жившій въ Константинополѣ, смѣщенъ за то, что сдѣлался невыносимъ турецкимъ властямъ своимъ горячимъ заступничествомъ за притѣсняемыхъ христіанъ, его же викарій былъ удаленъ за то, что не хотѣлъ подписать адреса, въ которомъ говорилось, что Болгары живутъ съ Турками какъ братья и надѣются, что турецкая конституція совершенно достаточна для обезпеченія благосостоянія христіанъ, живущихъ въ Оттоманской имперіи.

Епископы же Ловчанскій и Кюстендильскій откупились отъ смѣщенія лишь значительными деньгами, уплаченными мѣстнымъ генераль-губернаторамъ.

Если-же Порта обходилась такъ безцеремонно съ представителями высшаго болгарскаго духовенства, преслѣдованіе коихъ все-таки возбуждало вниманіе европейскихъ пословъ въ Константинополѣ, невольно вынуждавшихъ турецкое правительство къ соблюденію извѣстной осторожности въ своихъ дѣйствіяхъ, то легко вообразить себѣ какъ относились въ это время къ простымъ болгарскимъ крестьянамъ провинціальныя турецкія власти, не стѣсняемыя ни чѣмъ любопытнымъ взоромъ.

Но пробилъ часъ освобожденія Болгаръ и они были вознаграждены и за Эскизагрскую рѣзню и за все претерпѣнное ими отъ Турокъ. Нѣкоторые находили чудовищными предѣлы, данные по Санъ-Стефанскому трактату Болгарамъ въ Македоніи, тогда какъ въ дѣйствительности они ясно очерчиваютъ границы распространенія болгарскаго населенія въ этой странѣ, какъ о томъ подробно говорится въ прежде изданныхъ мною *Матеріалахъ для статистики Болгаріи, Оракіи и Македоніи*. Но чтобы не быть обвиненнымъ въ односторонности и пристрастіи, позволю себѣ сослаться на мнѣніе барона Ринга, бывшаго французскаго комиссара въ комиссіи по выработкѣ устава для Восточной Румеліи. Барона Ринга нельзя, кажется, обвинить въ излишнемъ сочувствіи къ Болгаріи, а, между тѣмъ, проѣхавъ верхомъ изъ Софіи въ Солунь, онъ былъ пораженъ почти исключительно болгарскимъ характеромъ населенія проѣханной мѣстности и, не стѣняясь, высказывалъ, что, по его мнѣнію, границы Санъ-Стефанскаго договора совпадаютъ съ этнографическими границами болгарской народности въ Македоніи.

Хотя Берлинскій трактатъ и разорвалъ на три куска эту единую Болгарію, тѣмъ не менѣе результаты войны 1877—1878 годовъ для Болгаръ были громадны. Они получили, благодаря жертвамъ Россіи, независимое княжество болгарское, полунезависимую Восточную Румелію и обязательство турецкаго

правительства ввести реформы въ Македоніи, примѣнивъ тамъ органическій уставъ, который будетъ выработанъ особою коммисіей, составленной изъ европейскихъ делегатовъ.

Присутствіе въ Болгаріи во время и послѣ войны нашихъ войскъ привело русское духовенство, въ лицѣ полковыхъ священниковъ, въ непосредственное общеніе съ болгарскимъ духовенствомъ и послужило причиной столкновенія съ Константинопольскою патріархіей, въ которомъ, впервые, русское духовенство замѣшано было прямо въ дѣло.

Патріархъ Іоакимъ обратился въ Россійскій св. синодъ, жалуясь на нашихъ полковыхъ священниковъ за то, что, противно канонамъ и объявленной схизмѣ, они сносятся и священнодѣйствуютъ со схизматическими болгарскими іереями и просятъ о принятіи мѣръ къ исправленію ихъ образа дѣйствій и къ успокоенію смущаемой совѣсти православныхъ.

Въ то же время, вселенская патріархія обращается въ Порту, которая оффиціально нотою передаетъ нашему посольству въ Константинополь жалобы святѣйшаго Іоакима на притѣсненія, которымъ будто бы подвергается со стороны Болгаръ греческое населеніе городовъ Румелии, занятыхъ русскими войсками. По словамъ патріархія, мѣстное греческое населеніе лишено религіозной свободы и подвергается даже будто бы истязаніямъ, а болгарское духовенство, между тѣмъ, захватываетъ самымъ произвольнымъ и незаконнымъ образомъ церкви, монастыри и школы, донынѣ бывшіе въ вѣдѣніи греческаго духовенства а, потому, патріархія и проситъ объ огражденіи своихъ правъ.

Императорскій комиссаръ въ Болгаріи, князь Дондуковъ-Корсаковъ, опровергая свѣденія вселенской патріархія, требовалъ отъ послѣдней точнаго указанія тѣхъ мѣстностей, гдѣ происходило будто бы безчинство Болгаръ, а также наименованія церквей и школъ, отнятыхъ у Грековъ, обѣщая строго наказать виновныхъ, но дѣло на томъ и остановилось. Патріархія было не до того: 5-го августа умираетъ патріархъ Іоакимъ II,

добрыя качества котораго поневолю заставляли забывать о нѣкоторыхъ его недостаткахъ.

Патріархъ, скончавшійся 76 лѣтъ, держался послѣ провозглашенія схизмы примирительнаго направленія; благодаря лишь его поддержкѣ, дѣло Пантелеймоновскаго монастыря имѣло благополучное окончаніе. Во время же Русско-Турецкой войны аѳонскіе монахи много были обязаны твердости святѣйшаго Іоакима, который отстоялъ ихъ и помѣшалъ ихъ изгнанію Турками со святой Горы.

Назначенный мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, митрополитъ Эфесскій Агаѳангелъ, въ концѣ сентября 1878 года, снова обращается къ нашему послу въ Константинополѣ, князю Лобанову-Ростовскому съ жалобами на то, что нѣкоторые епископы въ Румеліи встрѣчаютъ препятствія къ отправленію своихъ духовныхъ обязанностей въ округахъ занимаемыхъ нашими войсками, въ случаѣ же обращенія за помощью къ нашимъ мѣстнымъ властямъ, епископы нерѣдко получаютъ въ томъ отказъ.

Главнокомандующій дѣйствующею арміей, графъ Тотлебенъ, которому князь Лобановъ немедленно передалъ жалобы патріархія, предписалъ нашимъ властямъ удовлетворять, по возможности, ходатайства греческихъ епископовъ, когда эти ходатайства будутъ справедливы и законны, но не скрылъ отъ князя Лобанова, что отношенія греческаго духовенства къ русскимъ властямъ были далеко не дружелюбны, и что чувства эти оно старалось выказывать даже и въ мелочахъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, духовенство всѣхъ исповѣданій пребывающихъ въ Адрианополѣ—Болгары, Армяне, Евреи и даже мусульмане—явились къ графу Тотлебену по возвращеніи его изъ Ливадіи, чтобы засвидѣтельствовать благодарность за введенный порядокъ и оказываемое имъ русскими властями покровительство, явились всѣ за исключеніемъ только греческаго митрополита Діонисія, который сказался больнымъ, а между тѣмъ въ тотъ же день нарочно появился на общественномъ гуляньи.

Вообще, Греки смотрѣли на Восточную Румелію какъ на потерянную для нихъ, считая ее болгарскою областью. Доказательствомъ, что это мнѣніе раздѣлялось патріархіей и Портой, служитъ довольно любопытная нота Порты за № 52668—252, при которой она передаетъ доставленное ей патріархіей прошеніе Тріандафила Дракопуло и Панагія Христу, жалующихся, что нѣкоторыхъ ихъ родственниковъ, «хотя и Грековъ по происхожденію, зачислили въ болгарскую милицію Румеліи,» почему Порта по просьбѣ патріархіи и проситъ немедленно же освободить этихъ Грековъ отъ воинской службы. Зная же общее правило, что всѣ жители Восточной Румеліи обязаны служить въ мѣстной милиціи на защиту общаго отечества, изъ только что приведеннаго случая выходитъ, что Порта и патріархія не признаютъ, чтобы Румелія могла быть отечествомъ для Грековъ, за которое они при случаѣ должны были бы проливать свою кровь, для чего, по ихъ мнѣнію, существуетъ туземная болгарская милиція, которая и есть, слѣдовательно, представительница чисто болгарской области.

Статистика еще ранѣе доказала, что Восточная Румелія есть ничто иное, какъ Южная Болгарія, въ которой весьма и весьма рѣдкими блестками разбросанъ пришлый греческій элементъ, но въ вышеприведенномъ случаѣ важно и знаменательно сознаніе справедливости этого обстоятельства со стороны Порты и самой патріархіи.

На вакантный Константинопольскій престолъ былъ выбранъ кандидатъ мірянъ—Солунскій митрополитъ Іоакимъ, вступившій на престолъ подъ именемъ Іоакима III.

Уроженецъ одной изъ деревень на Босфорѣ, Бояджикѣя, святѣйшій Іоакимъ отличается своимъ образованіемъ, набожностью и неподкупностью; частная его жизнь, въ противоположность большинству представителей греческаго высшаго духовенства, безупречна.

Во все продолженіе греко-болгарской распри Іоакимъ III былъ борцомъ за греческую великую идею, а, потому, Греки возлагали на него большія надежды и выдвинули его впередъ на Кон-

стантинопольскій престолъ, не взирая на его сравнительно молодой возрастъ: ему при избраніи не было и пятидесяти лѣтъ. Какъ послѣднюю подробность къ характеристикѣ новаго патріарха слѣдуетъ замѣтить, что во время войны Турки чуть не сослали его за черезчуръ независимый образъ дѣйствій и мыслей.

Въ разговорѣ съ первымъ драгоманомъ посольства, посланнымъ княземъ Лобановымъ привѣтствовать вновь избраннаго патріарха, Іоакимъ III выказалъ большую умѣренность и благоразуміе по поводу жгучаго вопроса о болгарской схизмѣ, не отвергалъ возможности взаимнаго соглашенія и въ заключеніе сказалъ, что интересы вселенской Церкви для него выше преходящаго соперничества различныхъ національностей между собою.

Какъ бы отголоскомъ подобныхъ мнѣній были явленія, происходившія въ то время въ Македоніи, сдѣлавшейся поприщемъ дѣятельности многочисленныхъ разбойничьихъ шаякъ. Шайки эти пользовались смутными обстоятельствами того времени, конечно, въ своихъ видахъ, добиваясь болѣе наживы, хотя и прикрываясь громкимъ именемъ инсургентовъ, возставшихъ противъ Турецкаго правительства. Но замѣчательно было то, что греческія и болгарскія шайки старались тогда, такъ сказать, подѣлить между собою Македонію, ясно разграничивъ свою дѣятельность сообразно этнографическимъ условіямъ страны, но дѣйствуя въ то же время въ согласіи между собою. Сами греческіе источники подтверждали фактъ этого соглашенія, состоявшагося въ нѣкоторыхъ частяхъ Македоніи между враждовавшими тамъ до тѣхъ поръ Болгарами и Греками.

Во время первой аудіенціи своей у султана новый патріархъ произнесъ рѣчь, въ которой онъ не употребляетъ низкопоклонныхъ выраженій своихъ предшественниковъ и обѣщаетъ быть вѣрнымъ и послушнымъ мусульманской власти лишь въ предѣлахъ закона, намекая тѣмъ, между прочимъ, и на частыя требованія Порты перемѣщать епископовъ въ угоду генераль-губернаторамъ.

На рѣчь эту смотрѣли какъ на въ высшей степени смѣлый

поступокъ и она еще болѣе укрѣпила довѣріе греческаго народа къ мужеству и твердости своего новаго архипастыря.

Въ первой бесѣдѣ своей съ княземъ Лобановымъ, патріархъ, подобно своимъ предшественникамъ, выразилъ свое неодобреніе всему предыдущему образу дѣйствій относительно Болгаръ и обѣщаль пока ничего не предпринимать въ смыслѣ предрѣшенія окончательнаго исхода, въ надеждѣ что и Болгары сдѣлаютъ тоже самое.

Подъ вліяніемъ воплей своего синода, Іоакимъ III, тѣмъ не менѣе, снова письменно жалуется на нашихъ полковыхъ священниковъ и на пристрастіе нашихъ властей къ Болгарамъ, выразившееся въ торжественномъ водвореніи въ Адрианополѣ, болгарскаго епископа Синесія, захватившаго монастырь св. Георгія и требующаго греческую церковь въ предмѣстьи Адрианополя, Каикѣ. Патріархъ указываетъ на преслѣдованія, которымъ, благодаря будто бы равнодушію и пристрастію Россійскаго св. Синода, подвергаются Греки въ Сливнѣ, Филиппополѣ и Анхіалѣ и оканчивается, говоря, что если патріархіи не будетъ оказано должнаго покровительства, то Великая Церковь вынуждена будетъ дѣйствовать, согласно предписаніямъ апостольскихъ правилъ и постановленіямъ Вселенскихъ соборовъ. Мѣры эти будутъ заключаться въ запрещеніи греческимъ священникамъ служить съ русскимъ духовенствомъ, сообщавшимся съ болгарскими священниками.

Въ то же время святѣйшій Іоакимъ обратился по тому же предмету съ жалобой къ графу Тотлебену. «Великая Церковь», говоритъ его святѣйшество, «съ глубокою скорбью видитъ какъ осыпанные ея духовными благами схизматическіе Болгары страстно преслѣдуютъ еѣ и чадъ оставшихся вѣрными православію». «Русскія военныя власти попираютъ права Великой Церкви и въ то же время оказываютъ могущественное покровительство отпавшимъ отъ нея чадамъ матереубійцамъ». Главнымъ предметомъ жалобъ патріарха былъ захватъ Болгарами греческой церкви въ Каикѣ.

Графъ Тотлебенъ не оставилъ безъ возраженія письма святѣйшаго Іоакима, написаннаго въ весьма рѣзкомъ тонѣ, и представилъ положеніе дѣлъ въ мѣстностяхъ, занятыхъ нашими войсками, въ его настоящемъ свѣтѣ. Что же касается до церкви въ Каикѣ, то дѣло кончилось въ скоромъ времени возвращеніемъ ея Грекамъ.

Въ то же время оказалось, что всѣ затрудненія обязаны были своимъ происхожденіемъ интригамъ Адріанопольскаго митрополита Діонисія, пріобрѣвшаго себѣ такую печальную извѣстность.

Съ самаго вступленія войскъ нашихъ въ Адріанополь, архіерей этотъ поставилъ себя къ нашей администраціи въ самыя враждебныя отношенія, при всякомъ случаѣ возбуждая ей всевозможныя затрудненія. Издавна извѣстный своимъ туркофильствомъ, онъ даже не скрывалъ своихъ чувствъ и дѣйствовалъ не какъ пастырь православной Церкви, а какъ агентъ враждебнаго намъ Турецкаго правительства, эксплуатируя въ этомъ смыслѣ и свое высокое духовное положеніе и усложненія прискорбной греко-болгарской распри.

Прежняя дѣятельность митрополита Діонисія ознаменована грустными воспоминаніями. Всегдашній другъ Турокъ, онъ постоянно снискивалъ ихъ пріязнь шпіонствомъ и предательствомъ членовъ духовной своей паствы. Предъ началомъ войны и въ началѣ ея, Діонисій, вмѣстѣ съ пашой, обѣзжалъ города и села своей епархіи, служа молебны о торжествѣ турецкаго оружія, о дарованіи ему побѣды надъ ненавистнымъ врагомъ. По свидѣтельству адріанопольскихъ жителей, не одна изъ четырехсотъ жертвъ, замученныхъ на висѣлицахъ этого города съ іюля 1877 г. по январь 1878 года, лежитъ на совѣсти митрополита Діонисія, равно какъ и многія изъ тѣхъ болгарскихъ жертвъ, которыя пали въ Мустафѣ-пашѣ, въ Сейменли и др.

Хотя въ греко-болгарскомъ вопросѣ митрополитъ являлся жаркимъ поборникомъ идеи эллинизма, онъ не пріобрѣлъ, однако, популярности даже въ средѣ греческой части своей паствы. Поддерживаемый лишь Турками, Діонисій одинаково былъ ненави-

димъ и Греками и Болгарами; и тѣ и другіе неоднократно собирали подписи подъ прошеніями объ его смѣщеніи.

Непріятное дѣло по поводу церкви въ Каикѣ было новою интригой митрополита Діонисія. Возбуждая его и раздувая, онъ преслѣдовалъ двоякую цѣль: во-первыхъ, надѣялся поправить свое положеніе въ глазахъ Грековъ; во-вторыхъ, желалъ воспрепятствовать осуществленію соглашенія между Греками и Болгарами, которое начинало устанавливаться въ Адрианополѣ на почвѣ общихъ интересовъ.

Въ концѣ 1878 года, во всѣхъ мѣстностяхъ, оставленныхъ нашими войсками, и тѣхъ, которыя вскорѣ должны были быть оставлены, изготавлялись коллективныя прошенія къ представителямъ державъ въ Константинополѣ о принятіи мѣръ къ огражденію безопасности ихъ населенія, ранѣе отступленія русскихъ войскъ и вступленія турецкихъ, посредствомъ скорѣйшаго введенія обѣщанныхъ Берлинскимъ трактатомъ въ мѣстностяхъ этихъ уставовъ, подобныхъ Критскому. Народонаселеніе дѣйствовало въ этомъ случаѣ по собственному почину и Греки и Болгары были заодно, въ полномъ между собою согласіи. Этому то соглашенію митрополитъ, какъ агентъ Турокъ, желалъ во что бы то ни стало помѣшать и, воспользовавшись дѣломъ церкви въ Каикѣ, онъ отчасти достигъ своей цѣли. По крайней мѣрѣ, въ то время какъ во всѣхъ окрестныхъ общинахъ прошенія подписывались Греками и Болгарами безразлично, — собственно въ Адрианополѣ, Греки отдѣлились отъ Болгаръ и подали свое прошеніе отдѣльно.

Чтобы дополнить рассказъ какъ различны были отношенія къ намъ высшаго духовенства греческаго и болгарскаго, не излишне привести тотъ фактъ, что когда графъ Тотлебенъ въ Филиппополѣ, стараясь выказать полное безпристрастіе, присутствовалъ одинъ день на литургіи въ греческой, а на другой день въ болгарской церкви, то эта послѣдняя бывала полна народомъ, выражавшимъ самое живое радушіе, тогда какъ въ греческой церкви не бывало никого кромѣ нашихъ должностныхъ лицъ.

Когда драгоманъ посольства нашего сообщилъ патріарху о

рѣшеніи дѣла церкви въ Каикѣ, Іоакимъ III воспользовался случаемъ, чтобы высказаться о необходимости, по его мнѣнію, остановить дальнѣйшіе захваты Болгаръ, создавъ для нихъ извѣстную преграду. Такая мѣра, прибавилъ патріархъ, будетъ лучшимъ средствомъ для подготовки почвы ко взаимному соглашенію. «Мы просимъ лишь,» заключилъ святѣйшій Іоакимъ, «соблюденія Россійскимъ св. Синодомъ и Россійскими властями нейтралитета одинаково благосклоннаго для обѣихъ сторонъ. Конечно, ошибки были сдѣланы съ самаго начала вопроса какъ Болгарами, такъ и Греками. Я не отвергаю этого. Теперь рѣчь идетъ объ ихъ исправленіи и я желаю искренно сдѣлать все отъ меня зависящее для достиженія этого результата, тѣмъ болѣе что нынѣ, при успѣхѣ пропагандъ католической и протестантской, болѣе чѣмъ когда либо необходимо единеніе между православными Церквями. Опасность велика и вѣсти о ней приходятъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ».

Правительство наше, въ дѣйствительности, не хотѣло отступить отъ прежде принятаго положенія безпристрастія и одинаковой благосклонности къ сторонамъ, замѣшаннымъ въ греко-болгарской распрѣ.

Власти наши въ Болгаріи составили было записку, основная мысль которой была та, что Берлинскій договоръ выговорилъ въ пользу всѣхъ вѣроисповѣданій въ Турціи полную свободу и этимъ самымъ устранилъ будто бы всѣ доселѣ существовавшія препятствія къ установленію церковной самостоятельности Болгаръ и къ освобожденію ихъ отъ зависимости Греческой патріархіи безъ нарушенія каноническаго права.

Наше министерство иностранныхъ дѣлъ отвѣтило, что оно не можетъ согласиться съ подобнымъ толкованіемъ 62-й статьи Берлинскаго трактата. Если статьей этоу обезпечивается свобода богослуженія и внѣшнихъ обрядовъ всѣхъ вѣроисповѣданій въ Турціи, а также устраняются всѣ стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ отношеніяхъ ихъ къ ихъ духовнымъ начальникамъ, то подобное постановленіе,

съ точки зрѣнія вселенской православной Церкви, можетъ относиться только къ тѣмъ общинамъ, самостоятельность которыхъ была уже признана канонически, между тѣмъ какъ Болгарская Церковь до сего времени еще не признана канонически самостоятельною и, очевидно, къ ней не можетъ быть примѣнена, безъ нарушенія каноническаго права, означенная статья трактата.

Въ виду этихъ соображеній, министерство пригласило дѣйствовавшія тогда въ Болгаріи наши власти держаться въ греко-болгарскомъ церковномъ вопросѣ прежняго примирительнаго образа дѣйствій, не потворствовать стремленіямъ Болгаръ къ образованію самостоятельной Церкви безъ соглашенія съ патріархіей, а, напротивъ, стараться убѣждать ихъ въ неотложной необходимости подобнаго соглашенія, безъ котораго немислимо признаніе болгарской іерархіи каноническою. Если же въ средѣ Болгаръ стало бы распространяться мнѣніе, что, въ силу Берлинскаго трактата, они въ правѣ во всѣхъ трехъ частяхъ Болгаріи разорвать всякую связь съ патріархіей, то это могло бы повести къ самымъ печальнымъ для Восточной Церкви послѣдствіямъ, вліяніе которыхъ не замедлило бы, конечно, вредно отразиться на обѣихъ враждующихъ сторонахъ и, вмѣсто единенія Церквей, рознь и вражда усиливались бы и расширялись, и страсти могли бы въ такомъ случаѣ увлечь стороны къ самымъ крайнимъ рѣшеніямъ.

Разъ только, нашъ святѣйшій синодъ хотѣлъ выйти изъ своего молчаливаго и выжидательнаго положенія, и это было вызвано неправильными жалобами Константинопольской патріархіи на дѣйствія нашихъ полковыхъ священниковъ.

Въ святѣйшемъ синодѣ существовало было предположеніе изготovitъ по этому поводу отвѣтъ, въ которомъ должна была подробно разбираться несостоятельность соборнаго опредѣленія 1872 года, причемъ отъ Болгаръ отстранялось обвиненіе въ томъ, что, на основаніи будто бы филетизма, они отдѣлились отъ Вселенской Церкви, водрузили свой особый жертвенникъ и образовали свое особое племенное самочинное сборище. Весь филе-

тизмъ Болгаръ состоялъ въ самомъ естественномъ желаніи ихъ совершать свое богослуженіе на понятномъ имъ языкѣ и имѣть у себя такихъ пастырей и архинастырей, которые могли бы учить болгарскій народъ вѣрѣ и нравственности на понятномъ ему нарѣчіи и свободно, безпрепятственно руководить свою духовную паству къ вѣчному спасенію, въ чемъ нѣтъ ничего противнаго ни евангельскому ученію, ни священнымъ канонамъ. Болгары, по мнѣнію разбираемаго проекта, не думаютъ отдѣляться отъ православной церкви и составлять особыя самочинныя соборы; они желаютъ оставаться истинными и покорными ея чадами, какими были всегда, сохранять всѣ ея догматы и уставы, но только пользоваться церковною самостоятельностью и независимостью отъ Константинопольскаго патріарха, въ чемъ не видѣли ничего антиканоническаго въ прежнія времена и сами Константинопольскіе патріархи.

Доказавъ необязательность для русской Церкви постановленія собора 1872 года, проектъ отвѣта заключалъ, что неканонически обвиненныхъ Болгаръ нельзя признавать неправославными и что, потому, нѣтъ никакого основанія прерывать съ ними церковное общеніе.

Вообще, нашъ св. синодъ считалъ своимъ долгомъ повторить свой братскій совѣтъ и просьбу какъ греческимъ, такъ и болгарскимъ іерархамъ, чтобы «они старались всѣми мѣрами, при взаимныхъ уступкахъ, войти въ возможное соглашеніе и примиреніе между собою ко благу своихъ собственныхъ церковныхъ округовъ и на радость нашей общей матери Святой Христовой Православной Церкви».

Но проектъ этого отвѣта такъ и остался проектомъ, дабы прямымъ заявленіемъ мнѣнія св. синода не усложнить въ то время вопроса и тѣмъ не уменьшить шансовъ достиженія взаимнаго соглашенія между Греками и Болгарами.

Трудно было положеніе молодаго болгарскаго экзарха послѣ Берлинскаго трактата, разорвавшаго Болгарію на три отдѣльные куска. Блаженнѣйшій Іосифъ не обманывалъ себя иллюзіями и

отдавалъ себѣ отчетъ во всѣхъ трудностяхъ обстановки, въ которой онъ призванъ былъ дѣйствовать.

За невозможностью политическаго единства разсѣченныхъ кусковъ Болгаріи экзарху, какъ верховному пастырю своего народа, надлежало заботиться о сохраненіи между этими частями, по крайней мѣрѣ, религіозной связи, какъ то впослѣдствіи было опредѣлено 39-ю статьею болгарской конституціи, являясь единственно законнымъ связующимъ звеномъ между ними и будучи, такъ сказать, ходячимъ олицетвореніемъ Санъ-Стефанской Болгаріи. Затрудненія увеличились, когда князь Дондуковъ-Корсаковъ сталъ приглашать экзарха поселиться на постоянное жительство въ Тырновѣ или Софіи. Въ случаѣ принятія приглашенія легко могло случиться, что Турки, объявивъ предѣлы экзархата ограниченными предѣлами Болгарскаго княжества, уничтожили бы фирманъ 1870 года, какъ данный при совершенно другихъ обстоятельствахъ, и тѣмъ лишили бы экзарха всякаго законнаго права заступничества за оставшихся подъ турецкою властью Болгаръ Оракіи и Македоніи. Между тѣмъ, македонскіе Болгары прямо объявили, что они рѣшили перейти въ католичество, если экзархъ ихъ оставитъ.

Ясно понимая, что вліяніе его, какъ экзарха, будетъ несравненно сильнѣе, если онъ останется среди турецкихъ Болгаръ, а не за тою стѣной, которою Порты постарается отдѣлится отъ княжества и изъ-за которой всѣ распоряженія экзархата неминуемо будутъ вызывать подозрительность турецкихъ властей, блаженнѣйшій Іосифъ рѣшилъ отклонить приглашеніе князя Дондукова и ѣхать въ Константинополь, гдѣ, отдавшись добровольно подъ надзоръ и контроль Порты, онъ тѣмъ не менѣе могъ быть полезенъ своему народу.

Пріѣхавъ въ Царьградъ, блаженнѣйшій Іосифъ сталъ хлопотать о выдачѣ Портой бератовъ болгарскимъ епископамъ Охриды, Велеса и Скопѣи. Но старанія его были безуспѣшны, причемъ не надо забывать, что экзархъ не могъ выказывать особенной настойчивости въ своихъ требованіяхъ, такъ какъ

Порта для неисполненія собственнаго фирмана всегда могла укрыться за измѣнившимися политическими обстоятельствами; съ другой стороны, назначеніе болгарскихъ епископовъ въ Македонію вызвало бы опасенія иностранныхъ державъ призракомъ панславизма и, наконецъ, имѣло бы слѣдствіемъ упорное сопротивленіе патріарха и желаніе имѣть греческихъ епископовъ во всѣхъ мѣстностяхъ Болгаріи и Восточной Румеліи, гдѣ только есть Греки.

Видя неуспѣхъ своихъ стараній предъ турецкими министрами, экзархъ попробовалъ было обратиться за помощью къ румелійской европейской комиссіи по выработкѣ органическаго устава для этой области. Блаженнѣйшій Іосифъ представилъ каждому делегату ея довольно объемистый мемуаръ, въ которомъ излагалъ исторію церковнаго греко-болгарскаго вопроса и жаловался на несправедливость Порты. Это довольно странное обращеніе экзарха къ иновѣрцамъ, съ просьбою быть судьями въ дѣлѣ, касающемся Православной Церкви, тоже не имѣло успѣха и нашло сочувственный отголосокъ лишь во французскомъ делегатѣ баронѣ Рингѣ, который, воспользовавшись обсужденіемъ главы статута, касавшейся исповѣданій, горячо порицалъ образъ дѣйствій Порты, отказывающей въ назначеніи болгарскихъ епископовъ въ Македонію, вопреки султанскому фирману и 62-й ст. Берлинскаго трактата. Все дѣло кончилось лишь постановленіемъ комиссіи, предоставлявшимъ болгарскимъ епископамъ право получать свои бераты непосредственно отъ генераль-губернатора, дѣйствующаго именемъ султана.

X.

Начало 1879 года было ознаменовано въ Адрианополѣ печальнымъ событіемъ, печальнымъ, какъ всякое проявленіе дикаго самосуда разгулявшейся черни, хотя въ данномъ случаѣ пострадавшею явилась личность крайне несимпатичная. Митрополитъ

Адріанопольскій, Діонисій, былъ избитъ толпой, составленною преимущественно изъ женщинъ, имѣвшихъ, какъ то выяснило слѣдствіе, много основаній мстить владыкѣ и, однимъ разомъ, воздать ему зломъ за зло.

Эллины не пропустили, разумѣется, такого удобнаго случая выставить митрополита Діонисія мученикомъ за греческую народность и жертвой постояннаго пристрастія русскихъ властей къ Болгарамъ. Въ дѣйствительности же, нападеніе на митрополита, какъ то доказало публичное судебное разбирательство, было результатомъ личной вражды и общей къ нему ненависти, такъ какъ въ нападеніи принимали одинаковое участіе и Греки и Болгары.

Какъ бы то ни было, Греки воспользовались этимъ грустнымъ обстоятельствомъ, чтобы проявить свою ненависть къ Россіи и русскимъ властямъ, занимавшимся тогда обратною передачей Адріанополя Турецкому правительству. Вожаки греческой партіи собрали четырнадцать тысячъ подписей подъ благодарственнымъ адресомъ Турецкому правительству, адресомъ, выражавшимъ ихъ радость, что они снова переходятъ подъ власть султана. Когда же новый генераль-губернаторъ, Реуфъ-паша, пріѣхалъ въ Адріанополь, Греки подготовили ему торжественную встрѣчу, и въ произнесенной при этомъ рѣчи, между прочимъ, было сказано: «Долго мы были въ плѣну, наконецъ-то видимъ мы нашего избавителя!»

Адріанопольская греческая община отказалась даже принять отъ уходившихъ русскихъ властей денежное пожертвованіе въ пользу мѣстной греческой школы и немедленно по выступленіи изъ города русскихъ войскъ служила молебны за Турокъ. Могъ-ли кто-либо двѣнадцать лѣтъ тому назадъ предположить, что такимъ образомъ будетъ отомщена кровь перерѣзанныхъ въ 1867 году Критянъ!

Къ 1879-му же году относится желаніе получившей политическую независимость Сербіи имѣть свою независимую, автокефальную церковь.

До 1832 года Сербія зависѣла отъ Константинопольскаго патріарха и управлялась фанаріотскими епископами; въ этомъ же году она получила свою церковную автономію въ силу конкордата, заключеннаго ею съ Константинопольскимъ престоломъ. Основанія этого конкордата слѣдующія:

1. Митрополитъ и епископы Сербіи избираются княземъ и народомъ изъ сербскаго духовенства. Константинопольская Церковь не можетъ дѣлать никакихъ замѣчаній ни о способѣ избранія, ни о мѣсторожденіи и лицѣ избраннаго.

2. Архіепископъ Бѣлградскій, избранный по общей волѣ и согласію сербскаго народа и духовенства, именуется митрополитомъ всея Сербіи и ему подчиняются всѣ епископы той земли. При каждомъ новомъ избраніи митрополита изъ среды сербскаго духовенства, князь и народъ должны извѣстить патріарха объ учиненномъ избраніи и лицѣ избраннаго и представить его на утвержденіе, а патріархъ, убѣдившись, что выборъ сдѣланъ сходно съ церковными правилами, долженъ прислать безо всякаго отлагательства свое письменное соизволеніе, сопровождаемое его первосвященническимъ благословеніемъ, чтобы тамъ, на мѣстѣ, совершено было посвященіе митрополита по церковному обряду.

3. Сербскіе епископы, избранные княземъ и митрополитомъ изъ сербскаго духовенства, посвящаются тамъ же безъ предварительнаго патріаршаго соизволенія, но единственно властію и полномочіемъ ихъ митрополита, какъ тамошняго законнаго первосвященника; патріарху же присылается сообщеніе о томъ и онъ въ своемъ отвѣтѣ даетъ свое согласіе и благословеніе.

4. При всякомъ избраніи новаго митрополита, патріарху постоянно присылается, въ видѣ подарка, триста австрійскихъ дукатовъ, а при посвященіи сербскихъ епископовъ Константинопольская Церковь не можетъ искать ничего ни подъ какимъ предлогомъ. Кромѣ того, сербская Церковь вноситъ ежегодно въ кассу патріарха девять тысячъ грошей.

5. За уплатой же этихъ суммъ, архіепископъ и все серб-

ское духовенство свободны отъ всякихъ искательствъ и требованій Великой Церкви.

6. Ни митрополитъ, ни епископы сербскіе не имѣютъ права дѣлать долга ни на счетъ сербскаго народа, ни на счетъ Великой Церкви.

7. Митрополитъ не можетъ быть безъ законной воли Константинопольскаго патріарха и соизволенія Сербскаго князя удаленъ изъ своей епархіи, а сербскіе епископы — безъ согласія митрополита и князя.

8. Во время богослуженія митрополитъ Сербіи поминаетъ Константинопольскаго патріарха, а митрополита всѣ сербскіе епископы.

Что касается до церковной администраціи, то высшая церковно-законодательная власть въ Сербіи принадлежала архіерейскому собору, который, подъ предсѣдательствомъ митрополита, составляется изъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ и собирается однажды въ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Исходя изъ принципа, что независимость политическая влечетъ за собою независимость церковную, принципа, примѣненнаго уже при образованіи Эллинской Церкви, патріархъ Константинопольскій не могъ отказать Сербіи въ ея желаніи имѣть свою автокефальную Церковь. Святѣйшій Іоакимъ воспользовался даже этимъ, чтобы выставить въ разговорѣ съ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ на видъ, что Константинопольская патріархія вовсе не такъ неуступчива, какъ ее представляютъ, и что она никогда не дѣлаетъ никакихъ затрудненій, когда ее просятъ о чемъ либо законнымъ образомъ. На вопросъ же собесѣдника, что бы онъ сдѣлалъ, въ случаѣ, если бы князь Болгарскій обратился къ нему съ письменною просьбой о каноническомъ признаніи Болгарскаго экзархата, святѣйшій Іоакимъ, не задумываясь, отвѣтилъ, что, конечно, если бы дѣло шло лишь о княжествѣ Болгарскомъ, то патріархія не нашла бы препятствій признать его церковную іерархію и предать схизму забвенію. «Но», прибавилъ его святѣйшество, «экзархъ желаетъ

быть экзархомъ не только собственно въ Болгаріи, но и въ Восточной Румеліи и Македоніи, а на этой почвѣ соглашеніе невозможно».

Довольно любопытнымъ является отношеніе Австріи къ домогательствамъ Сербіи имѣть свою независимую Церковь.

Въ Константинополѣ прошелъ въ то время слухъ, будто бы Австрія, занявъ по Берлинскому трактату Боснію, желаетъ подчинить ее въ церковномъ отношеніи Карловицкому патріарху.

Слухъ этотъ произвелъ очень непріятное впечатлѣніе на вселенскую патріархію и австро-венгерскій въ Константинополѣ посоль едва успѣлъ его разсѣять усиленными ухаживаньями за патріархомъ и увѣреніями, что его правительство не только не желаетъ подчинять Боснію Карловицкому патріарху, но, напротивъ, стремится усилить связи ея съ Константинопольскимъ престоломъ, потому, что этотъ послѣдній является естественнымъ союзникомъ Австріи противъ захватовъ славянства. «Мы должны», прибавилъ графъ Зичи, «защищать одинаковые, общіе для насъ интересы и сражаться съ однимъ и тѣмъ же врагомъ». Исходя изъ этой точки зрѣнія, Австрія не одобрила бы поспѣшности вселенскаго патріарха признать независимость Сербской Церкви, причемъ, по словамъ графа Зичи, Бѣлградъ неминуемо долженъ былъ сдѣлаться средоточіемъ всевозможныхъ церковныхъ интригъ, имѣющихъ цѣлью присоединеніе сосѣднихъ епархій.

Тѣмъ не менѣе и къ великому неудовольствію австро-венгерскаго посла, независимость Сербской Церкви была признана въ ноябрѣ 1879 года. Для насъ это имѣло тѣмъ большее значеніе, что Сербская Церковь была первою славянскою независимою Церковью, признанною вселенскою патріархіею, послѣ провозглашенія независимости Церкви Русской.

Томосъ (учредительный актъ) Сербской Церкви въ сущности не отличается отъ томоса, служащаго основаніемъ Эллинской Церкви; онъ также содержитъ въ себѣ безусловное признаніе независимости Сербской Церкви. Единственная разница между

обоими томосами та, что Греческая Церковь была объявлена независимою цѣлымъ соборомъ, составленнымъ не только изъ членовъ Константинопольскаго синода, но и изъ пяти бывшихъ патріарховъ, патріарха Іерусалимскаго и двухъ митрополитовъ *in partibus*, которые подъ, предсѣдательствомъ патріарха Константинопольскаго, постановили свое рѣшеніе, тогда какъ въ настоящемъ случаѣ независимость Сербской Церкви была признана однимъ Константинопольскимъ синодомъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха, чего, по церковнымъ правиламъ, совершенно достаточно.

Въ актѣ этомъ нельзя было обойти молчаніемъ исключительнаго положенія митрополита Нишскаго и духовенства и мірянъ его епархіи, присоединенной по Берлинскому трактату къ Сербіи.

До этого времени, архіепископъ Нишскій и его паства зависѣли отъ Болгарскаго экзарха, вотъ почему томосъ изъясняется въ особомъ параграфѣ и съ нѣкоторою гибкостью о духовенствѣ этого округа, глухо говоря, что возвращеніе этого духовенства въ лоно Сербской Церкви должно произойти согласно священнымъ канонамъ.

Сообщая о признаніи независимости Сербской Церкви и передавая, при этомъ, всѣ необходимыя документы, вселенскій патріархъ обратился какъ къ россійскому св. Синоду, такъ и къ прочимъ автокефальнымъ Церквамъ съ окружнымъ посланіемъ касательно болгарскаго духовенства, которое желало бы возвратиться въ лоно великой Церкви, отъ которой оно было отдѣлено провозглашеніемъ схизмы 1872 года. Патріархъ различаетъ двѣ категоріи этихъ духовныхъ. Первая обнимаетъ тѣхъ, которые, будучи рукоположены каноническими епископами, потомъ пристали къ схизматикамъ. Сюда же входятъ и всѣ духовные, общавшіеся съ схизматиками. Вторая категорія,—священники, рукоположенные епископами низверженными и отлученными. Что касается первыхъ, то, по словамъ посланія, возвращеніе ихъ въ Церковь очень легко; имъ слѣдуетъ лишь принести покаяніе въ своемъ поступкѣ и быть миропомазанными. Тогда какъ относительно вторыхъ между Церквами существуетъ разногласіе: въ

то время какъ однѣ склоняются къ снисходительности, другія твердо соблюдаютъ церковныя правила, снова рукополагая этихъ священниковъ.

Поднимая этотъ вопросъ въ окружномъ своемъ посланіи, Іоакимъ III, очевидно, желалъ заставить косвеннымъ путемъ нашъ синодъ высказаться наконецъ, признаетъ онъ или нѣтъ самую схизму 1872 года.

Мы уже видѣли какое положеніе принялъ нашъ синодъ съ самаго начала этого дѣла, отказавшись отвѣчать на соборное опредѣленіе, провозгласившее схизму; онъ старательно избѣгалъ всякихъ словъ и дѣйствій, которыя могли бы подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ его истиннаго чувства. Воодушевляясь возвышенными цѣлями и озабоченный прежде всего необходимостью сохранить единство Церкви превыше политическихъ страстей и національных раздоровъ, св. Синодъ сохранялъ за собою полную свободу дѣйствій, дабы быть въ состояніи въ данный моментъ выступить въ роли примирителя со всѣмъ вѣсомъ своего духовнаго авторитета. Основываясь на тѣхъ же самыхъ соображеніяхъ, не былъ отправленъ патріарху отвѣтъ Св. Синода, опровергавшій правильность объявленія схизмы 1872 года и составленный въ то время, когда въ дѣло впервые замѣшалось непосредственно русское духовенство.

На этотъ разъ, прямо вызванный на отвѣтъ нашъ св. Синодъ не счелъ возможнымъ промолчать и на окружное посланіе святѣйшаго Іоакима отозвался въ свою очередь объемистымъ посланіемъ, въ которомъ откровенно говоритъ, что не раздѣляетъ мнѣнія Константинопольскаго помѣстнаго собора. Но, желая всячески содѣйствовать примиренію Болгаръ съ Греками, св. Синодъ русскій временно становится на точку зрѣнія этого собора, чтобы дать патріарху отвѣтъ на его вопросы, руководствуясь канонами и практикой древней вселенской Церкви.

Въ 1-мъ правилѣ св. Василія Великаго говорится: «древніе иное нарекли ересью, иное расколомъ, а иное самочиннымъ сборищемъ. Еретиками называли они совершенно отторгшихся и

въ самой вѣрѣ отчуждившихся; раскольниками — раздѣлившихся во мнѣніяхъ о нѣкоторыхъ предметахъ церковныхъ и вопросахъ, допускающихъ уврачеваніе, и самочиннымъ сборищемъ—собраніа, составляемыя непокорными пресвитерами или епископами и ненаученнымъ народомъ. Напримѣръ: аще кто бывъ обличенъ въ грѣхѣ, удаленъ отъ священнослуженія, не покорился правиламъ, а самъ удержалъ за собою предстояніе и священнослуженіе, и съ ними отступили нѣкоторые другіе, оставивъ католическую Церковь: сіе есть самочинное сборище». Изъ этого опредѣленія ясно вытекаетъ, что осужденные соборомъ Болгары могутъ подпадать только подъ третью категорію и быть виновными лишь въ устройствѣ самочиннаго сборища.

Далѣе, тоже правило Василия Великаго говоритъ: «почему отъ начала бывшимъ отцамъ угодно было крещеніе еретиковъ совсѣмъ отметати, крещеніе раскольниковъ, какъ еще не чуждыхъ Церкви, пріимати, а находящихся въ самочинныхъ сборищахъ справляти приличнымъ покаяніемъ и обращеніемъ и паки присоединяти къ Церкви. Такимъ образомъ, даже находящіеся въ церковныхъ степеняхъ, отступивъ купно съ непокорными, когда покаются, нерѣдко пріемлются въ томъ же чинѣ».

Въ концѣ того же перваго правила, св. Василій Великій, разсуждая объ енкратитахъ, которыхъ изображаетъ дѣйствительными раскольниками, говоритъ: «впрочемъ вѣдаю яко братій Зоина и Сатурнина, бывшихъ въ ихъ обществѣ мы пріяли на кафедру епископскую». По этому примѣру великаго отца Церкви, можно принимать и осужденныхъ епископовъ, а, слѣдовательно, и прочихъ священнослужителей въ ихъ собственномъ церковномъ чинѣ, если бы даже признавать ихъ дѣйствительными раскольниками.

Въ восьмомъ правилѣ и въ практикѣ перваго Вселенскаго собора находимъ рѣшеніе и на тотъ вопросъ, какъ поступить съ тѣми архіереями и другими лицами, которые получили священный санъ не до отлученія ихъ отъ церкви, а уже послѣ отлученія и отъ епископовъ отлученныхъ. Въ этомъ правилѣ

постановлено: «объ именовавшихъ нѣкогда самихъ себя *чистыми*, но присоединяющихся къ католической и апостольской Церкви, благоугодно св. Великому собору да, по возложеніи на нихъ рукъ, пребываютъ они въ клирѣ. Прежде же всего, надлежитъ имъ письменно исповѣдати, яко прилѣпятся и послѣдовати будутъ опредѣленіямъ католическія и апостольскія Церкви. Итакъ, гдѣ или въ селѣхъ, или въ градахъ, всѣ обрѣтающіеся въ клирѣ окажутся рукоположенными изъ нихъ однихъ да будутъ въ томъ же чинѣ».

Каоары или чистые были раскольники, послѣдователи римскаго пресвитера Новата. Они составляли свое, отдѣльное отъ православной Церкви, общество и имѣли свою іерархію. Между тѣмъ, Вселенскій соборъ опредѣлилъ: рукоположенныхъ въ ихъ раскольническомъ обществѣ на какую либо церковную степень оставлять, по присоединеніи ихъ къ Церкви, въ томъ же чинѣ.

Тотъ же Вселенскій соборъ, хотя и не постановилъ особаго правила, но на практикѣ рѣшилъ, и въ томъ же самомъ духѣ, вопросъ и о другихъ раскольникахъ, мелетіанахъ. Онъ принялъ въ Церковь начальника этого раскола, епископа Мелетія, въ его прежнемъ санѣ, и всѣмъ рукоположеннымъ имъ въ расколѣ дозволилъ, по присоединеніи ихъ къ Церкви, совершать литургію и пользоваться прежнею честью (Acta Concil. I. 440).

Между правилами Кароагенскаго собора есть два, 79 и 112, показывающія какъ принимались въ православную Церковь получившіе священный санъ въ расколѣ донатистовъ.

Въ 79-мъ правилѣ отцы собора опредѣлили послать грамоты къ своимъ братіямъ и епископамъ «о томъ, чтобы ради мира и пользы Церкви и изъ самихъ донатистовъ клириковъ, расположеніе свое исправившихъ, прійти къ католическому соединенію, по разсужденію и изволенію каждаго католическаго епископа, управляющаго Церковью въ томъ мѣстѣ пріимати въ своихъ степеняхъ священства, аще окажется сіе содѣйствующимъ къ миру христіанъ».

Въ подтвержденіе своего рѣшенія, отцы собора говорятъ

вслѣдъ за тѣмъ: «извѣстно, что и въ предшествовавшее время такъ поступаемо было съ симъ расколомъ, о чемъ свидѣлствуютъ примѣры многихъ и почти всѣхъ африканскихъ Церквей, въ которыхъ возникло сіе заблужденіе».

Подъ конецъ того же правила соборъ выражается: «рукоположенные донатистами, аще исправясь восхотятъ приступить къ католической вѣрѣ, да не будутъ лишаемы принятія въ своихъ степеняхъ».

Яснѣе сказать невозможно.

Въ 112-мъ правилѣ Карфагенскаго собора тоже самое повторяется собственно относительно епископовъ: «народъ, обращающійся отъ донатистовъ, имѣющій епископа, поставленнаго безъ соизволенія собора, да будетъ несомнѣнно удостоенъ онаго», то-есть имѣть того же самаго епископа.

Св. Синодъ заключалъ свое отвѣтное посланіе такъ: «довольно и представленныхъ указаній древней вселенской Церкви чтобы правильно рѣшить, какъ слѣдуетъ отнестись къ епископамъ и всему духовенству, осужденнымъ Константинопольскимъ соборомъ и нынѣ изъявляющимъ раскаяніе и желающимъ возсоединиться съ осудившею ихъ Церковью. Ихъ слѣдуетъ принять въ томъ самомъ санѣ, какой они имѣютъ, получили ли они этотъ санъ еще до осужденія ихъ соборомъ или же послѣ осужденія. Такъ должно поступить и по силѣ указанныхъ правилъ и практики древней Церкви и ради мира церковнаго, который столько уже лѣтъ нарушается прискорбною распрей».

Очень не понравилось посланіе это Константинопольскому патріарху, который не могъ говорить о немъ безъ горечи.

Большую часть 1879 года болгарскій экзархъ провелъ въ Филиппополѣ и въ Болгаріи, стараясь привести въ порядокъ церковныя дѣла въ княжествѣ и Восточной Румеліи и рѣшенный уже было въ октябрѣ мѣсяцѣ отъѣздъ его блаженства въ Константинополь замедлился въ виду желанія экзарха устроить и улучшить жалкое положеніе, въ которомъ находилось сельское духовенство Восточной Румеліи. Дѣйствительно, подати въ пользу

духовенства уплачивались населеніемъ весьма неисправно и, лишенные доходовъ, священники очутились въ крайней бѣдности, тогда какъ условія жизни измѣнились, все поднялось въ цѣнѣ и жить стало гораздо дороже прежняго.

Съ другой стороны, все, что только было мало-мальски образованнаго въ княжествѣ и области, все это устремилось въ новую администрацію, нуждавшуюся въ болгарскихъ чиновникахъ и крупными окладами содержанія дававшую служащимъ возможность безбѣднаго существованія. Этотъ усиленный притокъ образованныхъ силъ въ правительственныя административныя учрежденія естественно отразился уменьшеніемъ числа лицъ, изъявлявшихъ желаніе вступить въ духовенство или посвятить себя педагогическому поприщу.

Важность могущихъ произойти отъ подобнаго положенія послѣдствій не ускользнула отъ проницательности болгарскаго экзарха и онъ рѣшилъ созвать въ Филиппополѣ собраніе представителей областного духовенства, которые, совмѣстно съ депутатами областного собранія, должны были изыскать наиболѣе практическія средства улучшить положеніе болгарскаго духовенства и поднять его вліяніе.

Послѣ тщательной разработки вопроса, созванное въ Филиппополѣ экзархомъ собраніе составило новый уставъ, который послѣдующимъ распоряженіемъ генераль-губернатора вошелъ въ законную силу и, улучшивъ бытъ румелійскаго духовенства, принесетъ ему несомнѣнно большую пользу.

До тѣхъ поръ, матеріальное положеніе болгарскихъ священниковъ было весьма незавидное, съ одной стороны, благодаря неопредѣленности и необезпеченности доходовъ, а съ другой тѣмъ, что, не будучи ничѣмъ ограничены при собираніи доходовъ, священники могли безпрепятственно эксплуатировать народъ, что, конечно, сопровождалось упадкомъ уваженія къ духовенству вообще.

Новымъ уставомъ сдѣланы съ этой стороны нѣкоторыя ограниченія, и самыя отношенія между священниками и ихъ паствою поставлены на лучшую почву.

Всѣ доходы священниковъ раздѣлены на случайные и постоянные. Первые состоятъ въ полученіи денегъ за разныя требы, причемъ за послѣднія установлена опредѣленная плата: крещеніе 10 піастровъ, вѣнчаніе 50 піастровъ, панихида 30 піастровъ, елеосвященіе 10 піастровъ, водосвятіе 5 піастровъ.

Къ постояннымъ доходамъ относится жалованье священниковъ: 4000 піастровъ въ годъ для городскихъ и 3000 піастровъ для сельскихъ. Приходъ городского священника долженъ заключать въ себѣ не болѣе 400 и не менѣе 200 домовъ, приходъ же сельскихъ отъ 150 до 260 домовъ.

Постоянные доходы священниковъ покрываются поголовнымъ налогомъ на каждого православнаго христіанина области. Налогъ этотъ собирается гражданскими властями и отдается мѣстному архіерею, который выдаетъ жалованье подвѣдомственнымъ ему священникамъ.

Жители Македоніи, между тѣмъ, были очень недовольны продолжительнымъ пребываніемъ экзарха въ Филиппополѣ и блаженнѣйшій Іосифъ получалъ множество писемъ и адресовъ, покрытыхъ многочисленными подписями, приглашавшихъ его все съ бѣльшею настойчивостью отправиться въ Константинополь хлопотать предъ Портой о примѣненіи въ Македоніи фирмана 1870 г. и принциповъ вѣротерпимости, провозглашенныхъ Берлинскимъ трактатомъ. Письма эти, изъ которыхъ одно было напечатано въ болгарскихъ журналахъ, прямо возлагали на экзарха отвѣтственность предъ народомъ, если онъ ничего не предприметъ въ смыслѣ желаній Македонянъ, и даже прибавляли, что «не исполненіе законнаго желанія Болгарскаго народа будетъ принято какъ недостатокъ рвенія со стороны духовнаго начальника народа въ исполненіи своихъ обязанностей».

Не желая терять своего вліянія на жителей Македоніи, которые, будучи предоставлены самимъ себѣ, могли легко вступить на опасный путь, экзархъ рѣшился сообразоваться съ ихъ желаніями и снова переѣхалъ въ Константинополь, несмотря на то, что пребываніе его въ этомъ городѣ, противное канонамъ,

раздражало вселенскаго патріарха и отдаляло возможность взаимнаго соглашенія.

Тѣмъ временемъ вселенская патріархія была занята разработкой конкордата, предложеннаго Австро-венгерскимъ правительствомъ для опредѣленія новыхъ отношеній между Константинопольскимъ престоломъ и православною Церковью въ Босніи, вытекавшихъ изъ новаго политическаго положенія этой страны, управленіе которою перешло, по Берлинскому трактату, къ Австріи.

Одно частное обстоятельство способствовало уступчивости вселенской патріархіи: до нея дошло, что Сераевскій митрополитъ Анѳимъ, родомъ Грекъ, желая подслужиться новымъ обладателямъ Босніи, съ цѣлью укрѣпить тѣмъ собственное положеніе, вознамѣрился, будто-бы, отложиться отъ Константинопольскаго патріаршаго престола и, завязавъ тайныя сношенія съ начальникомъ Карловицкой патріархіи, предложилъ признать его духовное надъ собою главенство.

Послѣ недолгихъ переговоровъ, во время которыхъ патріархія поставила условіемъ своего согласія—смѣщеніе митрополита Анѳима Сераевскаго, и послѣ улаженія нѣкоторыхъ затрудненій, возбужденныхъ Портой, конкордаты былъ заключенъ и въ мартѣ 1880 года торжественно переданъ святѣйшимъ Іоакимомъ австро-венгерскому посланнику, графу Дубскому.

Актъ этотъ признаетъ Константинопольскаго патріарха главой Боснійской Церкви, составленной изъ трехъ митрополій—Сераевской, Мостарской и Зворникской, и содержитъ въ себѣ семь пунктовъ:

1. Православные митрополиты Босніи и Герцеговины, нынѣ занимающіе эти каѳедры, сохраняютъ ихъ за собою и утверждаютъ въ настоящемъ своемъ санѣ.

2. Въ случаѣ вакансіи одной изъ трехъ каѳедръ въ Босніи и Герцеговинѣ, новаго митрополита на свободную каѳедру назначаетъ императоръ Австрійскій, по предварительномъ сообщеніи патріарху имени своего кандидата для исполненія каноническихъ обрядностей. Въ случаѣ если кандидатъ этотъ будетъ

неизвѣстенъ патріархіи, это сообщеніе будетъ сопровождаемо свидѣтельствомъ православнаго епископа, коему кандидатъ подвѣдомъ, свидѣтельствомъ, доказывающимъ каноническую правоспособность его быть посвященнымъ во епископа.

3. Если будетъ доказано, что одинъ изъ трехъ митрополитовъ преступилъ свои обязанности либо по отношенію къ гражданской власти, либо по отношенію къ церковной власти, или своей паствы, отставка его дается такимъ же порядкомъ, какой установленъ для его назначенія.

4. Новые митрополиты, назначаемые императоромъ австрійскимъ, будутъ посвящаемы согласно правиламъ, установленнымъ канонами православной Восточной Церкви.

5. Православные митрополиты Босніи и Герцеговины будутъ поминать на богослуженіи имя Константинопольскаго патріарха. Святое миро они будутъ получать отъ Константинопольской патріархіи.

6. Вмѣсто денежной суммы, которую митрополиты эти уплачивали патріарху Константинопольскому, Австро-Венгерское правительство обязуется уплачивать этому послѣднему ежегодно пятьсотъ-восемьдесятъ турецкихъ лиръ, которыя будутъ вноситься въ патріаршую казну чрезъ посредство австрійскаго посольства въ Константинополь; за уплатой же этой суммы, его святѣйшество, патріархъ Іоакимъ, не имѣетъ болѣе права обращаться какія-либо денежные требованія къ означеннымъ областямъ Босніи и Герцеговины.

7. Митрополиты означенныхъ областей не будутъ впредь взимать со своей паствы никакихъ податей или налоговъ. Подати эти будутъ отнынѣ взиматься австрійскимъ казначействомъ, за исключеніемъ той части податей, которая причиталась прежде патріарху и уплата которой теперь не будетъ болѣе требоваться съ населенія. Взамѣнъ того, митрополиты будутъ получать изъ австрійскаго казначейства опредѣленное жалованье, окладъ котораго будетъ установленъ на основаніи средней цифры получавшихся ими съ паствы годовыхъ доходовъ.

Въ заключеніе, патріархъ и его синодъ объявляютъ, что они согласились принять всѣ вышеизложенныя временныя правила въ виду требованій времени и настоящихъ обстоятельствъ (*conformément aux exigences de temps et aux circonstances actuelles*).

Хотя заключенный конкордатъ и указываетъ на временной характеръ его правилъ, тѣмъ не менѣе ясно, что точно также, какъ Австрія не выпуститъ изъ своихъ рукъ временно занятыхъ ею областей Босніи и Герцеговины, такъ и конкордатомъ положенъ навсегда конецъ непосредственной власти высшаго греческаго духовенства надъ Босніей, гдѣ отнынѣ образуется автономная Сербская Церковь, пріобрѣтающая чрезъ нѣсколько времени и своего народнаго главу въ лицѣ извѣстнаго боснійскаго патріота, архимандрита Саввы Касановича, назначеннаго Сераевскимъ митрополитомъ, вмѣсто подавшаго въ отставку митрополита Анѣима.

Въ началѣ того же 1880 года Константинопольскій патріархъ обратился къ Портѣ съ просьбой, оказать ему содѣйствіе ко взысканію съ славянскихъ областей, находящихся послѣ событій 1877 — 1878 годовъ въ измѣнившихся политическихъ условіяхъ, той части, которая причитается съ нихъ на уплату общаго патріаршаго долга.

Долгъ этотъ образовался до 1860 года, эпохи, когда болгарскій вопросъ принялъ свой оффиціальнѣйшій характеръ и когда Болгары отказались признавать надъ собою власть патріархіи. До тѣхъ же поръ патріархія производила расходы, иногда весьма значительныя, на общія нужды всѣхъ православныхъ христіанъ, какъ, напримѣръ, на устройство духовно-воспитательныхъ заведеній, богадѣленъ и т. п. благотворительныхъ учрежденій. Обыкновенные доходы патріархіи иногда не покрывали расходовъ и дефицитъ пополнялся посредствомъ займовъ у мѣстныхъ банкировъ. Занятые такимъ образомъ деньги составляютъ долгъ народной кассы патріархіи, который возросъ въ 1860 году до 135 тысячъ турецкихъ лиръ.

Созванное тогда, по распоряженію Турецкаго правительства, народное собраніе рѣшило, что этотъ долгъ вполне законный, подлежащій уплатѣ всѣми православными христіанами, подчиненными Константинопольской патріархіи, и что онъ долженъ быть погашенъ посредствомъ особаго налога на всѣхъ православныхъ.

Когда рѣшеніе собранія было утверждено Портой и получило силу закона, патріархъ запросилъ отъ правительства статистическія свѣденія о числѣ всѣхъ православныхъ, населяющихъ области, подчиненныя Константинопольскому престолу, и на основаніи полученныхъ данныхъ было постановлено, что каждое христіанское семейство уплатитъ на погашеніе вышеозначеннаго долга по шести золотыхъ піастровъ съ дома. Налогъ этотъ, по просьбѣ патріарха, былъ взыскиваемъ турецкими мѣстными властями, которыя успѣли собрать и передать въ кассу патріархіи 81,500 турецкихъ лиръ. Остальная же сумма въ 53,500 турецкихъ лиръ не могла быть собрана преимущественно вслѣдствіе развитія греко - болгарскаго вопроса и отказа Болгаръ платить Константинопольской патріархіи какія-либо подати.

Въ виду того, что въ настоящее время славянскія области находятся въ совершенно новыхъ политическихъ условіяхъ, святѣйшій Іоакимъ желалъ, чтобы Порта употребила свое вліяніе къ принужденію этихъ областей уплатить долгъ, сдѣланный ими до разрыва ихъ съ патріархіей.

Требуемая патріархіей суммы въ турецкихъ піастрахъ, съ причисленіемъ процентовъ по пяти на сто за 17 лѣтъ, распределяются слѣдующимъ образомъ:

съ Болгаріи:

		Піастровъ.	
По епархіи Тырновской	408,000		
процентовъ	346,800		
			754,800
» » Червенской	78,000		
процентовъ	66,300		
			144,300

Пі а с т р о в ъ .

По епархіи	Ловчанской	.	.	.	.	114,000	
	процентовъ	.	.	.	.	96,900	
							210,900
»	Врачанской	.	.	.	.	228,000	
	процентовъ	.	.	.	.	193,800	
							421,800
»	Виддинской	.	.	.	.	84,000	
	процентовъ	.	.	.	.	71,400	
							155,400
»	Софійской	.	.	.	.	171,000	
	процентовъ	.	.	.	.	145,550	
							316,550
»	Самоковской	.	.	.	.	168,000	
	процентовъ	.	.	.	.	142,800	
							310,800
»	Кюстендильской	.	.	.	.	153,000	
	процентовъ	.	.	.	.	128,050	
							281,050
»	Преславской	.	.	.	.	33,000	
	процентовъ	.	.	.	.	28,050	
							61,050
»	Варненской	.	.	.	.	24,000	
	процентовъ	.	.	.	.	20,400	
							44,400
							2.701,050

Съ Восточной Румеліи:

Пі а с т р о в ъ .

По епархіи	Филиппопольской.	.	.	342,000	
	процентовъ	.	.	290,700	
					632,700
»	Адріанопольской	.	.	186,000	
	процентовъ	.	.	158,100	
					344,100

				Пі а с т р о в ъ .
По	епархіи	Созопольской	21,000	
		процентовъ	17,850	
				38,850
»	»	Месемврійской	15,000	
		процентовъ	12,750	
				27,750
»	»	Анхіальской	30,000	
		процентовъ	25,500	
				55,500
				1.098,900

Кромѣ того, патріархія требовала за участки, присоединенные:

къ Сербіи	669,330	піастровъ.
» Австріи	886,390	»
» Румыніи	316,350	»

Просьба Константинопольской патріархіи о возвращеніи должныхъ ей славянскими областями денегъ осталась, однако, безъ всякаго практическаго результата, усиливъ лишь непріязнь Болгаръ.

Съ своей стороны, экзархъ усложнилъ дѣло и возбудилъ большое раздраженіе святѣйшаго Іоакима, обратившись, противно совѣтамъ русскаго посла, съ просьбой о помощи къ международной комиссіи, разсматривавшей уставъ о реформахъ, вводимыхъ по XXIII ст. Берлинскаго трактата въ Европейской Турціи. Требуя содѣйствія иновѣрной комиссіи для посылки болгарскихъ епископовъ въ Македонію, блаженнѣйшій Іосифъ основывалъ свои притязанія на V и LXII ст. Берлинскаго договора и тѣмъ приравнивалъ Болгаръ къ евреямъ и католикамъ, въ огражденіе правъ коихъ и были преимущественно направлены эти статьи трактата. Предлагая включить въ органическій уставъ перечисленіе немусульманскихъ общинъ: греческая, болгарская и пр., экзархъ упускалъ изъ виду, что подобною статьею освящалось

бы окончательное отдѣленіе Болгаръ отъ патріархата и изъ нея вытекали бы не только признаніе схизмы, но и разрывъ всякихъ связей съ Греческою Церковью, и потому статья эта давала бы оружіе врагамъ примиренія между двумя христіанскими народностями.

Во время преній, происходившихъ въ международной коммисіи по вопросу о включеніи въ главу органическаго устава правилъ о замѣщеніи вакантныхъ кафедръ, противникомъ экзарха явился австрійскій делегатъ, который доказывалъ, что назначеніе духовныхъ лицъ на вдовствующія епархіи можетъ послужить для правительства причиной многихъ непріятностей и затрудненій, чисто политическаго характера, какъ, напр., тѣ, которыя проистекаютъ отъ несогласій, существующихъ между Константинопольскою патріархіей и Болгарскимъ экзархатомъ.

Чтобы еще болѣе пояснить свою точку зрѣнія, австрійскій делегатъ прибавилъ, что, по его мнѣнію, международная коммисія вовсе не компетентна включать въ разсматриваемый ею органическій уставъ статью, которая могла бы, хотя бы и косвенно, предрѣшить вопросъ о греко-болгарской церковной распрѣ.

Вслѣдствіе этого, окончаніе главы устава «объ исповѣданіяхъ» получило такой видъ:

«Высшія духовныя лица немусульманскихъ общинъ будутъ, попрежнему, получать свое утвержденіе (инвеституру) отъ Порты.

«Если какая либо христіанская община будетъ лишена пастырей своего исповѣданія и если она будетъ просить объ ихъ назначеніи, Турецкое правительство должно безъ промедленія разсмотрѣть не возбуждаетъ ли просьба эта какихъ либо затрудненій и въ противномъ случаѣ обязано ее удовлетворить».

Радикальная партія, захватившая тѣмъ временемъ управленіе дѣлами Болгарскаго княжества, задумала наложить свою руку и на Болгарскую Церковь, вслѣдствіе чего она неминуемо должна была столкнуться съ экзархомъ, твердо стоявшимъ на стражѣ ввѣренныхъ ему интересовъ. Радикалы смотрѣли на блаженнѣйшаго Іосифа лишь какъ на орудіе своихъ политическихъ

замысловъ, а не какъ на предстоятеля Болгарской Церкви; потому то они даже и не желали присутствія его въ Софіи или Филиппополѣ изъ опасенія, что оттуда онъ будетъ вліять на церковныя дѣла, тогда почти безконтрольно управляемые ими самими.

Первое столкновеніе между радикалами, стоявшими во главѣ управленія, и экзархомъ, произошло изъ-за македонскихъ епископовъ.

Еще въ концѣ 1879 года, Болгарское правительство поручило своему константинопольскому агенту настаивать предъ Портой на томъ, чтобы, основываясь на V и LXII ст. Берлинскаго договора, митрополиты Кюстендильскій и Самоковскій могли безпрепятственно исполнять свои архипастырскія обязанности по отношенію къ паствѣ, принадлежащей къ этимъ двумъ епархіямъ, но обитающей за предѣлами нынѣшней пограничной черты Болгарскаго княжества.

Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, Савва-паша, тогда же отвѣтилъ г. Цанкову, что, по существующему обычаю, всѣ представленія по болгарскимъ церковнымъ дѣламъ должны исходить отъ экзарха.

Получивъ этотъ урокъ отъ турецкаго министра, болгарское правительство обратилось къ блаженнѣйшему Іосифу, но этотъ послѣдній отозвался, что, по его мнѣнію, обстоятельства не благопріятствуютъ поднятію вопроса о македонскихъ епархіяхъ и что лучше подождать того времени, когда въ Европейской Турціи будутъ введены общіе реформы.

Но княжеское правительство не захотѣло согласиться съ этимъ мнѣніемъ и, объявивъ, что не можетъ долѣе откладывать свое заступничество за поправленные интересы православныхъ двухъ означенныхъ выше епархій, снова предписало своему агенту войти по этому поводу въ сношеніе съ Портой, помимо экзарха, но испросивъ поддержку русскаго посольства въ Константинополѣ. Главнымъ пунктомъ жалобъ болгарскаго перваго министра былъ тотъ, что Ускюбскій губернаторъ, по внушеніямъ Константино-

польскаго патріарха, запретилъ въ Истибѣ, Кочани и Кратовѣ поминать имя Кюстендильскаго митрополита и выдавать его именемъ позволенія на бракъ.

При первомъ же свиданіи съ Цанковымъ, посолъ нашъ, г. Новиковъ, отказалъ ему въ просимомъ содѣйствіи по тремъ причинамъ: во-первыхъ, вопросъ о македонскихъ епархіяхъ, будучи исключительно церковнымъ, долженъ быть поднятъ экзархомъ, который между тѣмъ уже призналъ несвоевременность подобныхъ настояній; во-вторыхъ, неприлично русскому представителю жаловаться Туркамъ на православнаго патріарха и тѣмъ увеличивать бездну между Греками и Болгарами; въ-третьихъ, онъ не желаетъ получать отъ Абеддина-паши, тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, урока въ томъ, насколько противно канонамъ пребываніе двухъ епископовъ въ одной и той же епархіи.

Въ разговорѣ же съ экзархомъ, посолъ нашъ не скрылъ своего сожалѣнія, что Цанковъ вмѣшивается въ дѣла церковной дисциплины, происходящія въ мѣстностяхъ, лежащихъ внѣ предѣловъ Болгарскаго княжества, тѣмъ болѣе что всѣ подобныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію исключительно экзарха, въ его качествѣ не только главы Болгарской Церкви, но и единственно признаннаго и оффиціальнаго заступника и ходатая предъ Портой о духовныхъ нуждахъ всѣхъ Болгаръ, оставшихся подъ владычествомъ султана.

Другая непріятность ожидала экзарха. Его вызываетъ Джевдетъ-паша, министръ юстиціи и исповѣданій, и сообщаетъ, что патріархъ требуетъ, во-первыхъ, особаго одѣянія или отличительнаго знака для болгарскаго духовенства и, во-вторыхъ, чтобы экзархъ не носилъ болѣе своего настоящаго титула, который указываетъ де на его подчиненіе Константинопольскому престолу, а, слѣдовательно, и на церковное съ нимъ общеніе, въ дѣйствительности не существующее.

Передавая эти требованія, Джевдетъ-паша отъ себя прибавилъ, что они, въ виду объявленія схизмы, вполне законны, тѣмъ болѣе что самъ экзархъ настаиваетъ на отправленіи епископовъ

въ епархіи, гдѣ уже есть греческіе епископы, что, какъ ему извѣстно, противно церковнымъ канонамъ.

Блаженнѣйшій Іосифъ горячо возражалъ Джевдету-пашѣ, говоря, что титулъ экзарха составляетъ особый духовный санъ и не означаетъ исключительно намѣстника патріаршаго. Что касается до одѣянія, то Болгары отвергли перемѣну его еще въ 1872 году, такъ какъ не признаютъ себя отдѣленными отъ православной Церкви. Насильственная же перемѣна его будетъ имѣть значеніе несмываемаго клейма, налагаемаго на раскольниковъ. Если же экзархъ настаивалъ на посылкѣ епископовъ въ Македонію, то потому, что Порта до сихъ поръ, несмотря на фирманъ, не раздѣлила смѣшанныхъ епархій.

Настоянія Константинопольскаго патріарха предъ Джевдет-пашой обратили на себя особенное вниманіе нашего посла, который постарался разъяснить Іоакиму III, что настоящія его требованія могутъ имѣть послѣдствія, противныя интересамъ православной Церкви, бросивъ Болгаръ въ католичество. Продолжая упорствовать на своей нынѣшней точкѣ зрѣнія, патріархъ дѣйствуетъ въ прямомъ противорѣчій съ желаніями русскаго св. синода. «Благоразумно ли», прибавилъ г. Новиковъ, «наконецъ, возможно ли не обращать вниманія на образъ мыслей Русской Церкви, представляющей собою наиболѣе многочисленную, наиболѣе могущественную часть православной Церкви! Въ настоящее время слѣдуетъ пользоваться всѣми путями, посредствомъ которыхъ можно было бы достигнуть взаимнаго соглашенія, а не закрѣплять схизму установленіемъ наружныхъ отличій, которыя означали бы лишь явнымъ образомъ окончательный разрывъ между обѣими Церквями и увеличивали бы, а не уничтожали бездну, ихъ раздѣляющую. Не лучше ли было бы отыскать какой либо практическій исходъ изъ затрудненій посредствомъ обоюднаго соглашенія, не нарушающаго въ то же время основныхъ началъ православія».

Патріархъ, не оспаривая права Болгарскаго княжества имѣть автономную Церковь, тѣмъ не менѣе остался непоколебимъ въ

своемъ упорствѣ не допускать никакихъ сдѣлокъ. «Пусть лучше погибнетъ патріархія», заключилъ святѣйшій Іоакимъ, «лишь бы остались неприкосновенны ея достоинство и основные принципы. Впрочемъ, я убѣжденъ что вселенскій престолъ, обладая такою нравственною силой, можетъ вынести всѣ испытанія».

Единственная уступка, которой добился посолъ нашъ отъ патріарха, было обѣщаніе не возобновлять своихъ настояній предъ Портой, подъ условіемъ, однако, что и экзархъ воздержится отъ всякихъ вызывающихъ поступковъ.

Случай испытать искренность экзарха не замедлилъ представиться. Цанковъ потребовалъ, чтобы блаженнѣйшій Іосифъ отслужилъ въ церкви въ Балатѣ обѣдню въ день 30-го августа, день тезоименитства Болгарскаго князя. Экзархъ спросилъ совѣта нашего посла, который безъ труда отклонилъ его отъ этого намѣренія, показавъ, что служеніе это вызоветъ лишь демонстраціи, враждебныя Грекамъ, раздражить Константинопольскую патріархію и дастъ Іоакиму III поводъ считать себя въ состояніи самозащиты.

Описанное выше столкновеніе болгарскаго министерства съ экзархатомъ не прошло безслѣдно, а, напротивъ, разрослось въ явную между ними вражду и выразилось цѣлымъ рядомъ мѣръ, ознаменовавшихъ конецъ 1880 года и направленныхъ къ умаленію правъ высшаго болгарскаго духовенства.

Захватившая въ свои руки бразды правленія въ Софіи радикальная партія имѣла своими главами Цанкова и Каравелова, успѣвшихъ сдѣлаться министрами. Первый извѣстенъ уже издавна легкостью, съ которою онъ переходилъ изъ одной религіи въ другую, бросая поочередно православіе для католичества и католичество для православія. Что же касается Каравелова, то онъ даже не давалъ себѣ труда надѣвать маску того или другаго исповѣданія, а, напротивъ, рисовался своимъ выставляемымъ на показъ атеизмомъ.

Цанкову и Каравелову, лишеннымъ твердыхъ религіозныхъ убѣжденій, но воображавшимъ себя солью болгарской земли, не

могла правиться привязанность простаго народа къ православію, мѣшавшая ему обратиться поголовно въ безвѣріе и радикализмъ, и вотъ Цанковъ съ товарищами дѣлаются непримиримыми врагами и систематическими гонителями Болгарской Церкви, препятствующей осуществленію ихъ цѣлей.

Забывъ услуги, оказанныя болгарскимъ духовенствомъ народному дѣлу въ то время, когда Болгары были подъ турецкимъ игомъ и когда это духовенство было единственнымъ законнымъ представителемъ своей народности, Цанковъ сталъ усиленно преслѣдовать его при всякомъ удобномъ случаѣ.

Мѣры, принятыя Цанковымъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ для достиженія своихъ цѣлей дѣлятся на двѣ категоріи: къ умаленію значенія высшаго духовенства и къ порабощенію Церкви.

Къ первымъ относится уменьшеніе содержанія архіереямъ. Цанковъ побудилъ народное собраніе сбавить это содержаніе до такой степени, что епископамъ не доставало уже средствъ къ существованію. Варненско-Преславскому митрополиту опредѣлено жалованья всего пять тысячъ франковъ, а блаженнѣйшему Анѣиму, Виддинскому митрополиту и бывшему экзарху, самоотверженному подвижнику въ дѣлѣ освобожденія отечества, въ награду за изгнаніе и перенесенныя имъ лишенія, вмѣсто двѣнадцати тысячъ франковъ, которыя онъ получалъ, согласно уставу экзархата, при Туркахъ, содержаніе уменьшено до шести тысячъ франковъ, и притомъ упомянуто, что народное собраніе соизволило наградить его такимъ содержаніемъ въ виду его исключительныхъ заслугъ. Наконецъ, содержаніе нынѣшнему экзарху съ двухсотъ тысячъ франковъ сведено на 50000, изъ коихъ въ дѣйствительности блаженнѣйшій Іосифъ получаетъ лишь тридцать тысячъ франковъ, сумму совершенно недостаточную для жизни приличной его сану.

Уменьшеніемъ содержанія епископамъ Цанковъ полагалъ, что достигъ двухъ выгодъ: во-первыхъ, отнимая у нихъ средства къ существованію, онъ дѣлаетъ ихъ слабыми, безсильными, невлія-

тельными, словомъ, подрываетъ ихъ значеніе въ обществѣ, во-вторыхъ, что онъ отобьетъ у людей талантливыхъ всякую охоту посвящать себя, при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, духовной дѣятельности. Такимъ образомъ, вслѣдствіе мѣръ Цанкова Церковь надолго будетъ де лишена возможности имѣть въ средѣ высшаго духовенства лицъ способныхъ, которыя были бы въ состояніи защищать ее успѣшно отъ посягательствъ радикаловъ.

Въ то же время и по тѣмъ же причинамъ, Цанковъ отмѣнилъ въ школахъ преподаваніе Закона Божія, бывшее при Туркахъ обязательнымъ, и чрезъ своихъ сообщниковъ побуждаетъ народное собраніе закрыть, по экономическимъ соображеніямъ, Самоковскую семинарію, а Лесковскую, основанную еще при Туркахъ, переводить въ Тырново, съ намѣреніемъ преобразовать ее въ реальное училище, что было бы равносильно ея закрытію.

Ясно, что либеральное министерство, столь щедрое въ дѣлѣ народнаго образованія по отношенію къ свѣтскимъ школамъ, закрывая, по экономическимъ соображеніямъ, двѣ единственныя семинаріи, основанныя съ такимъ трудомъ и такими пожертвованіями, могло руководиться лишь одною цѣлью, лишить Болгарію образованнаго и способнаго духовенства, чтобы тѣмъ легче посѣять сѣмена безвѣрія и нанести Церкви смертельный ударъ.

Съ другой стороны, радикалы покровительствуютъ низшему духовенству и стараются объ улучшеніи его матеріальнаго быта, дабы, сдѣлавъ послушныхъ себѣ клевретовъ, распространять свои взгляды среди поселянъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія и желая примѣнить вторую категорію предпринятыхъ имъ мѣръ, Цанковъ составилъ законъ о церковномъ управленіи въ Болгаріи, послужившій поводомъ къ открытому столкновенію съ экзархомъ.

Еще во время управленія Болгаріей Императорскимъ комиссаромъ, собравшійся въ Тырновѣ духовный соборъ представилъ князю Дондукову-Корсакову выработанныя имъ правила объ епархіальномъ управленіи въ княжествѣ Болгарскомъ. Въ отвѣтъ своемъ предсѣдателю собора, блаженнѣйшему Анѳиму Виддин-

скому, князь Дондуковъ говоритъ, что внимательное ознакомленіе съ представленнымъ ему проектомъ убѣдило его, что утвержденію этихъ правилъ, касающихся столь важнаго предмета, должно предшествовать обстоятельное и всестороннее разсмотрѣніе ихъ особою комиссіей, составленною изъ нѣсколькихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Въ заключеніе князь Дондуковъ прибавилъ, что въ виду приближенія конца его дѣятельности по званію Императорскаго комиссара въ Болгаріи, онъ нашелъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неудобнымъ для себя назначить тогда же такую комиссію, но, что онъ сообщитъ свое мнѣніе будущему національному правительству, которое озаботится приведеніемъ въ исполненіе выработанныхъ архіереями предположеній.

Дѣйствительно, весною 1880 года, уставъ церковнаго управленія для княжества Болгарскаго былъ выработанъ комиссіей, составленною изъ митрополитовъ: Доростольскаго и Червенскаго Григорія, Варненскаго и Преславскаго Симеона, Софійскаго Мелетія, Скопскаго Кирилла, епископа Браницкаго Климента, и изъ свѣтскихъ лицъ: Бурмова, Балабанова, Генчева и Ковачева.

Вотъ его главныя основанія:

Епархіальный духовный совѣтъ, находящійся при архіереѣ, состоитъ изъ четырехъ духовныхъ, выбираемыхъ на два года духовенствомъ всей епархіи, и изъ двухъ секретарей.

Окружный духовный совѣтъ, находящійся при намѣстничествахъ, на которыя раздѣлены епархіи, состоитъ изъ тѣхъ мѣстныхъ священниковъ, которыхъ намѣстнику, какъ предсѣдателю совѣта, угодно будетъ назначить; изъ двухъ почетныхъ членовъ, избираемыхъ мѣстными священниками, и секретаря.

Приходъ не можетъ имѣть менѣе 150 и болѣе 200 домовъ. Приходы по значенію своему дѣлятся на три категоріи. При каждой церкви имѣется настоятельство изъ членовъ, выбранныхъ всѣмъ приходомъ; оно слѣдитъ за приходомъ и расходомъ церковныхъ суммъ.

Священники, смотря по категоріи прихода, получаютъ 2,400, 1,800 и 1,200 франковъ жалованья въ годъ. Діаконы 1,200, и 1,000 франковъ. На требы устанавливается опредѣленная такса.

Проектъ этого устава, представленный на утвержденіе Болгарскаго князя, былъ княжескимъ правительствомъ, безо всякаго предварительнаго соглашенія съ духовенствомъ, такъ измѣненъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, что сдѣлался, по мнѣнію экзарха, невозможнымъ къ принятію, какъ умаляющій каноническія права Болгарской Церкви.

Когда же князь Александръ отказалъ своимъ министрамъ въ дозволеніи представить отъ имени правительства законопроектъ этотъ, имѣющій въ виду примѣненіе въ Болгаріи устава экзархата и составленный между тѣмъ безъ соглашенія съ самимъ экзархомъ, тогда Цанковъ не задумался самъ предложить свой законопроектъ народному собранію и защищать его въ качествѣ простаго депутата.

Экзархъ былъ очень недоволенъ образомъ дѣйствія Цанкова и не скрывалъ, что новый уставъ непримѣнимъ, такъ какъ, во первыхъ, онъ былъ составленъ безо всякаго предварительнаго соглашенія съ Болгарскимъ синодомъ, а во вторыхъ, потому, что онъ освящалъ цѣлый рядъ мѣръ, влекущихъ за собою вмѣшательство смѣняющихся во власти партій въ права Церкви.

Цанковъ не смущался, однако, этимъ и при циркулярѣ своемъ, въ «качествѣ начальника Болгарской Церкви», препроводилъ временныя правила церковнаго управленія къ епископамъ въ княжествѣ, какъ бы къ подчиненнымъ ему чиновникамъ, съ предписаніемъ ввести эти правила въ дѣйствіе.

Издавая подобный законъ, Цанковъ нарушилъ, между прочимъ, и 42 ст. Болгарской конституціи, по которой ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ прежде, чѣмъ онъ не будетъ рассмотрѣнъ и принятъ народнымъ собраніемъ, чего въ данномъ случаѣ не было.

Болгарскій министръ исповѣданій не ограничился этимъ, а захотѣлъ сразу подчинить себѣ Церковь. Онъ издалъ распоря-

женіе, въ качествѣ «управителя синода и главы Церкви», коимъ предписывалъ свѣтскимъ властямъ въ княжествѣ отмѣнить крещеніе и браки взрослыхъ мусульманскихъ дѣвушекъ, вышедшихъ замужъ за христіанъ. Этимъ распоряженіемъ Цанковъ нарушилъ одинъ изъ основныхъ принциповъ конституціи, 39-я статья которой гласитъ: «Болгарское княжество въ церковномъ отношеніи подчиняется синоду, верховной духовной власти Болгарской Церкви, гдѣ бы эта власть ни находилась».

Именуя себя начальникомъ духовныхъ властей болгарской Церкви, Цанковъ отмѣняетъ крещеніе и бракосочетаніе и, тѣмъ самымъ, упраздняетъ самый синодъ. Какая надобность въ существованіи синода, архіереевъ и вообще духовенства, если бы Цанковъ достигъ успѣха въ своемъ домогательствѣ на вмѣшательство въ дѣла, касающіяся таинствъ православной Церкви.

Экзархъ Болгарскій, будучи увѣдомленъ архіереями о распоряженіи министра исповѣданій, особымъ окружнымъ посланіемъ къ епископамъ, предписалъ имъ не признавать отмѣны Цанковымъ крещенія и браковъ, такъ какъ поступки министра незаконны.

Вообще, всѣ болгарскіе архіереи въ вопросѣ о временныхъ церковныхъ правилахъ стали въ открытую оппозицію съ княжескимъ министерствомъ. Климентъ Браницкій, съ самаго начала, запросилъ Цанкова, согласны ли изданныя имъ правила съ конституціей, такъ какъ они должны быть утверждены верховною болгарскою духовною властью, каковою является синодъ.

Въ отвѣтъ своемъ преосвященному Клименту, Цанковъ не могъ скрыть своего неудовольствія и высказалъ, что поставленные епископомъ вопросы кажутся ему странными и несвоевременными и что онъ, какъ министръ исповѣданій, несетъ отвѣтственность предъ народнымъ собраніемъ за предлагаемыя мѣры.

Бывшій экзархъ, Анѳимъ Виддинскій, тоже протестуетъ и пишетъ съ горечью, что болгарское духовенство, бывшее провозвѣстникомъ болгарской независимости и столько выстрадавшее за народъ, заслуживало бы лучшаго съ собою обращенія.

Наконецъ, всѣ епископы сообщаютъ Цанкову, что экзархъ запретилъ примѣнять временныя правила пока они не будутъ утверждены синодомъ. Особенно энергично высказался при этомъ Григорій Руцукскій.

Любопытна переписка, происходившая по этому случаю между экзархомъ и Цанковымъ.

28-го іюля блаженнѣйшій Іосифъ пишетъ болгарскому министру исповѣданій, что съ великимъ сожалѣніемъ узналъ онъ объ его распоряженіяхъ тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ понять повода, побуждающаго министерство дѣйствовать безо всякаго законнаго основанія. Во первыхъ, министерство не имѣетъ права издавать правила для управленія Церковью безъ вѣдома и согласія на нихъ верховной управляющей власти, синода, и, во вторыхъ, оно не имѣетъ права принуждать архіереевъ исполнять рѣшенія по церковнымъ дѣламъ, состоявшіяся безъ вѣдома экзарха, который есть исполнительная власть для рѣшеній синода. Экзархъ не можетъ уклониться отъ этихъ принциповъ, согласныхъ съ 39 и 42 статьями конституціи, вслѣдствіе чего онъ и предписалъ архіереямъ не исполнять временныхъ правилъ, а для выработки окончательныхъ церковныхъ правилъ предлагаетъ созвать соборъ.

Цанковъ въ отвѣтъ своемъ оправдывается во взводимыхъ на него обвиненіяхъ и увѣряетъ, что временныя правила не касались вовсе духовныхъ дѣлъ церкви, а имѣли въ виду лишь улучшеніе матеріальнаго быта низшаго духовенства, а потому и не нуждались въ предварительномъ согласіи синода и могли быть изданы народнымъ собраніемъ, какъ законодательною властью, тѣмъ болѣе, что они были уже одобрены Тырновскимъ духовнымъ соборомъ.

Съ своей стороны, блаженнѣйшій Іосифъ не оставилъ этого письма безъ возраженія и 20 сентября 1880 года отвѣтилъ Цанкову, что архіереи въ Тырновѣ разсуждали частно, а не какъ члены синода, и что нѣтъ дѣлъ церковныхъ, которыя могли бы быть рѣшены безъ синода или экзарха. Чисто духов-

ныя дѣла разбираются синодомъ, смѣшанныя—синодомъ вмѣстѣ съ совѣтомъ экзархата, и, наконецъ, послѣдній разрядъ дѣлъ, кои разсматриваются однимъ совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ экзарха.

Что же касается того, что законодательная власть въ Болгаріи принадлежитъ народному собранію, то это относится лишь до законовъ о безопасности, свободѣ и благосостояніи всѣхъ жителей. Церковь же есть особое учрежденіе имѣющее божественное происхожденіе и своею главой Іисуса Христа, который поставилъ особыхъ лицъ для ея управленія, въ Болгаріи представляемыхъ синодомъ.

Въ концѣ письма, заключающаго столько уроковъ для Цанкова, экзархъ вторично проситъ созвать архіерейское собраніе для выработки церковныхъ правилъ.

Лица, принадлежащія въ Болгаріи къ умѣренной партіи, а также вліятельные Болгары въ Восточной Румеліи, весьма недоброжелательно отнеслись къ враждебности, выказываемой княжескимъ правительствомъ и, въ особенности, Цанковымъ, ко всѣмъ уважаемому и пользующемуся общимъ довѣріемъ экзарху, и полагали, что едва ли подчиненіе духовной власти администраціи послужитъ на пользу молодаго княжества.

Дѣйствительно, нельзя не видѣть въ дѣйствіяхъ Цанкова, помимо общей ихъ неправильности, и грубой политической ошибки. Изданный Цанковымъ законъ подрываетъ единственную возможность всѣхъ Болгаръ составить одно духовное тѣло.

Берлинскій трактатъ, раздѣлившій Болгаръ на три части,—Болгарію, Восточную Румелію и Македонію,—обезпечилъ, однако, за ними единство Церкви, главою которой оставленъ Болгарскій экзархъ. Всѣ три болгарскія области подчинены духовной власти экзарха: онъ вмѣстѣ со своимъ синодомъ—единственные компетентныя лица при изданіи какихъ бы то ни было законовъ относящихся какъ до Церкви, такъ и до регулированія смѣшанныхъ явленій, духовно-гражданскихъ. Будучи приняты всѣми Болгарами, гдѣ бы они ни находились, такіе законы связывали бы

во едино всѣхъ Болгаръ и этимъ способствовали бы умственному и нравственному развитію народа.

Проникшись убѣжденіемъ, что одна изъ совершенно законныхъ и наиболѣе сильныхъ связей между разорванными частями Болгаріи есть экзархатъ и вообще связь духовная, княжеское правительство должно было бы всячески—и нравственно, и материально—поддерживать экзархатъ, его права и границы.

Зачатки болгарской независимости развивались подъ охраной экзархата: признанный Турецкимъ правительствомъ, онъ, не сходя съ почвы законности, можетъ и нынѣ чрезъ духовенство вліять на народъ для направленія общей дѣятельности въ извѣстномъ смыслѣ.

Между тѣмъ, Цанковъ своими мѣрами старался лишь умалить достоинство этого самаго экзархата и порвать естественную связь между тремя болгарскими областями, что, конечно, не могло не отразиться пагубно и на ихъ политическомъ будущемъ.

Русскій Синодъ не счелъ возможнымъ вмѣшаться въ дѣло о церковныхъ законахъ, изданныхъ Цанковымъ, но воспользовался случаемъ, чтобъ обратить вниманіе экзархата на то, что лишь съ возстановленіемъ союза и общенія съ Константинопольскимъ престоломъ сама болгарская церковная власть пріобрѣтетъ ту твердую нравственную опору, которая столь необходима для нея въ настоящихъ обстоятельствахъ. Тутъ же св. Синодъ упомянулъ и о томъ, что неуклонное пребываніе экзарха въ Константинополѣ служитъ одною изъ главныхъ причинъ раздраженія противъ Болгарской Церкви со стороны вселенскаго патріарха, который никогда не примирится съ подобнымъ нарушеніемъ каноновъ.

Въ церковномъ законодательствѣ есть постановленія весьма различнаго достоинства. Есть правила, коими ограждаются подробности церковнаго обряда или чина и которыми въ иныхъ случаяхъ, требующихъ предпочтенія меньшаго зла большому, можно поступиться. Но есть и такія коренныя положенія, которыя епископъ, вѣрный своему обѣщанію, долженъ хранить со

всею твердостью и отъ которыхъ отступиться онъ не можетъ, еслибъ и пожелалъ.

Вселенское правило, воспреещающее быть двумъ епископамъ во градѣ, имѣетъ въ виду не одно охраненіе внѣшняго правительственнаго порядка; оно имѣетъ смыслъ несравненно болѣе глубокой и проникаетъ даже въ область догмата о единствѣ Церкви. Для правителя церковной области дѣйствительно существуютъ и должны существовать извѣстнаго рода «non possumus», къ числу коихъ принадлежитъ и отверженіе епископскаго двоевластія.

Понимая, что въ случаѣ настаиванія болгарскаго министерства на принятіи выработанныхъ имъ церковныхъ правилъ, неминуемымъ слѣдствіемъ будетъ открытая борьба между Церковью и государствомъ, результаты которой могутъ быть пагубны, посолъ нашъ въ Константинополѣ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы добиться отъ княжескаго правительства пересмотра церковныхъ правилъ при участіи болгарскаго духовенства.

Наше министерство иностранныхъ дѣлъ, съ своей стороны, сдѣлало Болгарскому правительству представленія о неправильности его образа дѣйствій, доказывая, что подобный образъ дѣйствій посѣваетъ раздоръ тамъ, гдѣ должно было бы царствовать согласіе, и что княжеское правительство, вступая въ неприязненныя отношенія къ духовенству столько потрудившемуся своей родиной, можетъ вызвать послѣдствія, которыя отразятся на политической будущности княжества. Кромѣ того, болгарскіе министры, къ какой бы партіи они ни принадлежали, не должны забывать, что вопросы церковные и духовные принадлежатъ именно къ тѣмъ вопросамъ, коими Россія интересуется наиболѣе.

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, какъ то ни больно было Цанкову, онъ вынужденъ былъ уступить и передать проектъ выработанныхъ имъ церковныхъ правилъ на разсмотрѣніе собора болгарскихъ архіереевъ, созываемаго экзархомъ въ Софіи.

Глубоко благодарный за оказанную ему Россіей поддержку, экзархъ разослалъ окружное посланіе, которымъ приглашаетъ

епископовъ собраться на совѣщаніе о положеніи болгарской Церкви вообще и выработать основанія, дабы поставить на правильную почву отношенія между нею, другими православными Церквями и, въ особенности, Константинопольскою патріархіей.

Въ то же время и многіе вліятельные Болгары въ Русчукѣ, Тырновѣ и другихъ городахъ начинаютъ болѣе усиленно заниматься вопросомъ о примиреніи съ патріархіей, дабы тѣмъ достигнуть какого либо *modus vivendi* для ихъ соотчичей, живущихъ въ Македоніи.

Извѣстіе о намѣреніи княжескаго правительства сдѣлать уступки законнымъ требованіямъ экзарха обрадовало Болгаръ Восточной Румеліи. Филиппопольскій митрополитъ Панаретъ назначилъ своимъ представителемъ въ созванномъ въ Софійи собраніи духовныхъ лицъ архимандрита Меѳодія, а Сливенскій епископъ выбралъ своимъ представителемъ священника Тилева, члена областного собранія.

Цанковъ, между тѣмъ, сдѣлавъ нѣкоторыя частныя измѣненія въ своемъ проектѣ, требовалъ принятія его духовнымъ соборомъ, собравшимся въ Софійи. Соборъ не удовлетворился ими, но, съ своей стороны, послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ засѣданій, разошелся, не достигнувъ никакихъ практическихъ результатовъ и рѣшивъ лишь, что подлежащіе разсмотрѣнію его вопросы будутъ разбираться соборомъ болгарскихъ архіереевъ, который состоится въ Филиппополѣ въ сентябрѣ 1881 года.

Тѣмъ и кончился пресловутый походъ на экзархатъ Цанкова, вообразившаго себя главой болгарской Церкви.

XI.

Разсмотримъ теперь нынѣшнее положеніе греко-болгарскаго церковнаго вопроса и наше къ нему отношеніе.

Въ настоящее время если вопросъ этотъ и не дѣлаетъ ни одного шага по пути къ достиженію соглашенія, то, по край-

ней мѣрѣ, взаимныя отношенія враждующихъ сторонъ въ Болгаріи и Восточной Румелии сдѣлались болѣе спокойными; нѣтъ болѣе ежедневныхъ почти захватовъ другъ у друга, какъ прежде, то церквей, то школъ. Если же и теперь изрѣдка, въ видѣ исключенія, Болгары завладѣваютъ какою нибудь церковью, то власти немедленно возстановляютъ права собственности прежняго ея владѣльца и возвращаютъ ее Грекамъ, такъ что все снова входитъ въ обычную колею. Совмѣстно существующее греческое и болгарское духовенство какъ бы не замѣчаютъ другъ друга и паствы ихъ предпочитаютъ довольствоваться нынѣшнимъ *statu quo*, подѣ охраною новыхъ учрежденій, введенныхъ въ Болгаріи и Восточной Румелии послѣ минувшей войны.

Не то происходитъ въ Македоніи, оставшейся подѣ непосредственнымъ владычествомъ Турокъ и при всѣхъ прежнихъ порядкахъ.

Послѣ изданія фирмана 1870 года правительство произвело въ Македоніи *истиламъ*, т. е. опросъ жителей, предлагая имъ свободно высказаться, желаютъ ли они оставаться по прежнему подѣ властью Вселенской патріархіи или перейти подѣ власть вновь образованнаго Болгарскаго экзархата. Оставимъ въ сторонѣ законно или незаконно, было съ церковной точки зрѣнія, это распоряженіе Порты, но вѣдь нельзя не согласиться, что простой македонскій крестьянинъ, объявляя себя за экзархатъ, т. е. за возможность имѣть свое родное духовенство и слышать богослуженіе на понятномъ ему языкѣ — былъ вполне убѣжденъ, что не дѣлаетъ ничего противозаконнаго, такъ какъ, высказывая свое желаніе, онъ исполнялъ лишь требованіе, предъявленное ему законнымъ его правительствомъ. Но тутъ то и ошибся Болгаринъ, забывъ, что логика, даже самая простая, не всегда лежитъ въ основаніи мѣропріятій Турецкаго правительства. Съ того самаго несчастнаго дня, когда македонскій Болгаринъ высказался за экзархатъ, начался противъ него рядъ систематическихъ и неустанныхъ преслѣдованій не только со стороны мѣстнаго греческаго духовенства, что было бы вполне понятно,

но и со стороны турецкихъ властей, только теперь сообразившихъ, что въ Македоніи Болгары многочисленнѣе Грековъ и, слѣдовательно, опаснѣе для турецкаго владычества надъ этою странюю.

Утративъ послѣ минувшей войны Болгарію и Восточную Румелію, Греки ухватились, со всею энергіей погибающаго, за Македонію и устремили всѣ старанія, чтобы по крайней мѣрѣ эту страну припасти для отчизны Θεμιστοкла и Эпаминонда. Нельзя не отдать справедливости Грекамъ, что они повели свои нападенія съ большою ловкостью и съ необыкновеннымъ задоромъ, причемъ сила ихъ въ томъ единствѣ, той неразрывной связи, которая соединяетъ между собою греческихъ дѣятелей, приводящихъ въ дѣйствіе всѣ пружины, чтобы дружными усилями достигнутьжелаемаго ими результата, въ чемъ имъ помогаютъ не жалѣющіе на то никакихъ денегъ константинопольскіе богачи-негоціанты. И Турки горячо покровительствуютъ Грекамъ, умѣющимъ скрыть свои собственныя стремленія къ захвату Македоніи и сваливающимъ всю вину на Болгаръ. Да какъ и не дорожить подобною націей, которая способствуетъ укрѣпленію тамъ власти османлисовъ, постоянно открывая новыя козни, новыя заговоры Болгаръ, только и помышляющихъ о немедленномъ сверженіи турецкаго ига и о присоединеніи къ своимъ освобожденнымъ и полуосвобожденнымъ братьямъ.

Не надо также упускать изъ виду, что въ Македоніи Болгары лишены заступничества епископовъ, являющихся въ турецкихъ провинціяхъ единственными законными представителями и защитниками мѣстныхъ христіанъ. Въ македонскихъ управительныхъ совѣтахъ, состоящихъ при турецкихъ властяхъ, засѣдаютъ лишь греческіе архіереи, пользующіеся правомъ офіціального заступничества за весь христіанскій элементъ страны. Болгары же лишены своихъ епископовъ и потому собираютъ обильные плоды подобнаго положенія, такъ какъ засѣдающіе въ совѣтахъ греческіе архіереи,—что бы ни случилось съ Болгарами, какія бы притѣсненія отъ мусульманъ они ни испыты-

вали,—пальцемъ не пошевельнуть, чтобы придти на помощь къ схизматикамъ, не говоря уже о томъ, что, въ большинствѣ случаевъ, они становятся прямо противъ Болгаръ и если иногда и рѣшаются помочь имъ, то лишь нѣкоторымъ образомъ продавая свою помощь предварительнымъ обязательствомъ Болгаръ признать надъ собою власть патріархіи.

Заручившись поддержкою турецкихъ властей, Греки всею тяжестью своею опустили на македонскихъ Болгаръ, ухудшая и безъ того уже достаточно жалкое положеніе этихъ послѣднихъ. Повсюду пошли принужденія болгарскаго населенія признать греческое священство, повсюду начались аресты непокорныхъ, по оклеветаніи ихъ предъ Турками въ принадлежности къ революціоннымъ обществамъ, и много, много погибло бы ссылаемыхъ въ Малую Азію Болгаръ, если бы посольство наше въ Константинополѣ не вмѣшалось энергически въ это дѣло и не настояло на освобожденіи, безъ всякаго суда, посылаемыхъ въ изгнаніе Болгаръ.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣкоторые факты.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1881 года, колъ-агаси (поручикъ) черкесъ Али-ага, пріѣхалъ въ Топлицкій монастырь, Демирхисарскаго округа, созвалъ къ себѣ вліятельныхъ лицъ изъ сорока окрестныхъ селъ, по двое отъ каждаго, и предложилъ имъ отказаться отъ экзархата и вновь признать надъ собою власть вселенской патріархіи; онъ предложилъ имъ тотчасъ же написать заявленіе въ такомъ смыслѣ, взамѣнъ чего офицеръ этотъ обѣщалъ крестьянамъ освободить ихъ родныхъ, находящихся въ тюрьмѣ, и въ то же время обѣщалъ вывести изъ ихъ селъ расположенныя тамъ турецкія войска.

Два дня спустя, нѣсколько Болгаръ изъ того же Демирхисарскаго округа явились въ Битолію просить тамошнія власти выпустить на свободу ихъ священниковъ, арестованныхъ по обвиненію, бездоказательному, впрочемъ, въ сообщничествѣ съ противоправительственными комитетами, подготовляющими - де въ Македоніи возстаніе. Въ подкрѣпленіе своей просьбы, Бол-

гары рассказали, что со времени ареста этихъ священниковъ, въ церквахъ ихъ богослуженіе совершенно прекратилось, погребенія дѣлаются безъ священниковъ, а крещенія и бракосочетанія—прекратились вовсе.

Начальникъ битольской полиціи внимательно выслушалъ жалобы крестьянъ и, по нѣкоторомъ размышленіи, отвѣтилъ, что прежде всего имъ необходимо возвратиться на истинный христіанскій путь и признать главою своей Церкви не экзарха, а патріарха и его здѣшняго представителя—греческаго епископа. «Лишь подъ такимъ условіемъ»,—добавилъ онъ,—«турецкія власти выпустятъ на свободу и арестованныхъ Болгаръ вообще и вашихъ священниковъ».

Съ своей стороны, греческій митрополитъ Битолиі призывалъ къ себѣ многихъ вліятельныхъ лицъ изъ Болгаръ и объявилъ имъ, что имъ остается одно лишь средство спасти своихъ родичей отъ тюрьмы. «Возвратитесь снова въ греческую Церковь»,—говорилъ высокопреосвященный Матѳей,—«и я готовъ защищать васъ предъ мусульманскими властями».

Греческій митрополитъ Охриды дѣйствуетъ въ томъ же смыслѣ, выбравъ себѣ помощникомъ нѣкоего Серафима Манвилова, который объѣзжаетъ болгарскія деревни и дѣлаетъ крестьянамъ такія же предложенія и такія же обѣщанія.

Результатомъ этихъ соединенныхъ стараній *ad maiorem Dei gloriam*, нѣсколько странныхъ по участию, принимаемому въ нихъ мусульманскими властями, было то, что, дѣйствительно, нѣкоторыя деревни признали надъ собою снова власть вселенской патріархіи.

Но это еще счастливый результатъ для Болгаръ, тогда какъ въ другихъ случаяхъ постоянныя преслѣдованія этихъ послѣднихъ приводятъ къ совершенно другимъ послѣдствіямъ, глубоко прискорбнымъ для всякаго православнаго и заставляющимъ cadaго истиннаго христіанина желать возможно скорѣйшаго окончанія печальной греко-болгарской распри — я говорю объ успѣхахъ между Болгарами протестантской и католической пропагандъ,

предѣлъ распространенію которыхъ можетъ быть положенъ лишь искреннимъ примиреніемъ съ вселенскимъ престоломъ.

Лишенные твердой нравственной опоры, которую они прежде почерпали въ неразрывномъ общеніи съ Великою Церковью, Болгары стали шататься въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и многіе изъ нихъ поддались навѣтамъ враговъ православія и измѣнили вѣрѣ своихъ отцевъ. А враги православія давно уже недремлющимъ окомъ наблюдали за неурядицей въ славянскихъ земляхъ и стерегли лишь удобный случай, чтобы воспользоваться ненормальными отношеніями, установившимися вслѣдствіе церковной распри между греческою и болгарскою народностями.

До сихъ поръ тянуційся споръ между вселенскою патріархіею и экзархатомъ—народныя страсти, замѣшавшіяся въ дѣло, взаимное раздраженіе и, самое главное, общее ослабленіе религіознаго чувства въ Болгарахъ,—все это вмѣстѣ взятое доставило ту мутную воду, въ которой пропагандисты надѣялись сдѣлать богатый уловъ и въ которую со всѣхъ сторонъ закинули они свои сѣти.

Въ Македоніи дѣло пропагандистовъ было облегчено беззащитностью болгарскаго населенія, которому они стали нашептывать, что лишь покинувъ православіе оно можетъ измѣнить свое положеніе и избавиться отъ нынѣшнихъ преслѣдованій со стороны Грековъ и Турокъ. Поддерживаемымъ австрійскими консулами, католическимъ миссіонерамъ удалось показать примѣры своего вліянія надъ отдѣльными, ими совращенными личностями, которыхъ турецкія власти перестали подвергать арестамъ и соединеннымъ съ ними страданіямъ. И вотъ, маловѣрные Болгары изъ-за матеріальныхъ выгодъ, а, можетъ быть, припоминая примѣры своихъ предковъ, стали продавать — за обѣщанную иностранную поддержку, какъ за новую чечевичную похлебку—свою древнюю вѣру, свои историческія преданія и переходить въ уніатство и протестантство. При этомъ нужно замѣтить еще одну особенность. Ослабивъ свое религіозное чувство, Болгары стали болѣе сочувствовать протестантству, какъ ученію рациона-

листическому, основанному на свободѣ разсужденія, чѣмъ католичеству, которое пугаетъ ихъ своею дисциплиной, и вотъ почему протестантская пропаганда дѣлаетъ болѣе приобрѣтеній, чѣмъ католическая, хотя эта послѣдняя влечетъ за собою заступничество австрійскихъ консуловъ. Протестантскіе миссіонеры стараются дѣйствовать болѣе образовательнымъ путемъ: они основываютъ повсюду бесплатныя школы и читальни, но, въ то же время, не оставляютъ и ухаживать за больными, снабжать ихъ даромъ лекарствами и вообще помогать крестьянину въ бѣдѣ деньгами.

Слѣдуетъ, впрочемъ, упомянуть, что пропаганды работаютъ успѣшно не только въ Македоніи, гдѣ, напр., большая часть жителей города Разлога обратилась въ протестанство, но и въ княжествѣ Болгарскомъ и въ Восточной Румеліи, находящихся подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ экзарха.

Американская школа въ Бебекѣ—Roberts College—воспитываетъ 86 Болгаръ,—почти исключительно уроженцевъ княжества и Восточной Румеліи. 26 Болгаръ учатся въ американской школѣ въ Скутари. Въ Самоковѣ, при министерствѣ Цанкова, Американцы построили огромное зданіе, гдѣ теперь учатся 40 мальчиковъ и 40 дѣвочекъ. Протестантская пропаганда распространяется въ Систовѣ, Руцукѣ и Тырновѣ, центрами ея сдѣлались Филиппополь, Ямболи, Сливно и Чирпанъ.

Католическая пропаганда въ Восточной Румеліи тоже проявила въ послѣднее время усиленіе своей дѣятельности, совпавшее съ прибытіемъ изъ Австріи епископа Гишингера съ цѣлью основать училища во всѣхъ наиболѣе населенныхъ городахъ края. Находящіеся въ Филиппополѣ католическіе епископы открыто заявляютъ, что считаютъ настоящее время, въ виду неулаженія Греко-болгарской церковной распри, особенно благопріятнымъ для привлеченія Болгаръ въ лоно римско-католической Церкви.

Католическое духовенство пользуется каждымъ случаемъ, чтобы заявить свое сочувствіе болгарской національности и съ особенною торжественностью праздновало день свв. Кирилла и Ме-

оодія, первоучителей Славянъ, нынѣ причисленныхъ папою къ лику святыхъ римско-католической Церкви,—причемъ проповѣдь и часть богослуженія происходили на болгарскомъ языкѣ.

Такой образъ дѣйствій католиковъ возбудилъ серьезныя опасенія среди болгарскаго духовенства, въ коемъ пробудилось сознаніе о необходимости поднять свой образовательный уровень для успѣшной борьбы съ католическою пропагандой и нынѣ рѣшено основать духовную семинарію въ Восточной Румеліи, не имѣющей теперь ни одной богословской школы. Впрочемъ, въ духовно-образовательномъ отношеніи положеніе духовенства и въ Болгаріи не лучше. Тамъ точно также, благодаря стараніямъ Цанковскаго министерства, не осталось ни одного разсадника духовныхъ болгарскихъ дѣятелей, изъ котораго могли бы выходить лица, достойныя занимать архіерейскія кафедры, и экзархъ встрѣчаетъ большія затрудненія для пріисканія духовныхъ, могущихъ съ грѣхомъ пополамъ исполнять обязанности митрополита.

Разсматривая отношеніе болгарскихъ выдающихся людей къ вопросу, служащему предметомъ настоящаго изслѣдованія, нельзя не сознаться, что немногіе изъ нихъ смотрятъ на него правильно. Большинство, включая сюда и нѣкоторыхъ лицъ изъ высшаго духовенства, не отдаетъ себѣ, повидимому, яснаго отчета во всей серьезности нынѣшняго положенія и въ необходимости, въ выгодахъ самой Болгаріи, придти къ соглашенію,—предполагая, что это излишне, что время лучшей врачъ и что церковный греко-болгарскій вопросъ долженъ разрѣшиться какъ то самъ собою.

Вообще, крайняя нетерпимость и упорное стремленіе къ совершенной обособленности, вмѣстѣ съ эгоистическимъ воззрѣніемъ на остальные племена и народы, какъ на якобы призванные служить исключительно къ возвеличенію болгарскаго народа,—составляютъ, къ сожалѣнію, характерную національную черту весьма многихъ современныхъ политическихъ дѣятелей Болгаріи, ослѣпляющую ихъ и мѣшающую имъ взглянуть на свои отношенія къ сосѣдямъ съ точки зрѣнія болѣе широко понимаемыхъ болгарскихъ интересовъ.

Радикалы, съ своей стороны, смотрятъ на церковный вопросъ исключительно какъ на рычагъ для освобожденія Болгаръ отъ эллинизации. Ихъ главная цѣль теперь Македонія и Оракія, гдѣ духовенство должно служить, прежде всего, политическимъ интересамъ Болгаріи и не оставлять борьбы до тѣхъ поръ, пока македонскіе Болгары не будутъ вполне ограждены отъ захватовъ Грековъ, и потому то люди этой партіи, мало заботясь о православіи, всячески мѣшали и мѣшаютъ примиренію съ патріархіею, умышленно раздувая на оборотъ раздоръ, существующій между греческой и болгарской Церквами.

Что же касается до воспитывающихся въ Парижѣ и Римѣ Болгаръ, то, въ большинствѣ случаевъ, они возвращаются на родину готовыми орудіями латинства а, чаще всего, лишенными всякихъ вѣрованій. Не понимая важности каноническаго основанія для своей національной Церкви, они на разрывъ съ вселенскою патріархіею смотрятъ какъ на дѣло не представляющее никакихъ затрудненій. Эту легкость возрѣнія на церковную сторону распри они сообщили и своимъ соотечественникамъ.

Какъ слѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ вмѣстѣ взятыхъ является распространеніе въ Болгарахъ индифферентизма, а преобладаніе въ болгарской Церкви смутныхъ политическихъ стремленій надъ православными, вмѣстѣ съ общимъ ослабленіемъ религіознаго чувства на Востокѣ и въ связи съ разгаромъ страстей, возбужденныхъ борьбою между вселенскою патріархіею и экзархатомъ изъ-за признанія политическихъ правъ, приводитъ Болгаръ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, смотрѣть на вѣру какъ на простое народное знамя.

То же самое произошло и съ греческимъ духовенствомъ, которое, обѣднѣвъ, очутилось въ полной власти греческихъ банкировъ и уличныхъ политиковъ, и подъ прикрытіемъ духовныхъ цѣлей стало работать для достиженія цѣлей, имѣющихъ совершенно иную подкладку. А чѣмъ выше духовное начало, тѣмъ преступнѣе лицемѣріе въ людяхъ, дѣйствующихъ именемъ этого

духовнаго начала для достиженія эгоистическихъ цѣлей, для удовлетворенія своему властолюбію или своей алчности.

При такомъ настроеніи обѣихъ сторонъ, бездна между Греками и Болгарами нынѣ болѣе и болѣе увеличивается, и недалеко то время, когда можетъ послѣдовать между враждующими народностями безповоротный разрывъ, который бѣдственно отразится какъ на общемъ вселенскомъ союзѣ православныхъ Церквей, такъ и на политической будущности православныхъ народовъ Балканскаго полуострова. Предоставленные самимъ себѣ, они никогда не придутъ къ примиренію, въ чемъ съ горестью убѣдился и самъ экзархъ, потому что поддержаніемъ ихъ взаимной вражды и увѣковѣченіемъ ихъ раздѣленія дорожатъ общіе ихъ и наши враги, никогда не выпускавшіе этого дѣла изъ своихъ рукъ.

Очевидно, что Восточная Церковь находится теперь въ состояніи кризиса: религіозные споры и борьба послѣднихъ лѣтъ расшатали основныя ея начала и ея будущія судьбы зависятъ отъ событій, происходящихъ предъ нашими глазами.

Неужели же православные, благомыслящіе изъ Грековъ и Болгаръ не проникнуты убѣжденіемъ о всѣхъ опасностяхъ, сопряженныхъ съ настоящимъ положеніемъ церковнаго вопроса, и неужели же Россія, старшая дочь Православной Церкви, будетъ смотрѣть равнодушно, сложа руки, на распрю, чреватую своими послѣдствіями.

Устраняя себя отъ дѣятельнаго вмѣшательства въ церковный вопросъ и ограничиваясь однимъ наблюденіемъ, мы избѣгнули бы, конечно, многихъ затрудненій, но я сомнѣваюсь, чтобы подобный образъ дѣйствій былъ для насъ приличенъ и даже возможенъ въ вопросѣ, представляющемъ столь животрепещущій для православія и для Славянъ интересъ, каковъ греко-болгарскій вопросъ. Ограничиться въ этомъ случаѣ однимъ наблюденіемъ, значило бы отказаться отъ всякаго вліянія на событія въ православномъ мірѣ, имѣющія для насъ особую важность.

Мы не можемъ отстраниться отъ вселенской патріархіи, съ которою насъ соединяетъ единство вѣры и преданій.

Многовѣковая борьба, которую Греки выдерживали не противъ одного грубаго насилія Турокъ, но и противъ утонченнаго коварства иновѣрной Европы, постоянно стремившейся всѣми доступными средствами подчинить своему вліянію православный Востокъ, борьба, въ которой этотъ малочисленный, отовсюду тѣснимый народъ, при такомъ страшномъ неравенствѣ силъ, ни разу не остался побѣжденнымъ и не опустилъ своего высоко вознесеннаго знамени, составляютъ неотъемлемую заслугу Грековъ, явственными и неизгладимыми чертами вписанную на скрижали исторіи и даетъ константинопольской Церкви и вообще Грекамъ неоспоримое право на вѣчную признательность всего православнаго міра, какъ искуснымъ и крѣпкостоятельнымъ бойцамъ за его общую святыню.

Дѣло греческаго духовенства и понынѣ дѣло всѣхъ Грековъ, какъ Турціи, такъ и Греческаго королевства. Конечно, Греки не многочисленны, но жизненность ихъ огромна. Представляя собою религіозныя преданія Востока, Греки своимъ торговымъ духомъ и интеллектуальнымъ развитіемъ, своими качествами и даже недостатками, свойственными ихъ народности, играютъ и еще долго будутъ играть на Востокѣ роль по значенію гораздо высшую, чѣмъ та, которая должна была бы имъ принадлежать, если брать въ расчетъ лишь количественныя ихъ силы. Наши собственные традиціи и задачи нашей политики заставляютъ насъ, несмотря на всѣ увлеченія и ошибки Грековъ въ 1872 году, употребить всѣ усилія, чтобы не увеличивать бездны между ними и славянскимъ міромъ, такъ какъ окончательный разрывъ между этими двумя народностями можетъ имѣть для исторической миссіи Россіи неисчислимыя послѣдствія.

Константинопольская Церковь еще не утратила своего обаянія въ глазахъ всего христіанскаго міра. Съ ходомъ исторіи образовалось, правда, не мало другихъ христіанскихъ центровъ

и, однако, несмотря на упадокъ внѣшняго величія, константинопольскій престолъ все еще служитъ на Востокъ звеномъ, связующимъ собою всѣ прочія Церкви, и пока жизнь Церкви Христовой вращается около нея, какъ около главнаго своего центра, звено это надобно хранить, чтобы не распалась связь Церквей, изъ коихъ нѣкоторыя до сихъ поръ находятся подъ игомъ невѣрныхъ.

Съ другой стороны, мы не можемъ оставить на произволъ судьбы и единокровныхъ намъ Болгаръ, ради которыхъ Россія принесла уже столько тяжелыхъ жертвъ, и не имѣемъ права отказать въ нашемъ содѣйствіи разумнымъ ихъ требованіямъ.

Поэтому-то, мы одни можемъ и должны принять на себя труды и заботы о примиреніи Грековъ съ Болгарами, какъ посредники, призванные къ тому Промысломъ и исторіею. Россія должна стать выше агитаціи и воплей народныхъ, твердо укрѣпившись на почвѣ основныхъ началъ, на коихъ покоится самое зданіе вселенской православной Церкви и, внушивъ Болгарамъ и Грекамъ, что она желаетъ безпристрастнаго разрѣшенія ихъ распри и не будетъ становиться исключительно на чью либо сторону или благопріятствовать крайнимъ теоріямъ.

Обстоятельства для посредничества Россіи теперь въ особенности благопріятны тѣмъ, что во главѣ какъ константинопольской, такъ и болгарской Церквей стоятъ такія личности какъ святѣйшій Іоакимъ и блаженнѣйшій Іосифъ, высоко просвѣщенные, понимающіе истинныя нужды Богомъ ввѣренныхъ имъ паствъ и одушевляемые примирительнымъ духомъ, причемъ вселенскій патріархъ не скрываетъ, что онъ употребитъ всѣ старанія, чтобы сблизиться съ Болгарами и готовъ довести уступки имъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, какіе только дозволяютъ его собственныя права и обязанности, какъ главы Константинопольской Церкви.

Надо надѣяться, что и всѣ Греки, поддаваясь неотразимому обаянію, которое производитъ на нихъ вселенская патріархія, послѣдуютъ примѣру своего просвѣщеннаго архипастыря, не за-

хотятъ упорствовать въ своей нынѣшней враждебности къ Славянамъ вообще и согласятся на уступки Болгарамъ въ духѣ требованій времени и невозможности передѣлать совершившіеся факты.

Уступчивость Грековъ законнымъ требованіямъ Болгаръ будетъ обеспечена за этими послѣдними съ той самой минуты, когда Греки придутъ къ искреннему убѣжденію, что лишь тѣснымъ и дружнымъ союзомъ между собою христіанскія народности Балканскаго полуострова могутъ достигнуть блестящей и прочной для себя будущности, иначе, яблоко раздора между ними—Македонія—не достанется ни одной изъ нихъ и поглотится третьимъ лицомъ—католическою Австріей, постоянно преслѣдующею свое *Drang nach Osten*.

Если Балканскій полуостровъ желаетъ самостоятельнаго развитія, онъ долженъ *fara da se*, отстраняя отъ себя непрощенныхъ западныхъ друзей, которые рано или поздно заставятъ заплатить за оказываемую помощь. Между тѣмъ, эти же самыя народности, искренно согласившись между собою, на основаніи любовной сдѣлки, и установивъ извѣстную разграничительную черту для сферы своего законнаго вліянія, найдутъ въ тотъ день, когда откроется, наконецъ, наслѣдство столько лѣтъ «больнаго человѣка», свои естественныя рамки, въ которыхъ онѣ смогутъ, мирно развиваясь на своей собственной національной почвѣ, служить общечеловѣческимъ и своимъ собственнымъ историческимъ задачамъ.

Когда убѣжденіе это проникнетъ всѣ слои греческаго общества и раздѣлится Аѳинскимъ правительствомъ, отъ правильнаго образа дѣйствій котораго и искренней поддержки имъ посредничества Россіи, во многомъ, зависитъ благопріятное разрѣшеніе изслѣдуемаго мною вопроса, — тогда тотчасъ прекратится церковный раздоръ между греческою и болгарскою народностями и, соединенныя однимъ христіанскимъ духомъ любви, онѣ положатъ конецъ распрѣ, раздирающей ихъ уже столько лѣтъ и производящей въ Церкви столь великій соблазнъ къ вящему удовольствію и радости враговъ православія.

Обратимся теперь къ Болгарамъ. Пора перестать имъ кос-

нѣтъ въ своемъ индифферентизмѣ, пора подумать не объ одномъ матеріальномъ благоденствіи, котораго они, благодаря жертвамъ Россіи, уже достигли, а о духовномъ, дабы укрѣпить за собою навсегда поддержку глубоко православнаго русскаго народа, который неминуемо отшатнется отъ нихъ, если увидить, что, несмотря на всѣ наши увѣщанія, Болгары упорствуютъ въ своихъ чрезмѣрныхъ требованіяхъ и, становясь отщепенцами отъ Великой Церкви, не хотятъ обновить свои нравственные силы тѣснымъ союзомъ съ вселенскимъ престоломъ.

Неужели же и нынѣ Болгары могутъ настаивать на фирманѣ 1870 года, какъ на каноническомъ основаніи своей народной Церкви, фирманѣ, большинство распоряженій котораго осталось мертвою буквой.

Въ настоящее время болгарская Церковь не имѣетъ никакого законнаго основанія. Данный при совершенно другихъ обстоятельствахъ, фирманъ, законность котораго съ точки зрѣнія церковной подлежитъ большому сомнѣнію,—нынѣ, при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ, потерялъ всякую силу даже въ глазахъ власти его давшей, въ чемъ убѣдился и самъ экзархъ при бесѣдѣ своей съ Джевдетъ-пашею, завѣдующимъ въ Портѣ иностранными исповѣданіями.

Оставивъ въ сторонѣ каноническую законность фирмана, приложимъ къ нему юридическія понятія о подобнаго рода документахъ. Фирманъ 1870 года явился, такъ сказать, контрактомъ, регулирующимъ отношенія между вселенскою патріархіей и вновь образованнымъ экзархатомъ. Всякія права, вытекающія изъ какаго либо документа, обусловливаются и извѣстными обязательствами въ немъ заключающимися, причемъ права и обязанности составляютъ одно неразрывное цѣлое и находятся въ прямой зависимости одни отъ другихъ. Тоже самое было и съ фирманомъ 1870 года. Предоставивъ Болгарамъ извѣстныя права по отношенію къ вселенской патріархіи, онъ наложилъ на нихъ извѣстныя обязательства къ сей послѣдней, заключающіяся въ статьяхъ 3, 4, 6, 7 и 9-й этого фирмана.

Болгары не исполнили этихъ обязательствъ, поэтому невольно является вопросъ, могутъ ли они пользоваться и правами, вытекающими изъ султанскаго фирмана и могутъ ли они, съ точки зрѣнія юридической законности, вмѣсто того чтобы принять или отвергнуть фирманъ во всей его совокупности, опираться лишь на единичныя его статьи, для Болгаръ выгодныя, отрицая въ то же время на дѣлѣ всѣ тѣ, которыя возлагаютъ на нихъ извѣстныя обязанности.

Очевидно, что фирманъ утратилъ всякое значеніе, существованіе самого экзархата потрясено и падетъ, если не наберется новыхъ силъ соглашеніемъ съ вселенскою патріархіей, вслѣдствіе чего теперь и нужно изыскать новое основаніе, на которомъ могло бы быть возведено зданіе болгарской Церкви, необходимо, чтобы болгарское духовенство и народъ поняли, наконецъ, все зло, происходящее для духовнаго просвѣщенія Болгаріи и для неразрывно соединенной съ нимъ самой національности болгарской отъ продолженія несчастной распри съ Великою Церковью и взаимнаго отчужденія. Уже являются католики, открыто заявляющіе, что по этой именно причинѣ они считаютъ настоящее время особенно благопріятнымъ для привлеченія Болгаръ въ лоно римско-католичества и не подлежитъ сомнѣнію, что Болгаринъ, какъ скоро станетъ католикомъ, то тѣмъ самымъ вовлеченъ будетъ въ начало западно-латинской культуры и станетъ утрачивать черты своей національности: свойство это общее на всемъ Востокѣ и въ славянскомъ мірѣ. Напротивъ того, единство съ Восточною великою Церковью само по себѣ служило бы къ охраненію тѣхъ же національныхъ началъ, изъ за коихъ мнимые друзья болгарскаго народа порвали церковную связь съ Греками и отвергли соглашеніе, предложенное патріархами Григоріемъ и Анѳимомъ.

Итакъ, первое средство къ огражденію церковной и національной самостоятельности болгарскаго народа должно состоять въ единеніи съ вселенскою Церковью.

Такимъ образомъ, правильно понимаемыя выгоды обѣихъ

враждующихъ народностей—греческой и болгарской настоятельно требуютъ, чтобы онѣ накинули покрывало забвенія на обоюдныя ошибки прошлаго и взаимными уступками пришли къ соглашенію. Но пусть помнятъ онѣ, что время не терпитъ и что нельзя откладывать теперь уступки, такъ какъ настоящій моментъ при поступательномъ движеніи Австріи на Востокъ весьма важенъ для политической будущности христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова. Нынѣ онѣ стоятъ, такъ сказать, на распутьи, и ихъ государственной мудрости предстоитъ рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли имъ поодиначкѣ сдѣлаться добычею Австро-Венгріи, или же въ союзѣ между собою и при содѣйствіи Россіи обезпечить себѣ прочное развитіе своей національной самостоятельности.

ХП.

Въ предыдущей главѣ я старался доказать необходимость для Грековъ и Болгаръ достигнуть взаимнаго соглашенія въ раздѣляющемъ ихъ церковномъ вопросѣ, а также необходимость для Россіи взять твердою рукой кормило посредничества между обѣими враждующими сторонами, дабы предположенное между ними соглашеніе могло состояться.

На какихъ же основаніяхъ можетъ состояться это соглашеніе?

Прежде чѣмъ приступить къ переговорамъ объ условіяхъ соглашенія между Греками и Болгарами, необходимо устранить формальное къ тому препятствіе, заключающееся въ постановленіи Константинопольскаго собора 1872 года и благодаря которому болгарское духовенство и народъ считаются Греками съ того времени схизматическими. Трудно ожидать, чтобы греческіе архипастыри отказались отъ рѣшенія этого собора и признали его какъ бы несуществующимъ и потому необходимо, чтобы болгарскіе архипастыри, какъ первые отступившіе отъ единенія цер-

ковнаго, принесли первую жертву, сдѣлали первый шагъ къ примиренію. Шагъ этотъ могъ бы выразиться соборною ихъ грамотою на имя вселенскаго патріарха, въ которой они объяснили бы, во-первыхъ, что если Константинопольскій соборъ осудилъ ихъ за нѣкоторые поступки, которые назвалъ антиканоническими, то они готовы, въ видахъ примиренія, признать свою виновность и принести покаяніе, и во-вторыхъ, что если соборъ осудилъ ихъ еще за то, что они будто отдѣляютъ и отдѣлили болгарскій народъ отъ великой Церкви, во имя филетизма, то тутъ было недоразумѣніе. Никогда не будучи послѣдователями ереси филетизма, они желаютъ находиться съ вселенскою патріархіей въ постоянномъ союзѣ по дѣламъ вѣры.

Получивъ такую или подобную грамоту, патріархъ можетъ уже безпрепятственно сдѣлать каноническое распоряженіе, чтобы освободить болгарскихъ архипастырей, какъ раскаявшихся, а съ ними и весь болгарскій народъ, отъ церковныхъ наказаній, на нихъ Константинопольскимъ соборомъ наложенныхъ, причемъ всѣ болгарскіе духовные, какъ то подробно изложено въ X-й главѣ, должны сохранить тотъ санъ, въ которомъ нынѣ находятся. Затѣмъ уже, вселенскій патріархъ можетъ вступить съ болгарскими архипастырями въ непосредственныя сношенія и переговоры и самое воспоминаніе о болгарской схизмѣ исчезнетъ навсегда.

Изысканіе способовъ соглашенія между Греками и Болгарами потому представляетъ столь большія затрудненія, что дѣло идетъ не объ юридическомъ рѣшеніи вопроса, которое возможно было бы предложить сразу, а о рѣшеніи практическомъ, тѣмъ болѣе трудномъ, что оно поставлено въ зависимость отъ политическихъ и національных страстей и разногласій. Такимъ образомъ, не обращая вниманія на эти два важные фактора, невозможно составить никакого плана, представляющаго вѣроятность достиженія какого-либо соглашенія обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Припомнимъ исторію церковнаго вопроса и мы увидимъ, что

всѣ распри и главныя несогласія между Греками и Болгарами происходили не отъ упорнаго отказа вселенской патріархіи признать самый принципъ отдѣленія болгарской іерархіи, а отъ непоставленія болгарской Церкви опредѣленныхъ географическихъ границъ, точно также, какъ и султанскій фирманъ 1870 года подалъ поводъ къ ожесточеннымъ спорамъ, преимущественно благодаря 10-й своей статьѣ, не разграничивавшей точнымъ образомъ епархій греческихъ съ болгарскими, а предоставлявшей рѣшеніе вопроса подачѣ голосовъ и большинству населенія самихъ епархій. То же самое будетъ постоянно до тѣхъ поръ, пока рѣшеніе вопроса будетъ предоставлено самому населенію со всѣми прирожденными ему слабостями и пока, по своей неопредѣленности, оно будетъ неминуемо подчиняться вліянію людскихъ страстей.

Если же мы желаемъ достигнуть искренняго соглашенія и желаемъ, чтобы оно не сдѣлалось источникомъ новыхъ бѣдствій, мы должны его установить на такихъ основаніяхъ, которыя могли бы обезпечить навсегда спокойствіе великой Церкви и умиротвореніе областей, нынѣ обуреваемыхъ раздорами. Такой результатъ можетъ быть достигнутъ лишь подъ условіемъ точнаго и правильнаго опредѣленія географическихъ границъ, отдѣляющихъ епархіи экзархата отъ епархій, подчиненныхъ вселенскому престолу, такъ чтобы новое соглашеніе не заключало въ себѣ зародыша новыхъ усобицъ, новыхъ неустройствъ.

Какія же области должны входить въ предѣлы болгарской Церкви?

Очевидно, что княжество Болгарское, пріобрѣтя самостоятельное существованіе и политическую полунезависимость, имѣетъ право желать и требовать себѣ самостоятельную Церковь. Впрочемъ, вопросъ этотъ не можетъ подлежать сомнѣнію тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли то выше, и самъ вселенскій патріархъ не отрицаетъ права княжества имѣть автономную Церковь.

Если, съ формальной стороны, политическія условія Восточной Румеліи отличаются отъ политическихъ условій княжества,

то, фактически, не полагаю, чтобы кто-нибудь стал оспаривать, что область эта есть ни что иное, какъ Южная Болгарія, лишь по нѣкоторымъ соображеніямъ западныхъ державъ поставленная въ болѣе прямую зависимость отъ султана. Имѣя свое собственное болгарское правительство, свои собственные учрежденія, Восточная Румелія и въ гражданскомъ отношеніи стоитъ особнякомъ и выдѣлена изъ состава другихъ областей Европейской Турціи—прямо подчиненныхъ гражданской власти Порты и духовной власти вселенскаго патріарха. Поэтому, Восточная Румелія не безъ основанія можетъ желать соотвѣтственнаго измѣненія и въ церковныхъ отношеніяхъ съ Константинопольскою патріархіей, въ смыслѣ достиженія большей самостоятельности. Разъ же допустивъ право Церкви Восточной Румеліи на извѣстную самостоятельность, то не безразлично-ли для вселенской патріархіи допустить присоединеніе ея къ болгарской Церкви, глава которой будетъ находиться съ вселенскимъ престоломъ не въ тѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ нынѣ, а въ союзѣ любви и братскомъ единеніи. Согласіе на присоединеніе Восточной Румеліи къ болгарской Церкви могло бы совершиться на нѣкоторыхъ условіяхъ, о которыхъ подробнѣе будетъ говорить ниже, и, въ добавокъ, могло бы быть обусловлено предварительнымъ отказомъ Болгаръ отъ претензій на всѣ прочія мѣстности адрианопольскаго вилайета, находящіяся внѣ предѣловъ Восточной Румеліи и которыя отнынѣ должны будутъ находиться въ безусловной зависимости отъ Константинопольской патріархіи.

Присоединеніе это совершенно законно съ точки зрѣнія канонической и согласно съ примѣрами церковной исторіи; такъ, 17-е правило IV-го вселенскаго собора и 38-е правило VI-го вселенскаго собора полагаютъ основнымъ принципомъ, что порядокъ и распредѣленіе церковныхъ областей должны слѣдовать порядку и распредѣленію, устанавливаемымъ политическими и гражданскими распоряженіями.

Знаменитый патріархъ Фотій писалъ, въ свою очередь, рим-

скому папѣ: «вошло въ обычай, что церковныя дѣла и условія, въ особенности же касающіяся духовной юрисдикціи приходовъ или церковныхъ округовъ, мѣняются сообразно съ условіями политическими и административными».

Точно также если мы обратимся къ основаніямъ этнографическимъ и статистическимъ, то всякій, относящійся къ дѣлу безпристрастно, не можетъ не согласиться съ справедливостью желаній румеліотовъ быть присоединенными, въ церковномъ отношеніи, къ Церкви княжества Болгарскаго и даже бѣглый взглядъ на цифры убѣдитъ его, что эта область чисто болгарская, чего, впрочемъ, не отрицалъ и святѣйшій Іоакимъ, противясь, какъ то рассказано выше, зачисленію Грековъ въ мѣстную милицію.

Вотъ населеніе Восточной Румеліи по послѣднимъ и самымъ точнымъ свѣденіямъ:

Филиппопольскій департаментъ.

	Болг. мужч.	женщинъ.	Грек. мужч.	женщинъ.
Филиппополь	5,450	5,459	2,330	2,451
Его округъ	5,518	5,393	90	80
Овчехолмскій округъ .	10,316	10,229	—	—
Стрѣмскій » .	16,871	17,478	7	1
Сѣрнагорскій » .	11,489	11,995	8	3
Станимахскій » .	9,202	8,772	5,035	4,620
Родонскій » .	4,864	4,583	—	—

Старозагорскій департаментъ.

	Болг. мужч.	женщинъ.	Грек. мужч.	женщинъ.
Старозагорскій округъ.	21,222	19,400	—	—
Чирпанскій » .	16,446	16,926	—	—
Казанлыкскій » .	14,080	14,401	6	5
Новозагорскій » .	11,272	11,193	11	13

Хаскѣйскій департаментъ.

	Болг. мужч.	женщинъ.	Грек. мужч.	женщинъ.
Хаскѣйскій округъ .	16,067	15,688	108	77
Хаджи-Ейлесскій » .	9,864	8,963	—	—
Харманлійскій » .	12,007	11,942	498	455
Кырджалійскій » .	67	57	—	—

Сливненскій департаментъ.

	Болг. мужч.	женщинъ.	Грек. мужч.	женщинъ.
Сливненскій округъ .	11,407	11,237	—	—
Ямбольскій » .	10,841	10,539	228	257
Каваклійскій » .	7,884	7,663	6,014	5,830
Кызыльагачьскій » .	10,374	10,178	958	897
Котельскій » .	8,149	8,153	—	—

Татаръ-базарджикскій департаментъ.

	Болг. мужч.	женщинъ.	Грек. мужч.	женщинъ.
Т.-базарджикскій окр.	15,097	15,237	187	148
Ихтиманскій » .	10,535	10,638	—	—
Пещерскій » .	7,404	7,328	173	163
Панагюриштскій » .	10,359	10,045	—	—
Копривщенскій » .	4,158	4,072	—	—

Бургасскій департаментъ.

	Болг. мужч.	женщинъ.	Грек. мужч.	женщинъ.
Бургасскій округъ .	7,608	7,511	1,917	1,913
Анхѣальскій » .	1,659	1,662	3,819	3,607
Айдосскій » .	2,763	2,718	255	246
Карнабадскій » .	6,624	6,452	20	21

Все населеніе Восточной Румеліи съ болгарскими и греческими бѣженцами, не показанными въ вышеприведенной таблицѣ, распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Болгарь	573,560 душъ.
Турокъ	174,700 »
Грековъ	42,659 »
Цыганъ	19,549 »
Евреевъ	4,177 »
Армянъ	1,306 »

Всего . 815,951 душъ.

Если приведенные мною выше доводы въ пользу присоединенія Восточной Румеліи къ болгарской Церкви кому либо показались недостаточно убѣдительными, смѣю думать, что только что изложенныя цифровыя данныя подѣйствуютъ съ неотразимою силой, доказавъ, какъ слабъ процентъ греческаго населенія въ Восточной Румеліи и что невозможно отказывать подавляющему болгарскому большинству въ удовлетвореніи законныхъ его желаній и навязывать ему греческую, іерархію чуждую ему по языку и происхожденію, не говоря уже о невозможности чисто физической замѣнить этою послѣднею іерархію болгарскую столько уже лѣтъ, хотя и противно волѣ вселенской патріархіи, дѣйствующую въ нынѣшней Восточной Румеліи и которая, по органическому уставу, признается мѣстными властями и пользуются одинакими правами съ іерархіею греческою.

Наконецъ, въ видѣ послѣдняго аргумента, не могу не сослаться на свѣжій примѣръ отзывчивости самой вселенской патріархіи къ требованіямъ времени, а именно въ дарованіи автономіи боснійской Церкви, послѣ того какъ Боснія и Герцеговина очутились въ иныхъ политическихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ коихъ онѣ находились до Берлинскаго трактата. Въ конкордатѣ, заключенномъ между вселенскою патріархіею и Австро-Венгерскимъ правительствомъ, святѣйшій Іоакимъ и его синодъ прямо заяв-

ляютъ, что, даруя автономію боснійской Церкви, они дѣлаютъ уступку «требованіямъ времени и настоящимъ обстоятельствамъ».

Чтобы быть послѣдовательными, патріархъ и его синодъ не можетъ не сдѣлать уступокъ и Восточной Румеліи, которая, послѣ того же Берлинскаго трактата, оказалась тоже въ измѣнившихся политическихъ условіяхъ.

Предпославъ эти объяснительныя слова, изложимъ проектъ устройства болгарской Церкви:

1. Въ предѣлы автономной болгарской Церкви входятъ Болгарское княжество и Восточная Румелія, причемъ послѣдняя на условіяхъ изложенныхъ ниже.

2. Архіепископъ Софійскій носитъ титулъ митрополита всей Болгаріи; во главѣ всѣхъ остальныхъ епархій стоятъ епископы, канонически подчиненные митрополиту.

3. При митрополитѣ постоянно находится болгарскій синодъ, составленный изъ четырехъ епископовъ, ежегодно по очереди мѣняющихся. Синодъ блюдетъ о сохраненіи чистоты православной вѣры и вѣдаетъ всѣ дѣла церковныя, дисциплинарныя, административныя и судебныя, являясь апелляціонною инстанціей для судебныхъ постановленій епархіальныхъ консисторій.

4. Въ случаяхъ первостепенной важности созывается Великій Архіерейскій Соборъ, засѣдающій подъ предсѣдательствомъ митрополита.

5. Митрополитъ и епископы избираются изъ среды болгарскаго духовенства чрезвычайнымъ собраніемъ, составленнымъ изъ всѣхъ болгарскихъ архіереевъ и народныхъ представителей, и утверждаются княземъ. Константинопольская Церковь не можетъ дѣлать никакихъ замѣчаній ни о способѣ избранія, ни о мѣсто-рожденіи и лицѣ избраннаго. При избраніи лишь митрополита князь, какъ представитель болгарскаго народа, обязанъ извѣстить вселенскаго патріарха объ учиненномъ избраніи и лицѣ избраннаго и представить его на утвержденіе его святѣйшества. Патріархъ же, убѣдившись, что выборъ сдѣланъ сходно съ церковными правилами, долженъ прислать безъ всякаго отлагательства

свое письменное соизволеніе, сопровождаемое его первосвященническимъ благословеніемъ, чтобы затѣмъ, въ Софїи, совершенно было посвященіе митрополита по церковному обряду. Епископы же посвящаются въ Софїи безъ предварительнаго патріаршаго соизволенія, но единственно властью и полномочіемъ ихъ митрополита, какъ тамошняго законнаго первосвященника, патріарху лишь присылается сообщеніе о томъ и онъ, въ своемъ отвѣтѣ, даетъ свое согласіе и благословеніе.

Избраніе производится закрытою подачей голосовъ и рѣшается абсолютнымъ большинствомъ этихъ послѣднихъ. Если первая баллотировка не дастъ абсолютнаго большинства, тогда приступаютъ къ вторичной для опредѣленія большинства относительнаго. Если же и затѣмъ голоса раздѣлятся по ровну, то выборъ рѣшается жребіемъ.

Въ санъ епископа и митрополита, избираемыхъ пожизненно, можетъ быть выбрано всякое духовное лицо, имѣющее не менѣе сорока лѣтъ отъ роду, прослушавшее курсъ богословскихъ наукъ, исполнявшее свои духовныя обязанности по меньшей мѣрѣ въ теченіи десяти лѣтъ и за все это время не запятнавшее себя никакимъ церковнымъ проступкомъ.

Синодъ ведетъ точный списокъ всѣхъ лицъ болгарскаго духовенства, которыя могутъ быть избраны въ епископы. Списокъ этотъ провѣряется ежегодно.

6. Внутренній распорядокъ Болгарской церкви опредѣляется уставомъ, который будетъ выработанъ Великимъ архіерейскимъ Соборомъ.

7. Во всякой епархіи имѣется епархіальная консисторія, состоящая, подѣ председательствомъ епархіальнаго архіерея, изъ его викарнаго и двухъ священниковъ, назначаемыхъ самимъ епархіальнымъ владыкою.

8. Св. миро получается отъ вселенскаго патріарха.

9. Во время богослуженія, митрополитъ всей Болгаріи поминаетъ имя патріарха Константинопольскаго, а епископы, кромѣ епископовъ Восточной Румеліи—митрополита.

10. Митрополитъ не можетъ быть безъ законной воли Константинопольскаго патріарха и соизволенія Болгарскаго князя удаленъ изъ своей епархіи, а болгарскіе епископы—безъ согласія митрополита и князя.

11. Болгарская церковь уплачиваетъ патріарху ежегодно за княжество Болгарское 960 турецкихъ лиръ и 275 турецкихъ лиръ за Восточную Румелію, т. е. столько же, сколько платили до сихъ поръ составляющія ее епархіи:

Софійская	11,250	піастровъ.
Виддинская. . . .	5,500	»
Варненская. . . .	1,500	»
Преславская	2,250	»
Тырновская	27,000	»
Кюстендильская . . .	10,000	»
Самоковская	11,000	»
Червенская	5,000	»
Ловчанская	7,500	»
Врачанская. . . .	15,000	»

96,000 піастровъ.

и въ Восточной Румеліи епархіи:

Филиппопольская . .	23,500	піастровъ.
Анхіальская	3,000	»
Месемврійская	1,000	»

27,500 піастровъ.

Кромѣ того, при всякомъ новомъ избраніи митрополита, патріарху присылается, въ видѣ подарка, сто турецкихъ лиръ. За уплатою же этихъ суммъ, вселенская патріархія не имѣетъ права требовать что либо съ Болгаріи.

12. Что касается стараго долга вселенской патріархіи, то Болгарская церковь вноситъ единовременно на погашеніе его 37,999 турецкихъ лиръ, изъ коихъ 27,010 приходится на княжество и 10,989 на Восточную Румелію. *)

13. Ни митрополитъ, ни епископы болгарскіе не имѣютъ права дѣлать долга ни на счетъ болгарскаго народа, ни на счетъ Великой Церкви.

14. Болгарское подворье въ Фанарѣ зависитъ отъ митрополита всей Болгаріи.

15. Бераты для епископовъ Восточной Румеліи выдаются генераль-губернаторомъ, дѣйствующимъ именемъ султана.

16. Епископы Восточной Румеліи на богослуженіи поминаютъ по чести имя вселенскаго патріарха и Болгарскій синодъ.

17. Греческія общины сохраняютъ по отношенію къ своимъ церквамъ, школамъ и благотворительнымъ учрежденіямъ, всѣ права и преимущества, коими онѣ пользовались въ Болгаріи и Восточной Румеліи доселѣ, и имѣютъ своихъ народныхъ священниковъ, вполнѣ подчиненныхъ, впрочемъ, мѣстному архіерею.

Обратимся теперь къ Македоніи. Установленіе въ этой странѣ извѣстнаго *modus vivendi* и водвореніе въ ней церковной тишины и спокойствія, по моему мнѣнію, возможно лишь при условіи удовлетворенія законнаго желанія Болгаръ—имѣть пастырей изъ своего народа и слышать богослуженіе на понятномъ имъ языкѣ. Для практическаго же осуществленія того условія и избѣжанія нескончаемыхъ пререканій между греческою и болгарскою народностями, необходимо поставить его на почву этнографическую.

Много было споровъ изъ-за того, кто именно — Болгары или Греки—составляютъ большинство населенія Македоніи. Безпристрастные путешественники и ученые, начиная съ Лежана

*) При христіанскомъ населеніи Восточной Румеліи въ слишкомъ 616,000 и княжества въ 1.400,000 душъ, вносимая патріархіи сумма составитъ, по раскладкѣ, менѣе двухъ піастровъ съ души.

и Киперта, доказывали, что Греки заселяютъ лишь узкую береговую полосу, а вся остальная страна сплошь заселена Болгарами, что, какъ мы видѣли, подтвердилъ и баронъ Рингъ, французскій делегатъ въ Восточно-румелійской комиссіи, проѣхавшій всю Македонію верхомъ.

Греки же доказывали, что Македонія — ихъ исконное наслѣдство, заселена вся Греками, при этомъ они даже не поспешили изобрѣсти особый этнографическій терминъ, назвавъ всѣхъ македонскихъ Болгаръ — болгарофонами. Одинъ изъ защитниковъ эллинизма — Synvet, такъ даже поусердствовалъ, что насчиталъ въ этой странѣ 474,506 Грековъ. Впрочемъ, нужно предположить, что Synvet былъ вовлеченъ въ ошибку невольно. Ключъ къ разгадкѣ этой ошибки находится въ самомъ предисловіи труда Synvet, гдѣ онъ говоритъ, что въ своихъ вычисленияхъ онъ руководствовался свѣденіями, собранными мухтарами (старостами), по приказанію вселенскаго патріарха, для установленія нѣкотораго налога на *православныхъ*. Понятно, что мухтары включили въ свои списки не только *греческое* населеніе Македоніи, но и тѣхъ Болгаръ, которые, какъ признающіе власть вселенской патріархіи, считаются ими за православныхъ, въ противоположность Болгаръ, подчиненныхъ экзархату и называемыхъ Греками — схизматиками.

Оставимъ пока въ сторонѣ южную Македонію, на которую, вслѣдствіе состава ея населенія, Греки съ основаніемъ или безъ основанія заявляютъ свои претензіи, и займемся лишь Македоніею сѣверною и среднею.

Вотъ населеніе ея по самымъ послѣднимъ даннымъ:

	Болгаръ.	Грековъ.	Балаховъ.
Казы: Кукушъ	74,910	—	1,790
» Разлогъ	14,860	—	—
» Джума	7,000	—	—
» Кюстендюль	25,000	—	—
» Неврокопъ	30,060	—	408

Части оставшіяся
Турціи за присое-
диненіемъ къ Бол-
гарии остальныхъ

	Болгарь.	Грековъ.	Валаховъ.
Казы: Демирхисаръ	68,000	—	2,160
» Мельникъ	38,100	1,800	—
» Петричь	30,500	—	—
» Дойранъ	13,090	—	—
» Тыквешъ	72,000	—	—
» Струмница	48,000	—	—
» Велесъ	49,300	—	—
» Ускюбъ	26,900	—	—
» Куманово	35,100	—	—
» Каратова	12,000	—	—
» Тетово	32,300	—	—
» Егри-Паланка	38,000	—	—
» Радовичи	14,300	—	—
» Кочани	31,700	—	40
» Истибъ	26,400	—	—
» Битолія	77,550	12	21,000
» Прилѣпъ	52,400	800	200
» Кырчево	23,100	—	—
» Ресна	8,600	2	7,480
» Пресба	7,600	—	—
» Охрида	42,760	2	2,450
» Флорина	41,400	—	3,250
Итого	940,930	2,616	38,778

Если цифры могутъ говорить краснорѣчиво, то я полагаю, что только что приведенныя числа своею убѣдительностью должны избавить меня отъ необходимости приводить болѣе многочисленныя аргументы въ пользу высказаннаго мною выше убѣжденія о неизбѣжности уступокъ законнымъ требованіямъ населяющихъ эту часть Македоніи Болгарь, между которыми рѣдкими островками разбросаны Греки, совершенно почти пропадающіе въ морѣ болгарскаго элемента.

Объяснивъ мою точку зрѣнія, перехожу къ практическому способу какъ согласить требованія Болгаръ съ условіями зависимости этихъ македонскихъ епархій отъ константинопольской патріархіи.

Соглашеніе, по моему мнѣнію, могло бы быть достигнуто на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Казы: Кукушъ, Разлогъ, Джума, Кюстендиль, Неврокопъ, Демирхисаръ, Мельникъ, Петричъ, Дойранъ, Тыквешъ, Струмница, Велесъ, Ускюбъ, Куманово, Кратово, Тетово, Паланка, Радовичи, Кочани, Истибъ, Битоля, Прилѣпъ, Кырчево, Ресна, Пресба, Охрида и Флорина, обнимающія епархіи: Пелагонійскую, Мельникскую, Охридскую, Скопскую, Струмницкую, Могленскую, Велесскую и Полянинскую, — составляютъ отдѣльный округъ, хотя и входящій въ предѣлы вселенскаго престола, но пользующійся полною внутреннею автономіей.

2. Вселенскій патріархъ не имѣетъ права, ни прямо, ни косвенно, вмѣшиваться въ духовныя дѣла округа и, въ особенности, въ избраніе епископовъ.

3. Епископы избираются изъ достойнѣйшихъ лицъ болгарскаго духовенства, туземнымъ клиромъ, при участіи народныхъ представителей и утверждаются патріархомъ.

4. Всѣ епископы, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Охридскаго, составляютъ архіерейскій Соборъ, на обязанности котораго лежитъ охраненіе чистоты православной вѣры и разрѣшеніе духовныхъ дѣлъ особой важности. Соборъ съѣзжается разъ въ годъ въ Охридъ для обсужденія вопросовъ, общихъ для всего округа. Засѣданія его продолжаются двѣ недѣли, но, при встрѣтившейся надобности, срокъ этотъ можетъ быть, съ общаго согласія, продленъ.

5. Соборъ будетъ вести списокъ лицамъ, признаннымъ, по надлежащемъ испытаніи, достойными посвященія въ епископы и копія этого списка сообщается ежегодно вселенской патріархіи.

Епископы избираются по этому списку чрезвычайнымъ собраніемъ мѣстнаго духовенства и народныхъ представителей.

Собрание сообщает о сдѣланномъ выборѣ вселенскому патриарху, который немедленно даетъ утвердительную грамоту, на основаніи которой и производится рукоположеніе вновь избраннаго.

6. Бераты для епископовъ испрашиваются у Порты патриархомъ и безъ отлагательства пересылаются имъ по назначенію.

7. Св. муро получается отъ вселенской патриархіи.

8. Епископы округа—изъ коихъ Охридскій носитъ титулъ архіепископа, оставаясь во всемъ остальномъ кромѣ титула совершенно имъ равнымъ—пользуются тѣми же правами, какъ и всѣ прочіе епископы и митрополиты Константинопольской патриархіи и участвуютъ въ избраніи вселенскаго патриарха въ качествѣ избирателей или избираемыхъ.

9. Одинъ или два архіерея будутъ поочередно присутствовать въ Константинопольскомъ синодѣ, оставаясь тамъ по одному году.

10. Богослуженіе совершается на церковно-славянскомъ языкѣ: епископы и архіепископъ поминаютъ на богослуженіи имя патриарха.

11. Низшее духовенство округа находится въ полной канонической зависимости отъ своихъ епископовъ и поминаетъ на богослуженіи ихъ имя.

12. Болгары округа имѣютъ право строить себѣ новыя церкви и учреждать новыя школы.

13. Внутренняя администрація округа, въ духовномъ и образовательномъ отношеніи, устраивается на основаніяхъ, которыя будутъ выработаны архіерейскимъ Соборомъ.

14. Округъ принимаетъ на себя уплату части долга вселенской патриархіи, пропорціонально пространству и числу жителей.

15. Округъ уплачиваетъ ежегодно вселенскому патриарху, чрезъ посредство архіерейскаго Собора, четыреста сорокъ семь турецкихъ лиръ, т. е. столько же, сколько вносили въ патриаршую казну доселѣ епархіи, входяція въ составъ округа:

Пелагонійская . . .	6,000	піастровъ.
Мельникская. . .	5,500	»

Охридская	4,250	піастровъ.
Скопская	17,250	»
Струмницкая	4,200	»
Могленская	2,000	»
Велесская	2,500	»
Полянинская	3,000	»
		44,700 піастровъ.

За уплатою же этой суммы вселенская патріархія не имѣетъ болѣе права предъявлять округу какія либо денежныя требованія.

16. Грекамъ въ Мельникѣ, Битоліи, Прилѣпѣ, Реснѣ и Охридѣ предоставляется, если они того пожелаютъ, имѣть особую церковь, по одной—за исключеніемъ митрополіи—въ каждомъ изъ этихъ городовъ. Во всѣхъ этихъ городахъ Греки имѣютъ право на одну школу, которою будетъ управлять греческая община.

17. Греческое населеніе въ Мельникѣ, Битоліи, Прилѣпѣ, Реснѣ и Охридѣ имѣетъ своихъ священниковъ греческаго происхожденія, вполнѣ, впрочемъ, подчиненныхъ мѣстному архіерею.

Что же касается до мѣстностей, населенныхъ Болгарами и остающихся внѣ предѣловъ Восточной Румеліи и Охридскаго округа, то, принимая въ соображеніе, что если соглашеніе на вышеприведенныхъ условіяхъ состоится, неминуемымъ слѣдствіемъ того будетъ возстановленіе братскихъ отношеній между Греками и Болгарами, и что, потому, весьма естественно во вниманіе обязательствъ, взятыхъ на себя болгарскою Церковью по охраненію правъ греческаго элемента,—чтобы и вселенскій патріархъ далъ съ своей стороны ручательство, что въ отдѣльные приходы съ большинствомъ изъ Болгаръ будутъ назначаться священники изъ Болгаръ же, и что школы, содержащіяся на иждивеніе болгарскихъ общинъ будутъ управляться болгарскими же общинами. Богослуженіе же въ смѣшанныхъ приходахъ могло бы совершаться попеременно. на языкахъ греческомъ и церковно-славянскомъ.

Достойный подражанія примѣръ данъ былъ въ этомъ отношеніи греческимъ адрианопольскимъ митрополитомъ Неофитомъ, извѣстнымъ своею умѣренностью и благочестіемъ.

Когда Болгары, въ началѣ 1881 года, стали служить обѣдно въ своей новой церкви въ адрианопольскомъ предмѣстьи Ильдирымъ, мѣстные Греки явились къ митрополиту съ жалобами. Высокопреосвященный Неофитъ отвѣтилъ имъ, что всякій свободенъ молиться гдѣ и какъ онъ хочетъ и что вѣра не можетъ быть дѣломъ физическаго принужденія.

Не довольствуясь этимъ, митрополитъ Неофитъ тогда же разрѣшилъ Болгарамъ деревни Евкяръ читать въ церкви богослужебныя книги по болгарски.

Святой Василій Великій, знаменитый архіепископъ Кесаріи Каппадокійской, начерталъ на страницахъ, оставшихся безсмертными, описаніе смутъ, раздиравшихъ въ его время Восточную Церковь. И теперь, по прошествіи пятнадцати вѣковъ, краснорѣчивыя страницы эти, исполненныя высокой христіанской любви и чувства всепрощенія, глубоко трогаютъ сердце cadaго православнаго.

Зачѣмъ не имѣю я силы и краснорѣчія этого отца Церкви, дабы, представивъ плачевное зрѣлище раздоровъ и неурядицъ, свившихъ себѣ гнѣздо въ отношеніяхъ между греческою и болгарскою народностями, я могъ подѣйствовать на сердца вожаковъ этихъ обѣихъ единовѣрныхъ національностей и склонить ихъ къ уступчивости и къ принятію вышеизложенныхъ условій, дающихъ, по моему крайнему разумѣнію, именно тѣ безпристрастныя основанія, на которыхъ могло бы состояться, къ большой горести враговъ православія, столь горячо желаемое нами соглашеніе по греко-болгарскому церковному вопросу и взаимное примиреніе двухъ равно дорогихъ Россіи народностей.

Пусть и Россія возьмется мощною рукой за это дѣло, помня свою искони ей принадлежащую роль посредницы и покровительницы всѣхъ христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова,

а также помня, что плодами всякихъ недоразумѣній будетъ пользоваться, конечно, не православіе и не обще-русское дѣло.

Восточные патріархи въ окружномъ посланіи 1846 года, провозгласили, что единство въ православной Церкви хранится не внѣшнею силой, не внѣшнею властью, а союзомъ христіанской любви.

Нынѣ настало время приложить на практикѣ эти возвышенныя слова. Если вселенская патріархія искренно хочетъ, чтобы повсюду въ предѣлахъ православной Церкви хранилось единство, пусть она проникнется мудростью словъ этого посланія св. іерарховъ и станетъ дѣйствовать въ духѣ любви и снисходительности къ своимъ чадамъ, хотя и погрѣшившимъ, но теперь раскаявающимся и желающимъ полного примиренія съ Великою Церковью.

Что же касается до Болгаръ, то имъ слѣдуетъ помнить, что лишь одно окончательное примиреніе съ Константинопольскою патріархіей и оффиціальное признаніе всѣми православными автокефальными Церквями независимости болгарской Церкви можетъ утвердить власть этой послѣдней и доставить ей необходимое обаяніе и прочность.

Для заключенія настоящаго моего труда невозможно, мнѣ кажется, найти лучше словъ, чѣмъ тѣ, которыя были произнесены извѣстнымъ ученымъ—Грекомъ Танталиди: «услышь и ты, православный болгарскій народъ! Не успокоивай себя тою ложною мыслью, которою заманиваютъ тебя нѣкоторые, будто бы ты безопасно останешься въ православіи, если твой экзархатъ будетъ учрежденъ путемъ раскола. Откажись и ты отъ нечестивыхъ твоихъ представителей и поддержи благочестивыхъ и умѣренныхъ. Ищи освященія твоего экзархата отъ твоей матери-Церкви. Положи основаніе его на благословеніяхъ, дабы онъ пребылъ непоколебимъ во вѣки».

В. Тепловъ.

Буюкдере.

23-го Августа 1881 г.

Teplov, Vladimir Aleksandrovič

Greko-bolgarskij cerkovnyj vopros po neizdannym istočnikam Istor. izslěd.
V. Teplova

S.-Peterburg 1889

H.eccl. 3187 u

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11614437-1